

ИЗДАТЕЛЬ
ООО
“РАУ-
Университет”

ГЛАВНЫЙ
РЕДАКТОР
ШТОЛЬ В.В.

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ

ЕРЕМЕНКО И.Н.
(исполнительный
директор редакции)
НОВИКОВ Ю.Д.
(заместитель
главного редактора)
АБАШИДЗЕ А.Х.
БЕРКОВ А.А.
ДЕРЯБИН Ю.С.
ЗИМЕНКОВ А.Л.
ИЗВЕКОВ Н.Н.
КОМАРОВ И.К.
КОТИЛЕВСКИЙ
М.Д.
ЛЕБЕДЕВ Ю.В.
ЛУНЬКОВ А.Г.
МЧЕДЛОВ М.П.
ОРЛОВ А.А.
ПЕТРАКОВ Н.Я.
РЕПКИН Ю.М.
ЯХЬЯЕВ Т.Г.

НАУЧНО-
РЕДАКЦИОННЫЙ
СОВЕТ

АРИСТОВ В.В.
ГАБАРАЕВ Б.А.
ГАЛОГАНОВ А.П.
ДЕЛЯГИН М.Г.
ЕФИМОВ Б.Е.
ЖУРКИН В.В.
ЗОРИН В.С.
ИВАШОВ Л.Г.
ИВЛИЕВ Г.П.
КАШЛЕВ Ю.Б.
КРЕМЕНЮК В.А.
ЛАДЫГИН Ф.И.
ЛАПТЕВ П.А.

НАРОДОНАСЕЛЕНИЕ – СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ПАРАМЕТР ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА Д.Львов, Ю.Чернов	3
МЕЖДУНАРОДНЫЕ АСПЕКТЫ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ С.Шатилов, В.Павленко.....	10
ВЛАСТЬ И ЦЕРКОВЬ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ В.Семенов	21
ЧАС НЕТОПЫРЯ И.Максимычев.....	28
КАЛИНИНГРАДСКИЙ АНКЛАВ – “ВИТРИНА” РОССИИ ИЛИ ТАИНСТВЕННЫЙ ОСТРОВ В ОКЕАНЕ ЕС? А.Богданов.....	42
НАЦИОНАЛЬНАЯ РЕФЛЕКСИЯ КАК ФАКТОР ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ Ю.Бойко	47
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ ИНТЕГРАЦИИ И СНГ В.Алчинов.....	55
ВОЗДУШНЫЕ ОПЕРАЦИИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ – ПРООБРАЗ СОВРЕМЕННЫХ ВОЗДУШНО-НАСТУПАТЕЛЬНЫХ ОПЕРАЦИЙ М.Павлушенко, А.Смирнов, И.Желтяков	65
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЛИЗИНГ В.Часовой	75
ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФСБ В.Головин	79
АНАРХИЗМ ЛИБЕРАЛЬНЫХ РЕФОРМ В РОССИИ А.Матюхин.....	90
ЭХО ВОЙНЫ В.Иванов	100

Рецензии

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КАК ИСКУССТВО А.Шутов.....	107
РОЛЬ РЕЛИГИИ В ИЗМЕНЯЮЩЕЙСЯ РОССИИ А.Берков	110
НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ МЕЖДУНАРОДНЫХ РЕГИОНАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ Н.Жданов	114

ЛЬВОВ Д.С.
ПОПОВ В.И.
ПРИМАКОВ Е.М.
СЕМИГИН Г.Ю.
СУХАРЕВ А.Я.
ТИТАРЕНКО М.Л.
ТОРКУНОВ А.В.
ШАХНАЗАРОВ
К.Г.
ЯКОВЛЕВ В.Ф.

Ежемесячный
информационно-
аналитический
журнал
«Обозреватель—
Observer»
издается с 1992 г.

НАРОДОНАСЕЛЕНИЕ – СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ПАРАМЕТР ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

Демографический кризис ставит пределы росту ВВП

Д.Львов,
академик РАН

Ю.Чернов,
кандидат экономических наук

Для экономики численность народонаселения, его динамика и структура имеют фундаментальное значение, потому что этот фактор, как и показатель ожидаемой продолжительности жизни, самым непосредственным образом активно воздействует на сегодняшнее развитие экономики, формируя социальные механизмы экономического роста.

При этом надо иметь в виду, что в экономической действительности всегда скрыты живые люди и социальные группировки людей, численностью и качественным уровнем которых и предопределяется развитие экономики.

Многолетний опыт реформаторства либерал-демократов показал, что в условиях, когда деньги и цены становятся основным средством организации экономики, когда люди теряют оседлость и работу, а вследствие этого и веру в честный труд, экономические отношения стали принимать, на наш взгляд, форму своеобразного экономического футуризма, идеологи которого упорно не замечают основного противоречия в своих устремлениях – они хотят в условиях всеобщего социально-экономического декаданса развить ускоренное экономическое движение и отрицают основной источник экономического роста – трудящегося человека.

Именно по этой причине Россия переживает уже в течение почти 15 лет демографический кризис, о чем пишут теперь не только демографы и оппозиция, но и прямо говорят официальные представители правительств.

В области здоровья, смертности и продолжительности жизни демографические показатели и индикаторы общественного здоровья говорят не только о деградации многих звеньев социального обеспечения в России, но о различных качественных состояниях российского и западных обществ, о разном, а не различающемся, качестве жизни, что осознается далеко не всеми.

С начала 90-х годов демографическое развитие РФ вступило в период острейшего кризиса, охватившего все стороны демографического процесса: рождаемость, смертность, естественное движение населения и миграция. В 1992 г. впервые в послевоенной истории в России зафиксирована убыль населения. В этом году естественный прирост сменился естественной убылью, которую миграционный прирост не смог перекрыть. Одной из причин естественной убыли населения России явилось беспрецедентное падение рождаемости.

В 1991 г. в стране родилось 1,8 млн. детей, в 1993 г. – 1,4 млн.

Тогда как в 50-е годы в РФ ежегодно рождалось 2,8–2,9 млн. детей.

1992 г. был первым годом, в котором была зарегистрирована естественная убыль

населения России: число умерших превысило число родившихся, естественный прирост населения стал отрицательным. Началась естественная убыль населения, или депопуляция.

С другой стороны, рост смертности и сокращение средней продолжительности жизни особенно усилились в 1993 г., когда ожидаемая продолжительность жизни мужчин достигла 58,9 лет, женщин 71, соответственно. По итогам 1994 г. – это 57 лет у мужчин и 71,1 года у женщин – самые низкие значения за весь послевоенный период.

Начавшийся в 1992–1993 гг. драматический рост смертности, когда произошло беспрецедентное падение ожидаемой продолжительности жизни населения, продолжается и по сей день. Как отмечают демографы, ни одна страна не испытывала прежде подобного шокового повышения смертности в мирное время. В целом численность населения уменьшается за счет трудоспособного населения. И все эти процессы сопровождаются резким постарением населения. В настоящее время доля лиц, чей возраст превышает 65 лет в РФ составляет 13%, тогда как по международным стандартам население страны, в которой доля лиц этого возраста превышает 7%, признается старым.

Ежегодно погибает больше 200 тыс. мужчин, не считая военных. По структуре смертности мы соответствуем стране, находящейся в состоянии затяжной войны. Как считают в ИНП РАН, потери здоровых мужчин за эти годы сопоставимы с потерями СССР в Великой Отечественной войне.

Демографические кризисы с резким уменьшением темпов роста численности населения или даже его абсолютного сокращения происходили в России многократно, а в XX в. приняли особенно трагический характер. Общие демографические потери в кризисные годы включают в себя потери от повышенной смертности, снижения рождаемости и роста эмиграции и, как считают демографы, есть величина расчетно-условная, зависящая от принятых исходных гипотез. Приведем один из вариантов подобных расчетов, базирующийся на предположении, что темпы прироста численности населения в кризисные годы не падали, а сохранялись бы постоянными на уровне 1% в год.

В этом случае разница между фактической и гипотетической численностью населения была бы близка к минимальной оценке демографических потерь (без отдаленных потерь, связанных с нарушением возрастной структуры населения). Рассчитанные таким образом потери для России в целом составляют только за первую половину XX в. около 50 млн. чел. В том числе:

- в результате кризиса 1916–1921 гг. – 18,6 млн. чел.;
- в результате кризиса 1928–1934 гг. – 6,5 млн. чел.;
- в результате кризиса 1939–1946 гг. – 24 млн. чел.

Расчет произведен при условии сохранения постоянных темпов роста численности на уровне, наблюдавшемся непосредственно перед каждым кризисом.

С учетом опосредованных (например, эмиграции) и отдаленных (нарушений в половозрастном составе населения) последствий этих кризисов, как считают демографы, Россия безвозвратно потеряла свыше 100 млн. жизней. Такова неимоверная цена, измеряемая человеческими жизнями, социальных катастроф первой половины XX в., которые необратимо подорвали демографический потенциал России.

По своим последствиям современный демографический кризис привел к глубокому ослаблению социального потенциала России, которое сравнимо с процессом истощения природы под воздействием антропогенных нагрузок, когда нет условий для её рекреации. Убыль населения за годы реформ приняла катастрофический характер: абсолютные потери населения составили около 10 млн. чел. Самое главное для проблемы экономического роста – численность населения в основном сокращается за счет людей трудоспособного возраста, что прямым и непосредственным образом сказывается на темпах роста ВВП.

Если все эти факты рассматривать в аспекте крайне необходимого ускорения экономического роста, то вполне определенно можно сказать, что на пути решения этой

задачи возник труднопреодолимый демографический барьер, образовавшийся из-за депопуляции. И трудно себе представить связанные с демографическим кризисом качественные изменения социальной структуры общества и объемы недополученного национального дохода в результате сокращения трудового потенциала страны.

Россия, согласно недавним прогнозам зарубежных экономистов, на период до 2050 г. покажет относительно медленный рост, экономика страны будет расти в среднем на 2,7% в год. Главная причина, сдерживающая рост – демография, уменьшение трудоспособного населения на 0,5% в год.

Объяснение глубинных причин демографического кризиса нужно искать в социально-экономическом эксперименте 90-х годов, когда резко, в шоковой форме была повышена “стоимость” индивидуальной жизни и индивидуального здоровья, вызвавшее быстрое и беспрецедентно огромную стратификацию общества по уровню доходов. И хотя по индексу человеческого развития (ИЧР) Россия входила в 1990–1994 гг., согласно расчетам экспертов ООН, в группу стран с высоким уровнем человеческого развития (ИЧР 0,800 и выше), занимая 57 место среди 177 стран, это не обеспечило надлежащего качества жизни её населению. Сравнительно высокий ИИР, обеспечивая потенциально высокие возможности улучшения жизни, расширение жизненного пространства за счет интеллекта и накопленного исторического опыта, пришел в столкновение с низким качеством реальной жизни, условия которой не позволили реализовать высокий потенциал человеческого развития. Все это вызывало сильнейший социальный стресс, за которым стоит бесцельность жизни, её “недоброкачественность” (термин А.Платонова).

По нашему мнению, в стране нет жизнеспасающего общественного климата именно потому, что у правительства отсутствует ясное понимание проблем социально-экономического развития, в том числе его демографического аспекта. В программах правительственных экономистов последних лет отсутствует главный критерий – рост народонаселения и повышение ожидаемой продолжительности жизни, которыми как исходными критериями и должны предопределяться те или иные программные решения. Дегуманизация общественной жизни и само общественное неустройство в России обескровливает людей, лишает их самого нужного и ценного – силы жизни, её смысла. Тщательно замалчиваемый отрицательный потенциал всех реформаторских устремлений и начинаний привел к снижению психической устойчивости человека, к обесцениванию духовного содержания его деятельности, что в условиях резкого снижения доходов граждан, в конечном итоге, и вылилось в демографическую катастрофу. Наши либеральные экономисты как-то забыли, что социальное развитие страны, прежде всего, измеряется прирастанием её населения, улучшением качества его жизни. Этим показателям, на наш взгляд, необходимо придать критериальный характер при разработке программы экономического развития страны.

Крупный просчет макроэкономических прогнозов правительственных экономистов состоит в том, что показатели экономических программ исходят из допущения о независимости экономического роста от ситуации в демографии, которая имеет, по нашему мнению, самое непосредственное отношение к решению поставленной президентом задачи по удвоению ВВП к 2010 г.

Возникает вопрос: как в условиях наблюдаемого в наше время абсолютного сокращения численности трудоспособного населения решать эту задачу?

Каким компенсационным механизмом можно восполнить недостающую рабочую силу, имея ввиду, что до сих пор правительственные экономисты не удосужились дать оценку роли динамики трудовых ресурсов в экономическом росте, хотя именно этим фактором, а лучше сказать параметром, будет определяться траектория развития России на предстоящие полвека.

Тут следует пояснить, почему численность народонаселения в настоящее время становится параметром экономического развития.

В науке параметр – это универсальная постоянная, ограничивающая возможности

нашего воздействия на природу (в том числе экономических процессов, инициируемых действием рыночных сил). Под это определение целиком и полностью подпадает рост народонаселения, поскольку именно его трудовой потенциал устанавливает естественные пределы для возможного хозяйственного использования не только природных, инвестиционных, но и ресурсов интеллектуальных и тем самым определяет границы экономического роста.

В условиях российского демографического кризиса самым непосредственным образом становится очевидной политэкономическая аксиома: “Увеличение населения образует математическую границу производства прибавочной стоимости совокупным капиталом” (К.Маркс).

Такой подход имеет фундаментальное значение, так как в основном и главным образом именно через этот параметр (народонаселения и его качественные характеристики) предполагаемое будущее развитие страны влияет на настоящее. Поэтому и необходимо перенацелить инвестиционные потоки на “расшивку” ключевого звена, обеспечивающего рост производительности труда – сферу производства и воспроизводства человека, для чего требуется существенная модернизация сферы капитализации человеческих ресурсов и существенное углубление инвестиций в неё.

Капиталовложения в человеческие ресурсы стали решающим фактором уверенного экономического развития США в конце XX в.

При этом ведущую роль играют расходы федерального правительства на повышение качества человеческих ресурсов – расходы на социальное обеспечение, здравоохранение, образование.

Если на их долю в 50-е годы приходилось меньше 20% федерального бюджета (3% ВВП), то сейчас две трети бюджета (14% ВВП), а с учетом расходов штатов и местных властей более 20% ВВП.

В докладе президента США Конгрессу США, инвестирование в людей на протяжении всей их жизни является центральной стратегией правительства. Для такого заявления имеются веские основания: исследования американских экономистов показали, что инвестирование именно в человеческие ресурсы дает наибольшую экономическую отдачу. Например, эффективность затрат на четырехгодичное обучение студента в колледже, согласно данным доклада президента Б.Клинтон Конгрессу США, составляет 13%, что превышает эффективность любых финансовых инструментов.

Вследствие высокой отдачи инвестиций в человеческие ресурсы экономические потери, связанные с демографическим кризисом, могут принять размеры, сопоставимые, например, с потерями от крупномасштабной безработицы. Отличительной их особенностью является то, что они не столь очевидны, как традиционные экономические затраты, имеют латентный (скрытый) характер и проявляются в кумулятивной форме на долговременном отрезке времени.

Объективная оценка экономических потерь, вызванных катастрофическим вымиранием населения, необходима, прежде всего, для проведения четкой политики народосбережения, в функции которой должно входить:

- формирование желательного режима воспроизводства населения;
- сохранение или изменение тенденций в области динамики и структуры населения, качественных характеристик населения.

И здесь самая первостепенная экономическая задача – оценка прямых потерь ВВП от убыли (вследствие демографического кризиса) населения в трудоспособном возрасте.

Второй по порядку, но не по значимости, выступает задача теоретического обоснования на уровне концептуального экспериментирования взаимосвязи динамики занятости с такими макроэкономическими показателями, как производительность труда,

инфляция, эффективность инвестиций, норма банковского процента и др., с тем, чтобы наметить стратегию управления демографическими процессами экономическими методами. Актуальность этой задача очевидна: политика народонаселения (а для России эта политика должна стать политикой народосбережения) помимо проблемы воспроизводства населения должна включать в себя проблему регулирования условий занятости и проблему безработицы в её связи с инфляционным процессом; проблему уровня жизни (доходы, образование, охрана здоровья, социальное обеспечение) потому, что именно эти условия ограничивают возможности борьбы за сохранение человеческой жизни и обуславливают столь низкую цену жизни трудящегося населения в современной России.

Одна из субъективных причин возникновения демографического барьера¹ состоит в том, что правительственные экономисты вообще не занимаются макроэкономическими проекциями демографического кризиса. В этой связи следует отметить, что в отличие от правительственных экономистов в последние годы серьезную обеспокоенность разразившемся в России демографическим кризисом выразили (в соответствии со своим профессиональными интересами) крупнейшие организации США и мировой общественности.

Так, в докладе ЦРУ США под названием “Тенденции мирового развития в 2015 году”, в разделе, посвященном РФ, указывается, что главной проблемой России будет проблема депопуляции населения, что на нашу страну в буквальном смысле слова обрушится эпидемия смертности, происходящая на фоне снижения рождаемости.

Всемирный банк в декабре 2005 г. обнародовал специальный доклад, посвященный преждевременной смертности в России.

Главный вывод исследования: если демографическая ситуация не изменится, то к 2025 г. население России сократится на 18 млн. чел. И это притом, что с 1992 по 2003 гг. россиян стало меньше на 6 млн. чел. Такое “демографическое опустошение” является беспрецедентным среди индустриально развитых стран, – констатируют авторы доклада.

Следует подчеркнуть, что такая гигантская убыль населения происходит на фоне положительного миграционного сальдо.

По оценке экспертов ООН, России потребуется для обеспечения удвоения ВВП в условиях демографического кризиса ежегодно импортировать до 2 млн. рабочих-иммигрантов. Этот вывод подтвердил недавно наш министр финансов, откровенно посоветовав импортировать рабочую силу. К сожалению, во всех этих рекомендациях нет оценок прямых экономических потерь и в особенности снижения темпов экономического роста в результате убыли трудоспособного населения.

Заметим, что к чести российских ученых ещё 10 лет тому назад на основе прогнозной информации, были впервые сделаны оценки возможных экономических потерь на предстоящие 10 лет от демографического кризиса. Выводы из этих исследований были удручающими: убыль населения в трудоспособном возрасте для прогнозируемого периода 1995–2005 гг. была эквивалентна людским потерям в крупномасштабной войне, а потери ВВП вместе с экономическими потерями от безработицы составили примерно 15% ВВП².

Оценка влияния абсолютного сокращения населения в трудоспособном возрасте на темпы роста ВВП за период 2000–2010 гг., была основана на ряде исходных допущений.

Главное из них состояло в том, что годовое выбытие трудоспособных граждан было фиксированным и равно их потерям в 2004 г., что в суммарном выражении за 10 лет составило порядка 9,6 млн. чел. Коэффициент участия трудоспособных граждан в общественном производстве также был фиксированным и составил 0,63.

Уровень занятости также был принят неизменным.

При этих условиях убыль трудоспособного населения в анализируемом периоде составила порядка 15% от его базового значения.

При современных темпах роста ВВП в 6–7% эта убыль рабочих рук может обернуться

потерей до 1/4 общих темпов экономического роста.

Напрашивается вывод: отрицательная воспроизводственная роль трудового потенциала в современной России сказывается, прежде всего, в низких темпах роста ВВП относительно их потенциального уровня. И в целом подтверждается та простая истина, что реальный экономический рост в течение восстановительного периода есть результат роста производительности труда, который компенсирует недостающую рабочую силу.

Интересно, какова относительная роль рабочей силы и производительности труда в росте ВВП в странах с устойчивым экономическим ростом?

Результаты факторного анализа, например, темпов роста валового национального продукта США за ряд последних пятилетних периодов вполне определенно доказывают, что динамика численности трудоспособного населения на 40–50% предопределяет экономический рост США.

При этом производительность труда и занятая рабочая сила, имея однонаправленную динамику, выступают как взаимодополняющие факторы экономического развития.

Подобные расчеты, к сожалению, не проводятся официальными экономическими службами в РФ, хотя их аналитическая и, самое главное, политическая значимость как мобилизующего фактора вполне очевидна.

Оценить реальный масштаб влияния убыли населения в трудоспособном возрасте на экономический рост может помочь следующее сопоставление.

Правительственные экономисты прогнозировали в 2005 г. замедление темпов экономического роста только до 6% несмотря на значительный рост цен на нефть. В МЭРТ считали, что рост цен на нефть в 2005 г. добавил к среднегодовому темпу роста экономики 1,5–2 процентных пункта, в то же время убыль трудоспособного населения снизила экономический рост на 1,3%. Это сравнение показывает, что влияние демографического кризиса на темпы экономического роста в определенном отношении эквивалентно влиянию роста цен на нефть.

Можно отметить, что воспроизводственная роль трудового потенциала вследствие старения населения также снижается во многих странах Европы.

По оценке журнала *The Economist*, в Италии, например, за период 2005–2035 гг. население трудоспособного возраста сократится на 20%.

Согласно оценкам экспертов МВФ отрицательные тенденции в демографических процессах снизят экономический рост в Европе на 0,5% к 2050 г. и в то же время вызовут дополнительную нагрузку на бюджет (пенсии, здравоохранение, соцобеспечение).

Согласно Европейской комиссии, отрицательные демографические изменения увеличат к 2040 г. общественные издержки на величину порядка 5–8% от ВВП.

Таким образом, главной причиной демографического кризиса в России (и здесь почти все эксперты сходятся во мнениях) является недоброкачественность жизни³ россиян на протяжении последних нескольких десятилетий вследствие чего режим воспроизводства населения России сохраняется суженным. При этом первостепенным параметром общественного уклада является минимальное значение численности населения в трудоспособном возрасте, необходимое для физиологического и социально-экономического самовоспроизводства нации и обеспечения её самосохранения.

Примечания

¹ Под демографическим барьером понимается, в трактовке академика Д.С.Львова, абсолютная убыль трудоспособного населения, вызывающего отрицательную динамику экономического развития.

² Коммерсантъ. 1995. № 1.

³ В 2004 г. британский журнал The Economist опубликовал рейтинг качества жизни в 111 странах мира “World in 2005”. Россия оказалась почти в самом конце рейтинга – на 105-м месте, несмотря на то, что по материальным показателям заняла 55-ю позицию.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ АСПЕКТЫ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ¹

С.Шатилов,
член Совета Федерации, кандидат технических наук
В.Павленко,
кандидат политических наук

Анализ международных аспектов евразийской интеграции будет неполным без упоминания о конкретных, наиболее острых “нервных узлах” и “болевых точках” современной мировой политики, а также о тесно связанных с ними тенденциях, определяющих динамику внешнеполитического курса современной России.

При всей важности событий в системе взаимоотношений нашей страны со странами СНГ, а также Китаем, Европой и США, ключевыми в настоящий момент следует признать процессы, протекающие на Ближнем и Среднем Востоке. Ибо наблюдаемый здесь рост напряженности чреват дестабилизацией региона, максимально приближенного к самым уязвимым южным границам евразийского пространства.

Активизация российской внешней политики на этом важнейшем стратегическом направлении наталкивается на “встречные” попытки Запада не только воспрепятствовать общему укреплению позиций Москвы в мусульманском мире, но и направить против нее расширяющуюся экспансию радикального ислама.

Ближневосточный конфликт – инструмент глобального управления

Ряд партнеров нашей страны по переговорам на Ближнем и Среднем Востоке, прежде всего, ХАМАС и иранское руководство, а также Сирия вызывают столь сильное неприятие на Западе отнюдь не в силу своего “экстремизма”, во многом, кстати, сознательно преувеличиваемого (а в случае с Дамаском – вообще придуманного).

ХАМАС, к примеру, однозначно отверг предложение о сотрудничестве, сделанное одним из лидеров “Аль-Каиды” аль-Завахири, обвинив эту организацию в деятельности, несовместимой с принципами и духом ислама².

То же и с Ираном, “радикализм” которого, как и механизмы принятия решений, на Западе понимаются своеобразно.

В связи с этим напомним, что высшей инстанцией, принимающей политические решения, является отнюдь не президент, а духовный лидер Исламской революции аятолла аль-Хаменеи, а также консультативный Совет, возглавляемый экс-президентом и бывшим соперником М.Ахмадинежада на президентских выборах А.А.Хашеми-Рафсанджани.

Это вопреки позиции, занятой американской администрацией, делает сомнительными любые попытки однозначной оценки внешнеполитического курса этой страны как в современных условиях, так и на перспективу, предоставляя ее руководству максимально широкое пространство для маневра.

Из всего этого также следует, что причины обструкции, которой подвергаются руководители ХАМАС, а также иранский и сирийский президенты, иные. Главной из них является повышенная сложность (если не невозможность) вовлечения их в процессы, протекающие под эгидой “трилатерализма”³ (“трехсторонности”)⁴.

Можно выразиться еще конкретнее: цели, преследуемые в Ближневосточном регионе последователями “глобалистского фундаментализма”, изначально не предполагали, что

произойдет столь кардинальная, как за истекший год, смена векторов палестинской и иранской внешней политики. Почему это произошло – отдельный разговор: очень похоже, что “глобалистами” допущен провал, приведший к прогрессирующей потере контроля над ситуацией. Поэтому перестраиваться им пришлось уже “на марше”, отыскивая при этом решения, способные дать передышку и, одновременно, предельно завуалировать конечные планы, максимально затруднив их достоверный прогноз. А, стало быть, и принятие адекватных ответных мер.

Обращает, например, внимание, что в том же Иране наблюдается постепенный выход из “тени” духовного руководства страны, с которым вполне логично связывается сохраняющаяся противоречивость вектора иранской политики Вашингтона. С одной стороны, в двусторонних отношениях продолжает нагнетаться напряженность, о чем наглядно свидетельствуют обвинения “во всех смертных грехах”, предъявленные официально Тегерану госсекретарем США К.Райс⁵.

С другой – не исключена возможность их смягчения, в частности постановкой во главу угла двусторонних отношений такого вопроса, как урегулирование кризиса в Ираке. Представляется, что здесь сторонам намного легче будет найти почву для компромисса, нежели при дальнейшем муссировании зашедшего в явный тупик обсуждения проблем “ядерного досье”. В пользу высокой вероятности именно такого развития событий свидетельствует многое, в том числе заявление той же Райс о том, что большая часть американского воинского контингента будет выведена из Ирака еще в нынешнем году⁶. Очевидно, что без серьезных гарантий контроля над ситуацией со стороны соседей Багдада, такое трудно даже представить.

Отметим еще одну чрезвычайно важную деталь нынешней ситуации. Вряд ли можно считать случайным совпадением, что “утечки” о предстоящих американо-иранских переговорах совпали с наметившейся коррекцией политики Запада в отношении Израиля. Достаточно неожиданно для мирового сообщества не просто признано наличие проблемы, связанной с израильской ядерной программой, но и поставлен вопрос о принятии профилактических мер по отношению к исходящей от нее угрозе⁷.

Какое отношение, однако, имеет усиливающийся кризис на Ближнем Востоке, а, тем более, проблемы, с которыми сталкивается руководство Израиля (в том числе, и в отношениях с Западом), к задачам и перспективам интеграции на постсоветском пространстве?

Похоже, что самое непосредственное.

В настоящее время в регионе происходит форсированная перегруппировка сил, призванная не только внести экстренные коррективы в прежний курс, но и максимально ускорить реализацию планов, способных преодолеть издержки, с которыми “реформаторы” “Большого Ближнего Востока” столкнулись в результате вторжения в Ирак, а также “захлебнувшегося” дипломатического наступления на Иран и палестинский ХАМАС.

Начинается очередной раунд “Большой Игры”, обусловленный, с одной стороны, объективным ходом событий, а, с другой – интересами его участников и расширением их круга. Главным образом – за счет России, возвращающейся в Ближневосточный регион после длительного перерыва, и Китая, на глазах превращающегося в державу с глобальным спектром интересов, вовлеченную во все ключевые мировые процессы.

Очевидно, что инициаторы провозглашенного еще в 1991 г. “нового мирового порядка” озабочены не только “сохранением лица” при выводе из региона войск американо-британской коалиции, но и формированием такой расстановки сил, которая позволила бы, во-первых, интерпретировать завершение военной операции как победу, а, во-вторых, закрепить результаты этой “победы”. Разумеется, за счет геополитических конкурентов – тех же Китая, России и союзнических им центрально-азиатских режимов.

Нарушить эти планы, осуществление которых, скорее всего, чревато для нашей страны весьма негативными последствиями, можно лишь контригрой на опережение. Поскольку основные события происходят (и будут происходить) в непосредственной

близости от границ России, ее нынешняя активизация в Ближневосточном регионе была неизбежной. Это превращает Москву в естественный центр консолидации сил, противостоящих “глобалистскому фундаментализму”. Тем более, что участие в Совете Безопасности ООН и рабочей группе коспонсоров по урегулированию палестино-израильского конфликта предоставляет в распоряжение Кремля вполне реальные рычаги его превращения из инструмента укрепления однополярного миропорядка в инструмент его разрушения и становления многополюсного мира, концепция которого гораздо более адекватно отражает состояние, в котором человечество оказалось в начале XXI столетия⁸.

Важнейшим инструментом российской внешней политики (имеющим также внутреннее измерение) служит активизация диалога с умеренной частью мусульманского мира, с которой нашу страну связывают как близость геополитических интересов и тесные цивилизационные связи, так и необходимость противостояния исламскому фундаментализму.

Еще раз подчеркнем: с российской точки зрения, водораздел между этими течениями в исламе проходит отнюдь не через приверженность “демократическим ценностям” западной цивилизации, а вдоль линии, отделяющей силы, демонстрирующие геополитическую самостоятельность, от тех, что встроены в систему глобального управления.

Не менее важным и актуальным способом укрепления российского влияния в Азии становится интеграция с Россией центрально-азиатской части евразийского пространства. Причем, не только для противостояния попыткам его “ползучей” аннексии (вроде “тюльпановой” революции в Киргизии или андижанского мятежа), но и в рамках постепенной общей переориентации внешнеполитического внимания на Восток, в Азиатско-Тихоокеанский регион, все активнее претендующий на роль мирового центра XXI в.

Именно этим объясняется нынешняя интенсификация российско-китайского сближения.

Геополитическое моделирование: основные сценарии

Какими конкретно являются планы “трилатералистов” в отношении Ближневосточного региона, особенно в свете перспектив развития американо-иранских отношений (продолжения противостояния или перехода к диалогу), а также усиливающегося давления на Израиль, и насколько далеко на север и восток они простираются, достоверно сказать сложно.

Ясно одно: выборы в Иране и Палестине перевели ситуацию во внештатный режим. И, подобно “разведке боем”, запустили процесс реализации сценариев восстановления “управляемости” конфликтом, который мы, собственно, и наблюдаем под видом активизации деятельности в регионе различных сторон и сил.

Сформулируем и рассмотрим некоторые из этих сценариев – наиболее вероятные.

Первый (назовем его инерционным – в смысле “ничего не менять”) имеет естественные пределы, четко очерченные временем, в течение которого может сохраняться нынешняя ситуация. А оно, судя по последним событиям, близко к исчерпанию:

- тупик, в котором оказались оккупационные войска коалиции в Ираке (да и в Афганистане, где относительное перемирие между коалиционными силами НАТО и полевыми командирами поддерживается беспрецедентным ростом объемов наркотрафика), очевиден;
- взорвать хрупкий мир в палестино-израильских отношениях в условиях сдержанности ХАМАС и успеха на выборах в Израиле партии преемника Шарона –

Эхуда Ольмерта (“Кадима”), пролонгирующего мандат доверия курсу на мирное размежевание с палестинцами, вряд ли удастся⁹;

- исчерпали себя и попытки прямого давления на Иран: если за словами не последует практических действий либо по эскалации, либо по урегулированию конфликта, Запад неминуемо окажется в положении стороны, не имеющей видимых ресурсов реализации заявленных целей, а это равносильно поражению.

Теоретически, конечно, можно предположить, что кризис вокруг ХАМАС и, особенно, Ирана будет “спущен на тормозах”. (На практике это означает снятие – под тем или иным предлогом – нынешних претензий и перевод противостояния из “острой” фазы в “тлеющую”).

Однако такой поворот – удар не только по репутации Дж.Буша и сохраняющих близость к нему “неоконсерваторов”, но и по единству республиканской партии.

Известно, например, какому давлению, в том числе в связи с Ираком, в последнее время подвергается ключевая фигура правящей администрации как вице-президент Р.Чейни).

Причем, удар этот может оказаться особенно чувствительным в преддверие промежуточных выборов в Конгресс, в ходе которых обеими партиями (как и их внутренними группировками), безусловно, будут сделаны основные заявки на борьбу за Белый Дом в 2008 г.¹⁰.

Вероятность реализации другого сценария – военного – требует тщательного специального анализа.

По предварительным оценкам, шансов на успех в случае его реализации у США и их союзников мало – намного меньше, чем в случае с Ираком.

С точки зрения геополитики военный путь решения иранской проблемы объективно противоречит национальным интересам США и может быть реализован лишь в двух случаях: как инструмент окончательного подрыва “трилатералистами” позиций действующей американской администрации, либо, наоборот, как “фол последней надежды” самого Буша с целью “спасти лицо” в условиях крайне неблагоприятного развития внутриполитической ситуации.

Например, при реальном запуске “двухходовки” импичмента, технология которой дана в предыдущем номере журнала.

И то, и другое, однако, все же – крайние варианты.

А вот что по-настоящему важно, так это рассмотрение вероятных сценариев такого разрешения иракского конфликта, которое позволило бы США и Западу не только избежать поражения, но и расширить свое влияние в регионе, в том числе за счёт формирования конфигурации (а возможно и коалиции) сил, мало приемлемой для России, а также ее союзников по Евразийскому экономическому сообществу (ЕврАзЭС), Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и Шанхайской организации сотрудничества (ШОС).

Переформатирование геополитической ситуации: цели и перспективы

Несмотря на всю внешнюю экзотичность подобных сценариев, они весьма органично вписываются в широко применяемую адептами “глобалистского фундаментализма” технологию “управляемого конфликта”.

Первый из них тесно связан с будущим Израиля и подчинением всего Ближневосточного региона влиянию сил, вовлеченных в систему глобального управления.

С участием, например, той же “Аль-Каиды”, террористическая и информационная активность которой всякий раз проявляется именно там и тогда, где это совпадает с интересами и нуждами “трилатералистов”¹¹.

Сопоставление обещания главы британского МИД разобраться с ядерной программой Израиля с иерихонскими событиями, скандальным разделом в докладе ООН и беспрецедентными террористическими угрозами Израилю со стороны “Аль-Каиды” делает актуальным предположение о наличии целого ряда достаточно радикальных вариантов “управляемого” разрешения ближневосточного конфликта.

Предположим, например, что анализ складывающейся взрывоопасной ситуации убедил его сторонников в том, что Израиль, сталкивающийся с все большими трудностями в удержании своего суверенитета в арабском окружении, в исторической перспективе либо обречен, либо за его удержание придется заплатить непропорционально высокую цену. Причем не только в финансовом, но и, прежде всего, в геополитическом измерении. Ибо существование еврейского государства является фактором, не только отвлекающим значительные ресурсы западного сообщества, но и не позволяющим консолидировать исламский мир, превратив его в ударную силу для экспансии в других стратегических направлениях. (Еще летом 2005 г. высокопоставленные представители израильской разведки при анализе угроз, с которыми сталкивается их государство, выдвигали и достаточно серьезно аргументировали версию о поддержке, оказываемой современному радикальному исламу определенными кругами в США¹²).

Нельзя поэтому исключать, что на первом этапе возвращения ближневосточного конфликта в “управляемое” русло осуществляется кажущаяся ныне противоестественной “сдача” Израиля его оппонентам в мусульманском мире в расчете на то, что это вызовет обвальную радикализацию исламского сообщества и возвышение той его части, которая контролируется силами “глобалистского фундаментализма”. “Подталкивание” этих сил к экспансии на север, против России, нетрудно спровоцировать. Например, через очередную попытку “поджога” тем или иным способом Кавказского региона. Роль запада в этом случае вполне по силам нынешнему грузинскому руководству.

На память в этом случае приходит сценарий, по которому в 1938–1939 гг. Чехословакия, а за ней Польша были “сданы” Гитлеру с целью направить нацистскую Германию против Советского Союза.

Обратим внимание на ряд оригинальных и получивших признание весьма информированных кругов мирового сообщества теоретических разработок известного российского политолога С.Е.Кургиняна, отмечающего, что неизбежность будущего глобального кризиса обусловлена воздействием на мировую расстановку сил, представленных носителями глобальных проектов, противостоящих существующему миропорядку, именуемому “Модерном”.

К этим силам автор относит западный “Постмодерн” и восточный, радикально-исламский “Контрмодерн”, именуемые соответственно “глобальным городом” и “глобальной деревней”¹³.

Доведение высказанной Кургиняном гипотезы о тесном союзе этих “антимодернистских” сил до логического завершения предполагает взгляд на них как на две “руки”, управляемые из единого центра, тесно связанного с “трилатерализмом” не столько как с институтом, сколько с концепцией глобального управления. В контекст предложенной версии весьма органично вписывается одно из главных положений доктрины радикального исламского фундаментализма – о его приходе к власти в ведущих государствах Ближнего и Среднего Востока как неременном условии реализации проекта “Всемирного Халифата”.

Вслед за Ближневосточным регионом радикальная исламизация неминуемо приблизится не только к южным, но и к западным границам России. В континентальной Европе в ее эпицентре, как и предсказывалось в известном футурологическом бестселлере российской писательницы Е.Чудиновой¹⁴, окажутся, прежде всего, Франция и Германия¹⁵. Что касается Центральной Азии, то здесь вполне реальной становится перспектива расконсервации “замороженной” ныне волны “цветных” революций и превращения региона из зоны российско-китайского влияния в фундаменталистский анклав, угрожающий, как убедительно доказывается российским ученым В.Л. Цымбурским, сначала внутренним

коммуникациям, связывающим европейскую часть России с азиатской, а затем, – и ее территориальной целостности¹⁶.

При подобном повороте событий территория Российской Федерации и других субъектов бывшего СССР оказывается в полукольце гигантского “полумесяца” по всему периметру границ, за исключением дальневосточных. С этого момента архитекторы “нового мирового порядка” – Великобритания и США – получают реальные рычаги контроля над развитием любого международного кризиса, по сути, не рискуя быть в него втянутыми. А экспансия “глобальной деревни” – исламского фундаментализма, осуществляемая в интересах “глобального города”, в отличие от второй мировой войны, может развиваться сразу с двух направлений: не только с запада на восток, но и с юга на север.

Таким образом, можно с высокой долей уверенности утверждать, что в рамках данного сценария речь идет не только о геополитической, но и о прямой военной угрозе большинству субъектов постсоветского пространства, исходящей из окружающих его “лимитрофных” (пограничных) зон “ближнего” и “дального” зарубежья, которые всегда рассматривались классиками англосаксонской геополитики в качестве наиболее удобного плацдарма для решения подобных задач². Об угрозе, источником которой внешне будет выглядеть не сам Запад, а силы, чуждые ему в цивилизационном плане, но встроены в глобальную парадигму атлантистской геополитики.

Главной мишенью такого “управляемого” конфликта, безусловно, выступает Российская Федерация. Конечная цель – ее дезинтеграция, позволяющая Западу не столько обеспечить контроль над основной частью мировых ресурсов (хотя и это для него важно), сколько облегчить глобальную трансформацию существующего миропорядка в “новый”, ликвидировав при этом цивилизационный союз славянско-православной и тюрко-исламской культур – ключевую альтернативу западной цивилизации. При этом одновременно подготовить следующий плацдарм для возможного противостояния с набирающим силу Китаем.

Сами англосаксонские державы при этом, скорее всего, удовлетворились бы ролью “стороннего наблюдателя” или “миротворца”, вырабатывающего механизм примирения обескровленных сторон (а, точнее, диктующего им свою волю) на завершающей стадии противостояния.

Тем, кто считает подобное управление мировыми конфликтами невозможным, предлагаем вернуться к предыдущей статье³. В ней при помощи ссылок на соответствующие источники (Э.Саттона, Ю.Ю.Воробьевского, покойного Владыки Иоанна – митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского и др.) показывается, что “управляемыми” при ближайшем рассмотрении оказываются все основные конфликты XX в., включая обе мировых и “холодную” войны.

Второй сценарий, детально описанный российским политологом В.Вещезеровым, исходит из предполагаемого сохранения Израиля (при условии “размена” его ядерной программы на иранскую). Но при этом предсказывает раздел территории нынешнего Ирака (в соответствии с его национально-конфессиональным делением) между тремя субъектами – шиитским Ираном, суннитской Сирией и Турцией, к которой могут отойти территории, заселенные курдами¹⁷.

Предполагается, что тем самым будет предотвращена дестабилизация региона после неизбежного вывода оттуда американских войск. А сторонники Буша в республиканской партии получают возможность не только “сохранить лицо” в глазах внутренних критиков иракской авантюры, но и создать предпосылки для успешной борьбы за сохранение контроля над Белым Домом после 2008 г.

Вещезеров, на наш взгляд, достаточно точно указывает на наиболее опасные для России последствия реализации этого сценария:

- неминуемое замещение влияния нашей страны в Ближневосточном регионе с усилением позиций США за счет территориального расширения Ирана и Сирии в

обмен на предоставление ими Израилю гарантий военной безопасности после его ядерного разоружения;

- упомянутое в предыдущем сценарии возрастание угрозы “цветных” революций в постсоветской Центральной Азии;
- осложнение перспектив российского энергетического лидерства из-за появления обходных маршрутов транзита центрально-азиатских энергоресурсов на Запад через территорию Ирана.

Основным узким местом данного сценария является недоучет того обстоятельства, что указанные проблемы России одновременно являются вызовами Китаю, что способствует совместному поиску двумя державами адекватного на них ответа. Кроме того, Иран в обозримой перспективе останется важнейшим источником энергетической безопасности КНР: суммарный объем взаимной заинтересованности сторон исчисляется суммой в 70 млрд. долл. Нельзя забывать и о том, что исламский фундаментализм для Пекина является фактором не только внешней, но и внутренней нестабильности (имеется в виду ситуация в Синцзян-Уйгурском автономном округе).

Кроме того, раздел Ирака не отменяет проблем, связанных с прогрессирующей исламизацией ключевых держав “старой” Европы.

Вместо заключения

Оба рассмотренных сценария для России могут считаться неблагоприятными из-за очевидности содержащихся в них вызовов и затрудненности поиска ясных и четких ответов. Как минимум они могут стать источниками перманентной нестабильности на южных, а впоследствии и на западных границах страны. Как максимум не исключено, что речь может идти даже о “горячем” конфликте, который способен перерасти в полномасштабное столкновение России и ряда других субъектов постсоветского пространства с глобальным (точнее, “глобально-фундаменталистским”) проектом “Всемирного Халифата”.

Следующий вывод ставит под сомнение одну из базовых аналитических выкладок политолога Кургиняна о том, что сохранить свою традиционную идентичность Россия может только в условиях существующего миропорядка, именуемого “Модерном”¹³.

Очевидно, что уже первый из рассмотренных сценариев в рамках этой парадигмы реализуем лишь частично: либо через его предотвращение соответствующими превентивными мерами (чем российское руководство в настоящее время и занято), либо посредством снижения степени “управляемости” конфликта за счет разрушения губительного для Москвы альянса “постмодернистских” и “контрмодернистских” сил (“глобального города” и “глобальной деревни”), подобно созданной во второй мировой войне антигитлеровской коалиции с участием Советского Союза и англосаксонских держав.

Если же ни то, ни другое не удастся, задачу сохранения России придется решать иным путем – за счет мобилизации собственных или даже внешних “контрмодернистских” ресурсов.

Впервые подобный опыт был приобретен в XIII в., в период монгольского нашествия.

Другим примером, пусть и с определенными допусками (касающимися, в основном технологических аспектов), можно считать 30-е годы, когда попытки превращения России в оплот “мировой революции” были жестко пресечены сталинским разворотом в сторону обособления и строительства традиционной имперской государственности. И надо отдавать себе отчет в том, что при наименее благоприятном сценарии других вариантов спасения может и не найтись.

Еще менее вероятным представляется осуществление в рамках “Модерна” (то есть, существующего миропорядка) второго сценария.

Это как раз тот самый случай, когда интересы России в корне расходятся с интересами США, причем именно как “национального государства”, а не “глобального сверхобщества”

(по терминологии А.А.Зиновьева). И если действующей республиканской администрации действительно удалось бы разрушить российско-иранское и российско-сирийское стратегическое партнерство, а попутно и поставить под вопрос адекватность стратегии энергетического лидерства, противостояние с Западом не только бы обострилось, но и перешло в качественно иную плоскость. Речь пошла бы о выживании страны в условиях фактической блокады, при которой “контрмодернизм” в виде мобилизационного режима, исповедующего изоляционизм, подкрепленный обновленным (как технологически, так и физически) ракетно-ядерным щитом, остался бы единственным способом геополитического выживания. Возможно, на весьма продолжительный исторический срок.

Возвращаясь к “Модерну”, отметим, что перспективы сохранения России в рамках существующего миропорядка – и то на весьма ограниченный период – имеются преимущественно в рамках сценариев, названных “инерционным” и “военным”. Но выходить в “постмодернизм” – и скоро – все равно придется и в этом случае вопрос заключается лишь в том, каким этот постмодернизм окажется – “нашим” или “не нашим”. На переход в “наш” постмодернизм ориентирована, в частности, сама стратегия российского энергетического лидерства, которая, как уже отмечалось, по мере осуществления призвана трансформировать существующий моноцентричный миропорядок в полицентричный. По сути, это – не что иное, как демонтаж существующих правил глобальной игры и строительство новых, в которых Россия, а также ее геополитические партнеры и другие неантагонистичные центры влияния смогут рассчитывать на куда более почетное место, чем сегодня.

Важнейшей предпосылкой к такому, наиболее благоприятному варианту остается углубляющийся кризис основанной на “трилатерализме” системы глобального управления.

Серьезные шансы для России, возможно, содержатся в начинающемся цивилизационном “прозрении” европейского сообщества. Под влиянием “карикатурного” скандала на Старом континенте складываются предпосылки к формированию нового видения проблем соотношения традиционных духовно-культурных ценностей с усиливающейся миграционной динамикой. В перспективе – если не ближней, то среднесрочной – это, возможно, позволит укрепить фундамент континентально-европейской цивилизации, создав при этом условия для более активного геополитического взаимодействия с Москвой¹⁸.

За переоценкой доминирующих ныне секулярных ценностей могут последовать и другие, не менее позитивные подвижки.

Еще один важный резерв – форсированная переориентация основных внешнеполитических усилий Москвы на Юг и Восток, способная поставить крест на реализации любых дестабилизирующих сценариев, связанных со становлением “нового мирового порядка”, вплоть до создания альтернативной коалиции, тесно связывающей Россию не только с Китаем и государствами Центральной Азии, но и с рядом исламских стран, прежде всего, имеющих статус наблюдателей в ШОС – Пакистаном и Ираном, а также с исламским миром через систему существующих и создаваемых институтов двустороннего российско-мусульманского диалога, способных предотвратить угрозу фундаменталистского перерождения его ведущих субъектов.

Но основным инструментом предотвращения геополитических неурядиц для России все-таки остается реинтеграция как можно большей части постсоветского пространства.

Разумеется, для сохранения внутреннего цивилизационного баланса выгодней, чтобы этот процесс протекал синхронно как в восточной, так и в западной частях СНГ. Однако никто не даст нам гарантий, что так случится и в действительности.

Примечания

¹ Продолжение. Начало см. “Обозреватель–Observer”. 2006. № 1–3.

² <http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=9939>.

³ Павленко В. Международные аспекты евразийской интеграции // Обозреватель—Observer. 2006. № 3.

⁴ Поясним на примерах. Первый из них относится к Палестине. Точнее, к “двойным стандартам” Запада при подходах к ведущим политическим силам автономии – движениям ФАТХ и ХАМАС. ФАТХ, история которого восходит к созданной покойным Ясиром Арафатом Организации освобождения Палестины (ООП), вопреки существующим заблуждениям о ее умеренности по сравнению с ХАМАС, до сих пор не изъял из своей программы положения о непризнании Израиля. Однако ни это обстоятельство, ни наличие у ФАТХ активного боевого крыла – организации “Бригады мучеников аль-Аксы”, несущей не меньшую, чем ХАМАС, ответственность за организацию террористических актов в Израиле, не помешали не только включению Арафата в переговоры с руководством еврейского государства, но и присуждению ему в 1994 г. Нобелевской премии мира. Причина очевидна: ФАТХ на Западе считается управляемым настолько, что это считается достаточным для фактического бойкота результатов демократического волеизъявления народа.

Второй пример относится к Ирану. Многие западные авторы указывали на особую роль, которую сыграл “глобалистский фундаментализм” (как именуют деятельность закулисных сил мировой политики академик Г.В.Осипов и проф. В.Н.Кузнецов – см. Социология и государственность. М., 2005. С. 70) в становлении радикального течения в исламе, в том числе в подготовке Исламской революции в Иране. (См. Коулмен Дж. Комитет 300. Тайны мирового правительства. М., 2000. С. 29–30). Также обращалось внимание на продолжение и активизацию поставок Тегерану американских вооружений при президенте Р. Рейгане (дело “Иран-контрас”) во время ирано-иракской войны, явившей собой типичный “управляемый конфликт”, рассчитанный на подрыв экономического и военно-промышленного потенциалов обоих государств-участников. (Получение аналогичной помощи от США, недавно было подтверждено и экс-президентом Ирака С. Хусейном).

Имеются все основания считать главной причиной нынешнего политического давления на Иран отнюдь не “экстремизм” президента этой страны и даже не ее ядерную программу (“зеленый свет” на осуществление такой же программы только что был дан Вашингтоном Индии – стране, уже создавшей и испытывавшей ядерное оружие в обход международного режима его нераспространения), а скорее, неспособность Запада поставить Ахмадинежада под свой контроль.

⁵ <http://www.panarmenian.net/news/rus/?nid=17144>.

⁶ <http://lenta.ru/news/2006/03/26/rice/>

⁷ 9 марта 2006 г. министр иностранных дел Великобритании Дж.Стро пообещал, что, устранив угрозу со стороны Ирана, мировое сообщество вплотную займется ядерной программой Израиля.

За сутки до этого телерадиовещательная корпорация ВВС обнародовала признания высокопоставленных сотрудников британского оборонного ведомства, из которых следует, что еще в 60-е годы Лондон неоднократно поставлял Израилю материалы и технологии, оказавшие тому неоценимую помощь в развитии ядерной программы. (См. <http://news.bbc.co.uk/1/hi/uk/4743987.stm>). Сразу за этим последовал штурм израильской полицией палестинской тюрьмы и Иерихоне, произошедший после того, как Великобритания и США, сняв с себя ответственность за охрану террористов, по сути, “подставили” Израиль, вынудив его действовать в одностороннем порядке. (Показательно, что акция Израиля в Иерихоне получила официальное осуждение со стороны Евросоюза (См. <http://www.newsru.com/world/16mar2006/euisra.html>).

Кроме того, отметим появившиеся в конце марта взрывоопасные “утечки” из некоего доклада ООН, в котором якобы утверждается, что израильские военнослужащие систематически проявляли негуманное отношение к следовавшим через блок-посты беременным палестинским женщинам, некоторые из которых, ввиду длительности

процедуры досмотра, вынуждены были прямо на них рожать (См. http://www.mignews.com/news/skandals/world/220905_202441_54057.html).

⁸ Министр иностранных дел России С.В. Лавров прямо указывает на два важнейших обстоятельства, которыми Россия руководствуется при выработке своей внешней политики как на Ближнем Востоке, так и в мире в целом.

Первое: “межцивилизационное измерение” Ближневосточного конфликта.

Второе: “переходный характер” современных международных отношений (что, по сути, означает признание прежнего миропорядка прекратившим существование).

Призыв “не форсировать развитие кризиса” главой российского МИД при этом совершенно определенно увязывается с самостоятельной ролью нашей страны как “культурно-цивилизационного моста” между Западом и Востоком. (Лавров С.В. Россия в глобальной политике // Московские новости. 2006. № 7, февраль).

Очевидно, что это в корне противоречит стратегии “управляемых конфликтов”, осуществляемой Трехсторонней комиссией и другими глобальными структурами.

⁹ Попытки взорвать “дорожную карту”, разумеется, будут предприниматься. Об этом, в частности, свидетельствуют нереализованные угрозы “Аль-Каиды” провести в Израиле в день голосования до 13 террористических актов. Выборы прошли, но угроза сохраняется. Тем актуальней (и выгоднее для Москвы) становится упомянутое размежевание с “Аль-Каидой” правящего в Палестине движения ХАМАС.

¹⁰ Создание “Аль-Каиды”, тесно связанное с деятельностью Бен Ладена было инспирировано и курировалось ЦРУ США. В ряде западных источников упоминалось, что в начале 80-х годов тогдашний директор ЦРУ С. Тернер по меньшей мере, дважды лично встречался с Бен Ладеном на конспиративных точках на юге Франции.

Другой важный момент: по свидетельству таких исследователей как Сильвестр де Саси и Рейнгарт Дози, предшественники современного террористического направления в радикальном исламе из существовавшей в VIII в. секты исмаилитов не только видели в вере “узду для простонародья”, но и стремились к созданию некоего тайного общества с многими степенями посвящения, направляя активность верующих на достижение целей, известных лишь немногим (См. Рид Д. Спор о Сионе // http://www.rspu.ryazan.ru/~dante/Mirrors/hrono/libris/lib_r/rid20.html). Тем самым они, по сути, предвосхищали политические технологии, воспроизведенные впоследствии как различными средневековыми орденами, так и их нынешним последователям в лице адептов “глобалистского фундаментализма”.

¹⁰ Социологические исследования, проведенные в США весной 2006 г. службой Harris Interactive, показывают, что большая часть американцев (до 60%) готова поддержать военные действия против Ирана. (См. Расулзаде З. США паникуют // <http://www.pravaya.ru/dailynews/7213>).

¹¹ Создание “Аль-Каиды”, тесно связанное с деятельностью Бен Ладена было инспирировано и курировалось ЦРУ США. В ряде западных источников упоминалось, что в начале 80-х годов тогдашний директор ЦРУ С. Тернер по меньшей мере, дважды лично встречался с Бен Ладеном на конспиративных точках на юге Франции.

Другой важный момент: по свидетельству таких исследователей как Сильвестр де Саси и Рейнгарт Дози, предшественники современного террористического направления в радикальном исламе из существовавшей в VIII в. секты исмаилитов не только видели в вере “узду для простонародья”, но и стремились к созданию некоего тайного общества с многими степенями посвящения, направляя активность верующих на достижение целей, известных лишь немногим (См. Рид Д. Спор о Сионе // http://www.rspu.ryazan.ru/~dante/Mirrors/hrono/libris/lib_r/rid20.html). Тем самым они, по сути, предвосхищали политические технологии, воспроизведенные впоследствии как различными средневековыми орденами, так и их нынешним последователям в лице адептов “глобалистского фундаментализма”.

¹² Шавит Ш. Соображения о будущем разведки. Доклад на российско-израильской

конференции “Идеология и спецслужбы” // М.: изд. ЭТЦ С.Е. Кургияна. Вып. от 15–16 июня 2005. С. 7. (Ш. Шавит – бывший директор МОССАД).

¹³ Кургиян С.Е. Поиск и разведка – сочетание двух видов деятельности в пределах одной профессии // М.: изд. ЭТЦ С.Е. Кургияна. Вып. от 15–16 июня 2005. С. 22–23, 34, 35.

¹⁴ Чудинова Е. Мечеть парижской Богородицы. 2048 год. М.: изд. ЭКСМО, 2006.

¹⁵ Тем, кто почитает подобное развитие событий “фантазерством”, напомним, что по С.В. Лаврову Европа уже отнесена к исламскому миру. Правда, с одной оговоркой: сама она этого в полной мере еще не осознала. (См. Лавров С.В. Россия в глобальной политике // Московские новости. 2006. № 7, февраль).

¹⁶ Цымбурский В.Л. Геополитика для евразийской “Атлантиды” // <http://www.archipelag.ru/geopolitics/osnovi/russia/geopolitics/?ver...>

¹⁷ Вещезеров В. Вавилон стоит мессы // [http://www.apn.ru/?chapter_name=print_advert&data_id=932&do=.](http://www.apn.ru/?chapter_name=print_advert&data_id=932&do=)

¹⁸ На это, в частности, указывают попытки преодолеть напряженность в межконфессиональных отношениях за счет обучения подрастающего поколения истории мировых религий и основам религиозной культуры, предпринимаемые в настоящее время Советом Европы. Так, во время встречи с Патриархом Московским и Всея Руси Алексием II комиссар Совета Европы по правам человека А. Хиль-Роблес и его преемник на этом посту Т. Хаммарберг не только решительно высказались в пользу коррекции в указанном направлении европейской образовательной системы, но и поддержали Русскую Православную Церковь в ее стремлении включиться в работу в армии и в системе народного образования. В Совете Европы не скрывают, что рассматривают торможение дальнейшей секуляризации европейского общества важным инструментом восстановления основ традиционной духовной культуры, а, следовательно, и религиозной терпимости. (См. <http://www.pravaya.ru/news/6804>).

ВЛАСТЬ И ЦЕРКОВЬ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В.Семенов,
доктор философских наук, профессор

В последние 15 лет XX столетия и в начальные годы XXI в. в России произошел существенный сдвиг в сторону образования теснейших связей и своеобразного “союза” государственной власти с “властью” православной церкви, а также с руководителями других религиозных конфессий.

Политическая власть всегда налаживает отношения с религией через посредничество ее социальных институтов и организаций.

Религия – дело сугубо личное для человека, его личный выбор. Это касается только самого человека, а не государства и не власти. Другое дело – религиозный социальный институт и конкретная религиозная организация, представляющие определенную часть всей общественной структуры и политической системы общества. С ними у государственной власти всегда существуют более или менее тесные взаимоотношения.

В России это всегда были и остаются отношения государственной власти, прежде всего, с традиционно преобладающей Русской Православной Церковью (РПЦ), а в последние годы религиозными организациями ислама, иудаизма, буддизма и других конфессий.

Как писал известный философ и религиовед Л.Н.Митрохин, в отношениях российского государства и церкви десять лет назад “все перевернулось вдруг”. А именно – “...властные амбиции церковных (прежде всего, православных и мусульманских) иерархов с начала 90-х годов становились все более решительными”¹.

Многочисленные факты “...свидетельствуют о все более активном стремлении церкви утвердиться в сфере гражданской политики и светской культуры. Можно даже говорить о нарастающей тенденции (или опасности) клерикализации общества, причем наиболее активно действует Русская Православная Церковь, встречающая поддержку со стороны государства. В наиболее обобщенном виде эта тенденция проявляется в настойчивой пропаганде тезиса-призыва “Без религии у России нет будущего!”. Конкретно, например, он выражается в попытке церкви добиться обязательного преподавания “основ православной культуры” и конфессиональной “теологии” в общеобразовательных (государственных) учебных заведениях”¹.

При этом забывается, что Россия по Конституции является “светским государством” и что «...клерикализм несовместим с нормами демократии и либерализма, а обязательное преподавание конкретных религий в многоконфессиональной стране неизбежно обострит трения между “центром” и “регионами”»¹.

Исторически в мире и в России церковь (как и другие религиозные организации) всегда была с властью, как с господствующей политической силой и, соответственно, с господствующими общественными классами.

По словам А.Ф.Окулова, “в ходе исторической эволюции всегда, и при капитализме особенно, на религию возлагалась обязанность поддержания господствующих классов”².

В.И.Ленин отмечал: “Все и всякие угнетающие классы нуждаются для охраны своего господства в двух социальных функциях: в функции палача и в функции попа. Палач должен подавлять протест и возмущение угнетенных. Поп должен утешать угнетенных...”³.

Следовательно, церковь, как и другие религиозные организации, занимает определенное место между властью и народом. Власть очень редко в истории бывает властью самого народа или “для народа”.

Чаще всего государственная власть это “власть над народом” или “власть против народа”. Но церковь всегда остается с властью. У нее вполне определенное место в цепочке “власть – церковь – народ”. Церковь всегда ориентирована на “верх” – на власть, а не на “низ” – на народ. Она с властью “над народом” или с властью “против народа” как мощный духовно-социальный рычаг воздействия и давления на народ.

Как писал Ф.Энгельс, вся новая история “...ведет свое летоисчисление с той великой эпохи, которую мы, немцы – ...называем ...Реформацией, французы – Ренессансом, а итальянцы – Чинквеченто и содержание которой не исчерпывается ни одним из этих наименований... Духовная диктатура церкви была сломлена... Это был величайший прогрессивный переворот из всех пережитых до того времени человечеством”⁴.

Но в средние века католическая церковь была даже над светской государственной властью, подчиняла себе эту власть, диктуя ей курс государственного правления. Вот почему пришедшая к управлению государством в XIX в. буржуазия ликвидировала это господство церкви над властью, подчинила католическую церковь себе, но осталась с нею в союзе.

Французский социалист Жан Жорес писал: “Человеческая мысль уже более ста лет стремилась проникнуть в тайны Вселенной и человеческого общества. Она не могла более мириться с деспотическим вмешательством духовенства. Она не могла больше позволять церкви замыкать в библейскую концепцию или в средневековую схоластику безграничную и постоянно меняющуюся Вселенную, в которой проявлялись математически точные законы материального мира и методически прокладывающая себе путь свобода разума...

Католическая церковь с ее нетерпимостью была непримиримым врагом нового мира. Облеченная абсолютной властью, она высушила бы как источник мысли, так и источник богатства. Потому-то и должны были восстать против нее все силы новой буржуазии, все, кто жаждал богатства, все, кто жаждал знания”⁵.

Значит, хотя церковь (католическая) одно историческое время находилась “над” властью. То есть в истории общества и цивилизации светская государственная власть имеет первенство и главенство над церковной властью, которая служит государственной власти.

Немецко-американский социолог и левый критик капитализма Эрих Фромм писал: “Теологические изменения являются результатом социологических изменений, то есть, изменений в социальной функции христианства. Больше не являясь религией мятежа и революций, эта религия правящего класса была предназначена для того, чтобы держать массы в повиновении и управлять ими”⁶.

Церковь оказывается духовной опорой власти, а власть оказывает ей социальную, материальную и духовную поддержку.

Эта неразрывная “связка” власти и церкви приводит к тому, что церковь практически почти всегда оказывается замешанной в преступлениях власти, а то и прямой соучастницей совершаемых властью преступлений против народа.

Стоит напомнить, что когда в России в 1903 г. в Кишиневе произошли антиеврейские погромы, то Л.Н.Толстой написал: “В особенности я почувствовал ужас перед главным виновником – нашим правительством с его духовенством, которое будит в народе зверские чувства и фанатизм, с его бандой чиновников-разбойников”⁷. То есть Л.Н.Толстой осуждал в тогдашней России тесно связанную между собой следующую команду: царское правительство – духовенство – чиновники.

Л.Н.Толстой постоянно различал религию как личное и собственное убеждение и веру в высшую истину, и церковь как сотрудничающую с властью и поддерживающую власть религиозную организацию, которую он постоянно осуждал.

Его концепция “непротivления” и своеобразного “ненасильственного несотрудничества” с государственной властью предполагала: “...не участвовать в этом

строе, в том, что поддерживает его: в военщине, в судах, податях, ложном учении и т.п.
...”⁷.

За это Л.Н.Толстой был отлучен от церкви по решению синода в 1901 г.

Но он продолжал считать себя сторонником истинного христианства в том глубинном смысле, что истинная, нравственная, справедливая жизнь по совести и есть действительная реализация веры в Бога.

Историческая практика подтверждает, что в общественной жизни, основанной на частной собственности, церковь не только всегда связана с властью как политической силой, но и всегда связана с богатством как финансовой и экономической силой.

Власть, богатство и церковь образуют триединую цепочку взаимосвязанной властвующей элиты в обществе: власть – политическая сила, богатство – финансово-экономическая сила, церковь – духовная сила.

Следовательно, институт церкви – всегда властный. Властный духовно. Поэтому он всегда и везде сотрудничает, а то и просто объединяется с властью светской.

В капиталистических условиях над народом и против народа господствуют три политико-экономическо-духовные силы: власть (монарх, царь, диктатор, президент, премьер); капиталист; священник.

Великий мексиканский монументальный живописец Альфаро Сикейрос так и изобразил в 40–50-е годы XX в. эти три типа господ, сидящих на шее народа, на своих грандиозных полотнах и настенных росписях во дворце и в других зданиях в столице Мексики Мехико.

Современная Русская Православная Церковь не избежала этой роли, хотя ей следовало бы намного большему научиться на своем историческом опыте. Современная церковная верхушка, как всякая властная верхушка, оторвалась от народа, сплелась с властью, обогатилась за счет верующих, подачек власти, олигархов. Все высшие и средние церковные иерархи со своим окружением при нищете и бедности народных масс явно не бедствуют. От них почти не слышно слов в защиту разоренного, лишенного работы или зарплаты, голодающего и вымирающего российского народа.

Многие историки и философы в прошлом и ныне отмечали и отмечают связь с богатством и роскошью у РПЦ.

Русский историк В.О.Ключевский писал: “В больших городах Киевской Руси XI и XII вв. в руках князей и бояр заметно присутствие значительных денежных средств, больших капиталов. Нужно было иметь в распоряжении много свободных богатств, чтобы построить из такого дорогого материала и с такой художественной роскошью храм, подобный киевскому Софийскому собору Ярослава”⁸.

Комментируя высказывания Леонтия Савельева в “Записках по русской философии” в журнале “Москва” (1993. № 2 С. 177), что “роскошь проникла в Россию, но как зараза от соседей”, философ и историк В.В.Ванчугов написал: “Только беспристрастный историк заметит, что проводником этой заразы была и отечественная церковь, непременным атрибутом которой была именно роскошь”⁹.

В последнее двадцатилетие РПЦ снова, как и в царские времена, обзавелась в России огромным богатством, недвижимым имуществом, землями, зданиями, службами, храмами, церквями, монастырями и т.д.

Начиная с 1985 г., власть не только передала (определяется как “возвратила”) РПЦ огромные общенациональные имущественные богатства в виде земель и зданий, но и всячески “одаривала” ее всевозможными исключительными “благами”: разрешением заниматься безналоговыми коммерческими делами; снятием налогов на недвижимость; предоставлением всевозможных льгот, которые никому кроме церкви не давались; выделением больших государственных средств для реставрации церквей, церковных комплексов и храмов; даже решением в 2004 г. предоставлять за счет государства пенсии священнослужителям.

Итак, государственная власть хорошо одарила РПЦ. Понятно, что та в долгу не

осталась и всемерно поддерживает престиж государственной власти.

Л.Н.Митрохин писал: “Сейчас религия стала предметом заботы не только напористых журналистов, но и политиков всех рангов, не без успеха пытающихся втянуть ее в свои игры, не всегда вдохновленные евангельскими ценностями; стали привычными совместные явления народу государственных и церковных деятелей, торжественные освящения публичных мероприятий...”. В России конца XX в. “...светская “демократическая” власть и руководство Церкви все чаще обвиняется в попытках если не юридически, то фактически реставрировать привилегированное положение православия.

Подобные обвинения далеко не беспочвенны...

Это и провозглашение православного Рождества в качестве официального праздника многоконфессиональной России, и братанье светских и церковных руководителей, и церемонии освящения всех и вся, которые даже А.И.Солженицын как-то назвал “шутовскими”, и безвозмездный возврат Московской патриархии (1993 г.) всех культовых зданий, использовавшихся РПЦ до 1917 г., несмотря на протест виднейших деятелей культуры и музейных работников. К ним можно отнести и настойчивое стремление церкви ввести преподавание Закона Божия в систему государственного образования, третирование всех остальных конфессий, как заведомо чуждых российской самобытности и т.п.

Так религиозная обстановка выглядит на высшем управленческом уровне, где затеялся перспективный флирт “демократической” и православной власти”¹.

Русская Православная Церковь и другие религиозные организации в России не только выражали и выражают свою абсолютную лояльность государственной власти, но и полную поддержку ее, называя российское государство “богоустановленным институтом”.

Одним словом, в России альянс и союз светского государства и православной церкви за последние 20 лет постоянно усиливается и укрепляется в условиях продолжающегося и до сих пор не преодоленного духовного и социального кризиса в стране, подрыва и утраты больших, единых и объединяющих духовно-социальных и нравственных ценностей, идей и убеждений, сплывающих людей и народ в рамках существующей цивилизации.

У новой власти, начиная с М.С.Горбачева, была надежда, что “религиозный бум” и “религиозное возрождение”, особенно усилившиеся с пышного и помпезного празднования в 1988 г. 1000-летия крещения Руси, выведут Россию из духовного кризиса, “спасут” ее культуру и цивилизационные традиции.

А что получилось на деле?

Каков итоговый результат попыток власти вместе с религией, прежде всего с православной религией, духовно, нравственно и культурно поднять и облагородить Россию за последние годы?

Об этих реальных итогах написал уважительно относящийся к религии и церкви и объективно анализирующий их историческое и цивилизационное развитие Л.Н.Митрохин. “Так что же мы имеем в итоге “религиозного возрождения”? Торжество отношений братства, любви, гуманизма, провозглашенных смиренными служителями Создателя? Увы, совсем наоборот: стремительное нравственно-психологическое одичание, распад социальной ткани на бытовом молекулярном уровне, когда боязно входить в лифт с незнакомым человеком или вечером бродить по столице, а материалы о мафиозных разборках, заказных убийствах, всепроникающей коррупции стали каждодневной духовной пищей.

...“цивилизованных” отношений не наблюдается и среди глашатаев небесной мудрости. Ужесточается драка за захват и передел бескрайнего российского молитвенного пространства, которая сопровождается взаимными обличениями, оскорблениями, фальсификацией взглядов оппонента, даже если это “брат во Христе”.

Факты лежат на поверхности: почти криминальные разборки между православными иерархами на Украине, разрыв отношений (надеюсь, временный) Русской Православной Церкви и Вселенской Константинопольской Церкви, ожесточенная полемика между РПЦ и так называемыми карловчанами, не говоря уже о “ереси” Порфирия Иванова,

“Богородичном центре”, Церкви Последнего Завета (“Виссариона”). Враждебностью и злобой в отношении коллег по благовестию проникнута и современная миссионерская литература, в которой все отчетливее проступают не светлые божественные краски, а темные и низменные проявления человеческой натуры”¹.

У многих людей, начавших в последние годы посещать церкви и другие религиозные учреждения, это стало внешним выражением их приспособления к официально навязываемым властями религиозным “пристрастиям” без наличия у них истинной религиозной веры, то есть у многих это оказалось просто их приспособлением к новой властной религиозной идеологии.

Сам характер настойчивого, чуть ли не принудительного навязывания со стороны власти и церкви, других религиозных организаций населению религиозных взглядов и воззрений вовсе не облагородил и не сделал более высокоморальным, нравственным, гуманным большинство российского населения, особенно молодежи. Ибо в эти самые последние годы в Россию целенаправленно и в широчайшем масштабе из США и других стран Запада хлынул поток антикультуры развлечений, призванных растлить, оболванить, прежде всего, молодежь, которые её буквально “втолкнули” в наркоманию, в секс и пьянство, в проституцию, в порнографию и разврат, в примитивизм жизненных потребностей и устремлений, в мелкое и жалкое потребительство.

Это привело к духовной и социальной деградации народа России в целом.

Приходится говорить не о росте цивилизованности населения в эти последние 20 лет переходных метаний в России, а о росте варваризации и одичания среди значительной его части.

Русский писатель В.Е.Максимов писал в середине 90-х годов: “По моему глубокому убеждению, нынешнюю российскую реальность можно определить всего лишь одним словом: растление. Растление на всех уровнях и во всех сферах”¹⁰.

И православная религия и православная церковь эти разлагающие, растлевающие людей и молодежь процессы не сумели ни остановить, ни переломить.

Искусственно навязываемые властью, иерархами церкви религиозные воззрения и взгляды в огромной степени подорвали и ослабили мощнейший научно-рациональный потенциал российской цивилизации, завоеванный и мощно развитый ею в течение XX в. – века научных, технических, технологических, организационных, управленческих, ядерных, космических, компьютерных, информационных и других великих революций, сотворимых талантами людей общемировой человеческой цивилизации.

Как верно отметил Л.Н.Митрохин, сегодня “...растет внимание к вненаучным, или ненаучным видам знания: мифам, вере, интуиции, социальным утопиям, к религиозно-нравственному опыту Востока. Причем нередко утверждается (особенно на уровне коммерциализованной массовой культуры) будто лишь религия способна исчерпывающе объяснить фундаментальные законы мироздания. Иными словами, под сомнение ставится критерий “научности” знания, завоеванный в многовековой борьбе разума против церковного догматизма и сыгравший ключевую роль в становлении европейской культуры”¹.

Утратив в последние годы объединяющие людей и российский народ передовые научные, духовно-социальные идеи, привлекательные и притягательные ценности, научные идеалы и прогностические мировоззренческие устремления в социально справедливое будущее, сегодняшняя Россия так и не обрела новую духовно-социальную, мировоззренческую основу и опору российской общества и российской цивилизации, могущую объединить и сплотить воедино российский народ. Все эти 20 лет власти постоянно стремились найти или искусственно “сконструировать”, объединяющие духовные и социальные ценности и идеи. Все 20 лет велся разговор об объединяющей народ “национальной идее”: какая она, в чем, как ее сформулировать. Вели разговор – и безрезультатно. Не получилось.

Всякие искусственные попытки власти и церкви “сверху” установить российскому

населению новые “праздники”, вроде “Дня народного единства”, впервые “назначенного” на 4 ноября 2005 г. почти через 400 лет после 1612 г., не сделают российский народ реально социально сплоченным, поскольку российское население на деле социально расколото на богатых и бедных. Нынешнее российское общество – социально и духовно-идеологически расколотое общество.

Все дело в том, что действительно объединяющие народ великие идеи и мировоззренческие ценности не приходят сверху. Они идут только “снизу”, от самого народа. И приходят они, главным образом, во времена, когда народы проявляют себя подлинными субъектами истории и цивилизации, хозяевами страны и общества, как созидающие и творящие историю и цивилизацию “народы для себя”, а не просто как пассивные, и спящие “народы в себе”, выступающие как объекты управления.

Следует подчеркнуть, что в условиях XXI столетия – века научно-технических и научно-технологических революций и выдающихся научных открытий – чрезвычайно опасно для страны, общества и цивилизации опираться власти, прежде всего, на религию и руководствоваться религией в управлении страной.

Глубокий аналитик В.В.Похлебкин писал о ситуации в России в конце 90-х годов и ее перспективах: «Руководить страной со свечкой в руке и с богом на устах практически не было возможно даже в самые глухие периоды средневековья. Религия даже мракобесами использовалась только в декоративных целях, если они желали добиваться реальных политических результатов.

У нас же бывшие так называемые “партийные руководители” без всякого стеснения крестятся перед телевизионными камерами...

Развращение народа циничным попранием того, чему прежде сами поклонялись, может привести только к одному результату: к полному недоверию народа к государственной власти, к растлению национального, патриотического сознания народа, которому либо станет буквально наплевать на все, или который окончательно привыкнет во всем рабски подражать “начальству”»¹¹.

Это острейшие дилеммы для обеспечения успешного развития России в XIX в., объективной основой общественного и цивилизационного прогресса которого является рост научно-практических перемен и технологических новаций и успех прогресса которого зависит от активного использования современной науки о руководстве и управлении.

Примечания

¹ Митрохин Л.Н. Религия и культура (философские очерки). М.: ИФРАН, 2000. С. 263, 271, 264–265, 214–215, 224; 215–216; 233.

² Окулов А.Ф. Социальный прогресс и религия. М.: Мысль, 1982. С. 20.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.26. С. 237.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.20. С. 345–346.

⁵ Жорес Ж. Социалистическая история французской революции. Т. 1. Кн. первая. М., 1976. С.57-58.

⁶ Фромм Эрих. Догмат о Христе. М.: “Олимп”, 1998. С.66.

⁷ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. М., 1953. Т. 53. С. 230.

⁸ Ключевский В.О. Соч. в 9-ти томах. М., 1987. Т. 1. С. 276.

⁹ Ванчугов В.В. Очерк истории философии “самобытно-русской””. М.: РИЦ “ПИЛИГРИМ”, 1994. С. 338.

¹⁰ Максимов В.Е. Самоистребление. М.: Голос, 1995. С. 3.

¹¹ Похлебкин В.В. Великий псевдоним (Как случилось, что И.В.Джугашвили избрал

себе псевдоним “Сталин”?). М.: “ЮДИТ”, 1996. С. 128–129.

СОБЫТИЯ ГЛАЗАМИ ОЧЕВИДЦА

ЧАС НЕТОПЫРЯ¹

Закат Германской Демократической Республики

И.Максими́чев,доктор политических наук
(Институт Европы РАН)

Уникальную возможность напрямую обратиться к гражданам ГДР в связи с 40-летием республики Горбачев использовал не самым лучшим образом.

В речи 6 октября 1989 г. в Берлине он совсем некстати процитировал часть стихотворения Ф.И.Тютчева, написанного в 1870 г. под впечатлением победы Пруссии над Францией и подготовки первого объединения Германии:

*“Единство, – возвестил оракул наших дней, –
Быть может спаяно железом лишь и кровью” ...
Но мы попробуем спаять его любовью, –
А там увидим, что прочней...”²*

Падение Берлинской стены

Отсылка к известной формуле Отто фон Бисмарка, добившегося объединения Германии именно “железом и кровью”, оставляла странное впечатление. Как будто Горбачев приглашал немцев к повторному объединению их государств, но на этот раз без применения военных средств.

К концу XX в., однако, экономическое и политические методы воздействия вполне сравнялись по своей эффективности со столкновениями армий прошлых эпох.

Если верить заключительному замечанию Горбачева в беседе с послом перед возвращением в Москву относительно отрицательной реакции советского народа на возможную “утрату ГДР”, такая перспектива его не устраивала. Получается, что тютчевская цитата была очередной несуразицей в речах верховного вождя “перестройки”.

Но кто может наверняка утверждать это?

В памяти у всех от последнего визита Горбачева в ГДР осталось его высказывание на незапланированной встрече с группой журналистов днем 7 октября: “Жизнь наказывает тех, кто опаздывает”. Эта, в общем, бесспорная сентенция, которую можно считать парафразой меткого народного словца “Кто не успел, тот опоздал”, была воспринята в ФРГ как директива, как руководство к молниеносному действию. И Бонн действительно принялся ковать железо, пока горячо. Поскольку все прошло удачно, немцы с восторгом вспоминают эту горбачевскую фразу и сегодня.

Антиправительственные демонстрации в Берлине вечером 7 октября 1989 г., встречи, с которыми Горбачев счастливо избежал, показали, что кризис начинает выплескиваться на улицу. К чести берлинского посольства надо сказать, что его сотрудники заранее в один

голос предсказали скорое появление у демонстрантов лозунгов национальной тематики, хотя на улицах все еще господствовал общедемократический клич: “Народ – это мы!”

Участники совещания в посольстве 16 октября (еще до отставки Хонеккера, которая состоялась два дня спустя) говорили открытым текстом о задаче “удержать ГДР в качестве самостоятельного государства” как о цели, которую должна отныне преследовать политика Москвы. Они подчеркивали, что воссоединение уже идет полным ходом через уход населения ГДР в ФРГ и что надо думать над тем, к чему СССР должен вести дело – к нейтральной единой Германии, к самостоятельной реформированной ГДР или к самостоятельной нейтральной ГДР.

Думаю, что посол по своему обыкновению информировал помощников Горбачева по телефону. Других последствий практически единодушная оценка обстановки экспертами посольства, считавших ее в высшей мере критической, не возымела. В Москве были решительно настроены против любых “покушений” на независимый статус СЕПГ.

После отставки Хонеккера (18 октября 1989 г.) новое руководство ГДР во главе с Эгоном Кренцом взялось за поиски путей к нормализации обстановки с учетом нарастающих уличных демонстраций, одним из основных лозунгов которых было требование свободы поездок. 1 ноября состоялась отмена временного запрета на выезд в социалистические страны. Результатом стала нескончаемая колонна автомашин из ГДР, забившая дороги северной Чехословакии от Дрездена до баварской границы.

Автомобильные пробки вызвали недовольство местного населения.

Прага обратилась к Кренцу с настоятельной просьбой избавить ее от осложнений.

Руководители ГДР решили открыть на границе с ФРГ, недалеко от точки схождения пограничных линий обоих германских государств и Чехословакии, специальный контрольно-пропускной пункт для граждан республики, решивших переехать в ФРГ на постоянное жительство (условия такого переезда предполагалось либерализовать). 7 ноября об этом плане было информировано советское руководство.

Утром 9 ноября министру иностранных дел ГДР Оскару Фишеру был дан ответ в том смысле, что пограничный режим республики относится к ее компетенции.

В одном из перерывов проходившего в тот же день пленума ЦК СЕПГ Кренц согласовал с членами политбюро текст постановления об упрощенном порядке выезда из ГДР. Однако по оставшимся неясным причинам содержание постановления значительно отличалось от первоначального плана, о котором была уведомлена Москва.

Теперь либерализации подлежал не только выезд на постоянное жительство, но и временный выезд в ФРГ, причем выезды могли осуществляться через все КПП на границе ГДР; в число последних были включены и берлинские КПП.

Однако линия разграничения между Восточным и Западным Берлином носила в международно-правовом смысле специфический характер. Высшей инстанцией в деле регулирования отношений с имевшим особый международный статус Западным Берлином была не ГДР (и не ФРГ), а СССР вместе с тремя западными державами, так как именно их подписи стояли под Четырехсторонним соглашением по Берлину от сентября 1971 г.³

Открывая свободное передвижение через всю свою границу с ФРГ (интересы СССР как ведущей силы Варшавского договора и державы, чьи войска стояли в республике, затрагивались в определенной мере и в этом случае), ГДР была обязана исключить из этого акта отличную от остальных линию разграничения в Берлине или заранее согласовать с Москвой изменение ее режима. Но получилось так, что СССР не был даже проинформирован о намерении своего союзника восстановить свободное сообщение между обеими частями Берлина.

Вряд ли Москва стала бы возражать против ликвидации Стены, которая компрометировала не только ГДР, но и сам СССР. Однако она наверняка настояла бы на предварительных контактах или переговорах с тремя державами, несущими ответственность за Западный Берлин. Оппозиционно настроенные демонстранты ГДР требовали облегчения условий поездок в ФРГ, и для удовлетворения их требований вовсе не надо было очертя

голову ломать устоявшийся порядок отношений с Западным Берлином.

Как выяснилось позже, “отвечавший” за Берлин член политбюро ЦК СЕПГ Гюнтер Шабовский обещал в конце октября западноберлинскому бургомистру Вальтеру Момперу (СДПГ) предупредить его за две недели до возможного изменения режима внутриберлинской разделительной линии.

Момпер просил об этом, так как властям Западного Берлина надо было подготовиться к размещению ожидавшейся массы беженцев из ГДР, обеспечить транспортную связь с районами, прилегающими к Стене, обеспечить выплату так называемых “приветственных денег”⁴ и т.д.

Шабовский и Момпер исходили из того, что либерализация условий перехода из Восточного в Западный Берлин произойдет в декабре 1989 г., в пред рождественские дни, накануне самого популярного в Германии праздника. Нет сомнений, СССР согласился бы с таким порядком действий, если бы его об этом спросили.

Помимо включения без предварительного согласования с Москвой секторальной границы в Берлине в закон о выездах, со стороны руководства ГДР были совершены еще две непростительные ошибки.

Объявляя на пресс-конференции вечером 9 ноября о досрочном введении в действие подготовленного правительством проекта закона о выездах, Шабовский не упомянул, что речь идет об упрощении и ускорении получения разрешения на выезд, а не об “открытии границ”, как его слова были немедленно интерпретированы телевидением ФРГ.

Кроме того, говоря о выезде через все границы ГДР, Шабовский заявил, что новые положения вступают в силу “немедленно”. Если бы он более внимательно прочитал текст врученного ему за 5 минут до начала пресс-конференции сообщения для прессы, то понял бы, что термин “немедленно” имел в виду 10 ноября.

Предполагалось, что власти ГДР обнародуют свое решение на следующий день, а в течение ночи будут разосланы новые инструкции как территориальным управлениям полиции, выдающим разрешения на выезд, так и войскам, охранявшим границы ГДР и Стену. Шабовский слишком поторопился.

Вечером 9 ноября государственный аппарат республики был совершенно не готов к изменению режима границ, так как не был уведомлен о нем.

Пресс-конференция Шабовского целиком транслировалась по телевидению ГДР, а ее ключевой момент, касавшийся нововведений в области выезда, был сразу подхвачен всеми телевизионными каналами ФРГ. Большая часть восточберлинцев восприняла сообщение Шабовского как упразднение системы выдачи разрешений на выезд.

В вечерние часы 9 ноября люди стали собираться у контрольно-пропускных пунктов Берлинской стены, требуя беспрепятственного пропуска в Западный Берлин в соответствии с новым порядком. (На самой границе между ГДР и ФРГ сохранилась тихая и спокойная обстановка, так как она проходила вдали от населенных пунктов).

Пограничникам пришлось решать, выполнять ли действующие инструкции, требовавшие не допускать нарушения границы всеми средствами, вплоть до применения оружия, или махнуть на все рукой и открыть границу. Главная заслуга в том, что сумятица 9 ноября не привела к кровопролитию, принадлежит пограничникам ГДР, к полуночи поднявшим шлагбаумы и прекратившим всякий контроль за передвижением через границу. В ту ночь не только восточберлинцы наводнили Западный Берлин, к утру 10 ноября многочисленные группы западноберлинцев оказались на территории Восточного Берлина.

Никто не может претендовать на единоличное авторство упразднения Берлинской стены, на то, что именно он был инициатором ее падения. Намеки Кренца, будто приказ об открытии границы дал он, не вызывают доверия⁵.

Открытие берлинских КПП стало результатом цепи ошибок и недоразумений, вызванных тогдашней неразберихой в ГДР, властная система которой стала давать чувствительные сбои, а также выбросом протестной энергии вышедших на улицы масс. В этом смысле можно говорить о падении Стены 9 ноября, хотя система выдачи разрешений

на выезд и на въезд была позже восстановлена и формально просуществовала в ГДР еще некоторое время.

Физический демонтаж Стены начался лишь 12 ноября, когда саперы Национальной народной армии ГДР сделали широкий пролом в ней у Потсдамской площади. Производимый с помощью тяжелой техники слом Стены закончился 2 года спустя. К концу 1990 г. были снесены 32,4 км Стены. Оставшиеся 80 км исчезли только к концу 1991 г.

Политически 9 ноября сыграло роль начала ликвидации ГДР. Обстоятельства падения Стены показали неспособность реформаторского руководства республики обеспечить нормальное ведение государственных дел, продемонстрировали эффективность давления улицы на государственные органы, подорвали престиж государства как такового.

После 9 ноября произошел перелом в настроениях демонстрантов. Бывший ранее главным лозунг “Народ – это мы”, который допускал сохранение реформированной социалистической ГДР, все чаще стал заменяться лозунгом “Мы – единый народ”, который подразумевал курс на объединение с ФРГ.

События развивались в направлении, которое предсказывало посольство. Параллельно нарастало с каждым днем воздействие политиков и СМИ ФРГ на общественное сознание ГДР.

Шансы еще оставались

Люди, сменившие 18 октября 1989 г. Хонеккера и его соратников, не могли не видеть общего стремительного нарастания объединительной эйфории в настроениях масс. Им было понятно, что любыми средствами необходимо взять эту ситуацию под контроль. Вопрос стоял так: или ГДР сумеет найти общий язык с национальным движением, или национальное движение покончит с ГДР.

Падение Стены в результате административной неразберихи открыло шлюзы для самых радикальных общегерманских проектов.

В обнародованном 17 ноября правительственным заявлении нового председателя Совета министров ГДР Ханса Модрова с учетом сложившейся ситуации содержалась смелая программа развития отношений между обоими германскими государствами. В целях “квалифицированного добрососедства” и “кооперационного сосуществования” ставилась задача расширить существующее “сообщество ответственности” ГДР и ФРГ⁶ до масштабов “договорного сообщества”, далеко выходящего за рамки заключенных до сих пор германо-германских соглашений⁷. “Договорное сообщество” фигурировало в заявлении Модрова в сущности для того, чтобы не дразнить Москву термином “конфедерация”. И без того ЦК КПСС сразу же четко дал понять, что очень недоволен “своеволием” Модрова в сфере отношений ГДР–ФРГ.

Остаток ноября, весь декабрь 1989 г. и почти весь январь 1990 г. Модров потратил на то, чтобы убедить советские верхи в том, что или новое руководство ГДР сумеет как-то возглавить национальное движение в республике, введя его в определенные рамки, или это национальное движение сметет все на своем пути.

Посольство разделяло точку зрения Модрова.

Но Горбачев упорно говорил “нет”.

Драгоценное время уходило, и национальное движение ГДР все более откровенно выливалось в формы, заготовленные в Бонне, тем более что идея простого присоединения к ФРГ с самого начала подкупала многих своей кажущейся незамысловатостью.

Только 26 января 1990 г. Горбачев изменил свою позицию, причем сразу на прямо противоположную. (Кстати говоря, судьбоносное совещание у Горбачева, на котором было принято это решение, состоялось без участия специалистов по Германии из МИД СССР и даже без приглашения советского посла в Берлине).

В мемуарах А.С.Черняева сообщается, что на совещании он, Черняев, настаивал на “твердой ориентации на ФРГ” в германских делах, причем не на социал-демократов, а на

Коля, поскольку Коля намерен-де осуществить объединение Германии “в рамках общеевропейского процесса”, связан личными отношениями с Горбачевым и является “человеком слова”.

При поддержке Шеварднадзе Черняев потребовал отмены приглашения Модрова в Москву, о котором уже была достигнута договоренность, и отказа от встречи Горбачева с Грегором Гизи, новым лидером СЕПГ (точнее: партии демократического социализма, которая стала ее преемницей).

Против подобного “поворота фронта” возражали лишь В.М.Фалин и его заместитель Р.П.Федоров, которые только что побывали в ГДР и знали ситуацию не понаслышке.

Решение Горбачева носило промежуточный характер, но явно склонялось в сторону черняевской линии. Основными пунктами решения были:

1. Москва соглашалась на создание “шестерки”, то есть органа из представителей четырех держав и обоих германских государств для “урегулирования германской проблемы” (скорее всего, с самого начала имелось ввиду оформление присоединения ГДР к ФРГ, а не равноправное объединение двух государств);

2. СССР собирался ориентироваться на Коля, не игнорируя при этом и СДПГ (в переводе на язык практики это означало отказ от защиты интересов ГДР);

3. Модров и Гизи все же принимались в Москве (видимо, для соблюдения приличий, поскольку все существенные вопросы должны были решаться с Колей);

4. Предстояло “держаться теснее с Лондоном и Парижем” (оставалось совершенно неясным, с какой целью);

5. Решено было приступить к подготовке вывода войск из ГДР (который, по горбачевской оценке, являлся “проблемой больше внутренней, чем внешней: 300 тыс., из них 100 тыс. офицеров с семьями, надо куда-то девать”)⁸.

Зная о том, что было решено 26 января, трудно понять, как Горбачев мог смотреть в глаза Модрову во время беседы с ним 4 дня спустя. Во всяком случае, руководитель ГДР не был поставлен в известность о предстоящем повороте политики СССР, оставляющем республику на произвол судьбы, точнее на усмотрение канцлера ФРГ. (Посольство, кстати, тоже не было информировано об этом решении).

Модров вернулся в Берлин окрыленный горбачевской поддержкой его концепции создания германской конфедерации в качестве первого шага к объединению, которое должно было оставаться задачей будущего.

На пресс-конференции 1 февраля он обнародовал свой план преодоления раскола под названием “Германия – единое отечество”. Заявление председателя Совета министров республики начиналось так: “Объединение обоих германских государств встает в повестку дня. Немецкий народ займет свое место в строительстве нового мирного порядка, в рамках которого будут преодолены как разделение Европы на враждебные лагеря, так и раскол немецкой нации”.

План Модрова предусматривал четыре этапа:

1. Сотрудничество и добрососедство в рамках договорного сообщества;
2. Образование конфедерации, располагающей общими органами;
3. Передача органам конфедерации ряда суверенных прав обоих государств;
4. Создание единой Германской Федерации или Германского Союза в результате всеобщих выборов в обоих государствах.

В качестве предпосылок осуществления этого плана Модров назвал уважение интересов и прав четырех держав, а также всех европейских государств и военный нейтралитет ГДР и ФРГ на период подготовки федерации.

Закончил Модров следующими словами: “Эта концепция основывается на демократических, патриотических идеях и движении за единство германской нации из нашей совместной истории и недавнего прошлого. Она основывается на гуманистических и антифашистских традициях германского народа. Она обращена к гражданам ГДР и ФРГ, к мировой общественности, поскольку нуждается в их поддержке”⁷.

Для интересов СССР план Модрова был выгоден прежде всего тем, что он гарантировал условия для синхронизации процессов германского и общеевропейского объединения. При его реализации вся мощь движения к германскому единству была бы поставлена на службу создания Большой Европы с включением СССР, с тем, чтобы взамен ликвидируемой линии раздела по германо-германской границе не возникало новых разломов вдоль границ Советского Союза.

Хотя акция была предпринята с явным опозданием, личный авторитет Модрова как реформатора и представителя всего того лучшего, чем могла гордиться ГДР, был достаточно внушителен, чтобы – при условии поддержки со стороны Советского Союза – надеяться на успех плана, тем более, что он был встречен в основном положительно общественностью и в ГДР, и в ФРГ.

В Западной Германии возражения вызвали лишь положения плана о военном нейтралитете, а в Восточной Германии против него высказалась только ПДС, считавшая, что он “выходит за рамки левой политики”.

Однако главным было то, что набравшие все больший вес оппозиционные движения ГДР единодушно отклоняли механическое включение республики в состав ФРГ, предпочитая создание нового объединенного германского государства, которое унаследовало бы лучшие традиции и ФРГ, и ГДР.

Таким образом, становился вполне реальным предлагавшийся Модровым переходный период, в течение которого можно было бы приступить к созданию тех самых общеевропейских структур, которые превратили бы риторические упражнения на тему об “общем европейском доме” в политические реальности единого европейского континента.

Игра в поддавки

Горбачев отпустил Модрову целых 10 дней на реализацию согласованного с ним плана. Но уже 10 февраля 1990 г. генеральный секретарь ЦК КПСС подписал смертный приговор ГДР.

О деталях того, что происходило в ходе состоявшейся в этот день в Кремле беседы между Горбачевым и Колем, подробно рассказал помощник канцлера ФРГ Хорст Тельчик, который, как он признался позже, внутренне ликовал, слушая заявления советского руководителя, означавшие ни много, ни мало “триумф для Гельмута Коля, который войдет отныне в историю как канцлер германского единства”.

Главная фраза Горбачева звучала так: “Между Советским Союзом, Федеративной Республикой и ГДР нет разногласий в том, что касается (германского) единства и права людей стремиться к нему. Они сами знают, каким путем достичь его”.

Для того чтобы западные немцы хорошенько поняли, какой подарок им делается, Горбачев еще дважды повторил данную формулировку.

В опубликованном на следующий день сообщении ТАСС о встрече лидеров обеих стран эта фраза воспроизводилась – видимо, для пущей верности – в четвертый раз, причем уже в версии “для дураков”.

“М.С.Горбачев констатировал, и канцлер согласился с ним, – говорилось в официальном советском сообщении, – что в настоящее время между СССР, ФРГ и ГДР нет разногласий относительно того, что немцы сами должны решить вопрос о единстве германской нации и сделать выбор, в каких государственных формах, в какие сроки, в каком темпе и на каких условиях они осуществят это единство”⁹.

Выдавая ФРГ, чье политическое и экономическое превосходство над ГДР было заведомо подавляющим, “карт-бланш” на реализацию германского единства, Горбачев преподнес Бонну еще два презента:

во-первых, он признал, что нейтральный статус объединенной Германии так же неприемлем для Коля, “как и для большинства других” и что надо искать иные решения;

во-вторых, он подчеркнул, что при обсуждении международных аспектов германского

единства голос Коля должен стать определяющим (“Ничего не решать без канцлера!”).

На практике это обеспечивалось согласием на ведение международного обсуждения германских дел по формуле “два плюс четыре”, то есть на присвоение статуса главных переговорщиков ФРГ и ГДР, которой отныне оставалось лишь подпевать ФРГ, вместо традиционной формулы “четыре плюс два”, за которую яростно боролись Англия и Франция и которая в принципе отвечала советским интересам.

Горбачевское “тесное единение” с Лондоном и Парижем вылилось на практике в удар Москвы в спину европейских “грандов”. Обычно Англия и Франция, являвшиеся союзниками ФРГ по НАТО, оперировали в случае необходимости побудить немцев пойти навстречу их интересам ссылками на то, что русские никогда не согласятся с тем-то или тем-то. Но отныне Лондон и Париж полностью лишались возможности использовать подобную тактику – русские были согласны со всем, чего хотела ФРГ. Озабоченность высказал Горбачев только относительно продолжения существующей кооперации между советскими предприятиями и предприятиями ГДР, о чем Коля пообещал позаботиться. Все советские уступки были полностью неожиданными для делегации ФРГ и никак не вытекали из контекста переговоров¹⁰.

“Зюддойче цайтунг” подытожила переговоры в Москве констатацией: “Ключ к решению германского вопроса вручен Гельмуту Колю”.

Следствием стала практическая бесперспективность дипломатических усилий отстоять европейские интересы СССР, придав гарантиям их соблюдения на будущее хотя бы отчасти материальный, а не только вербальный характер. Если все запасные позиции сданы еще до начала переговоров, то надежд даже на их частичный успех почти не остается.

В этих условиях заслужила высокой оценки работа советских переговорщиков (это были главным образом представители Третьего Европейского отдела МИД СССР и нашего посольства в Бонне – берлинское посольство, как и саму ГДР, ЦК КПСС сразу же списал со счетов), добивавшиеся прямого соглашения с ФРГ, которое хотя бы частично компенсировало потерю такого важного для СССР союзника, каким была ГДР.

Они достигли практически невозможного, реализовав в общем выгодные для нас формулировки в базовом Договоре о добрососедстве, партнерстве и сотрудничестве с ФРГ от 9 ноября 1990 г., который после исчезновения СССР сохранил свое действие для российско-германских отношений.

Теоретически этот договор придал нашим отношениям с Германией почти тот же исключительный характер, который отличает франко-германские отношения со времен Аденауэра и де Голля. Однако гарантии выполнения договора, естественно, отсутствовали. Когда в ходе нападения НАТО на Югославию в 1999 г. люфтваффе бомбила Белград, никто не вспомнил о договоре 1990 г., хотя это было явным нарушением его постановлений. С другой стороны, наличие этого договора создало солидную юридическую базу для франко-германо-российской тройки, ставшей заметным фактором международного развития во время и после войны США в Ираке в 2003 г.

Результаты визита Коля в Москву немедленно проявились и в сфере германо-германских отношений. На 13 февраля был давно намечен приезд в Бонн Модрова во главе делегации из 17 отраслевых министров ГДР для переговоров об оказании обещанной ФРГ срочной экономической помощи, уже разрекламированной как “жест солидарности” с населением ГДР.

Первоначально западные немцы действительно намеревались предпринять кое-какие практические меры для поддержки стремительно разлаживающегося хозяйственного механизма ГДР.

Они откровенно говорили нам, что собираются сделать это, поскольку опасаются, что экономические трудности могут спровоцировать политическую нестабильность в ГДР, которая заставит реагировать Советский Союз (в условиях, когда все органы поддержания общественного порядка в республике были выведены из строя – госбезопасность

распущена, армия развалилась, полиция затерроризирована так, что боялась показаться на улице – единственной силой, способной предотвратить анархию, оставалась Западная группа войск).

Однако заверения Горбачева в том, что СССР готов содействовать присоединению ГДР к ФРГ, сняли озабоченности западных немцев.

Тельчик записал в своем дневнике после возвращения из Москвы: “Канцлер более не заинтересован в том, чтобы достигать решающих договоренностей с беспомощным Модровым”.

По этой причине германо-германские экономические переговоры не принесли результатов¹⁰. Отныне политика ФРГ в отношении ГДР сводилась только к формуле: “Чем хуже, тем лучше”.

Нажим ФРГ не ослабел и после выборов в ГДР (18 марта 1990 г.), в результате которых к власти пришло правительство во главе с лидером гедезровского ХДС Лотаром де Мезьером. Коалиция демократических партий в Берлине отнюдь не была единодушной в вопросе о скорейшем слиянии ГДР с ФРГ.

В правительственном заявлении де Мезьера 19 апреля содержалась лаконичная, но недвусмысленная формула: “Объединение Германии так быстро, как возможно, но и такого качества, какое необходимо”⁷.

Однако Бонн пошел напролом. Экономической поддержки с Запада по-прежнему не поступало – единственным выходом для ГДР должно было оставаться незамедлительное присоединение к ФРГ. Уже 24 апреля была достигнута принципиальная договоренность о введении с 1 июля экономической, валютной и социальной унии обоих германских государств. 18 мая в Бонне было подписано соответствующее соглашение. Уния – это и было как раз то, о чем мечтал Коль: немедленное присоединение ГДР к экономической системе ФРГ, что предreshало присоединение и к ее политической системе, формально состоявшееся лишь три месяца спустя (государственное единство Германии стало фактом 3 октября 1990 г.).

Валютная уния, означавшая введение в ГДР валюты ФРГ в качестве единственной расчетной единицы, имела еще и то последствие, что рухнула система финансирования ЗГВ.

С момента установления равноправных отношений с ГДР в 1955 г. СССР сам нес расходы по содержанию своих войск, дислоцированных в республике. Часть этих средств, выплачиваемая в марках ГДР (денежное довольствие военнослужащих и вольнонаемного состава, транспортные расходы, приобретение продовольствия и инвентаря на местном рынке и т.д.), покрывалась за счет постоянного положительного сальдо торговых обменов с ГДР (кстати, по этой причине есть много необъяснимого и сомнительного в советской задолженности ГДР, обнаружившейся после исчезновения республики).

Резервов в марках ФРГ или в иной свободно конвертируемой валюте у СССР не было. Таким образом, платить ЗГВ после 1 июля 1990 г. становилось нечем. Грозил банкротство. Дать немецкие марки могла только ФРГ, которая и по этой причине становилась той стороной, которая диктует ход событий.

До момента вступления в силу валютной унии ситуация не была еще полностью безнадежной. Во всяком случае, среди советских политиков высокого ранга были люди, которые считали, что энергичной защитой своих интересов СССР сможет изменить катастрофический для него вектор развития.

18 мая перед сотрудниками берлинского посольства выступил заведующий международным отделом ЦК КПСС, председатель комитета по внешней политике Верховного совета СССР В.М.Фалин, который выдвигался объединенной парторганизацией совзагранучреждений в ГДР кандидатом в делегаты XXVIII съезда КПСС. Большое впечатление на всех нас произвел боевой тон его высказываний, которые никак не походили на подготовку к капитуляции, явственно просматривавшуюся в действиях (а точнее – в бездействии) высшего эшелона.

Фалин заявил, что “не может быть и речи о включении объединенной Германии в НАТО – необходима общеевропейская система коллективной безопасности.

Если мы договоримся об этом и о временных рамках создания такой системы, тогда можно договариваться и о промежуточных этапах.

Пока в Западной Германии есть американские войска, наши войска будут в Восточной Германии; их вооружение будет соответствовать американскому”.

Он настаивал на заключении полномасштабного мирного договора с Германией, указывая на то, что отказ Запада от такого договора “преследует цель ликвидации прав СССР (в то время как Запад сохранит свои права по Боннскому договору, Римским договорам, договору о НАТО, договору о ЗЕС и т.д.), а также отказа от совместного с СССР определения военно-политического статуса Германии”.

Фалин исключил согласие Москвы на применение статьи 23 Основного закона ФРГ, которая предусматривала простой аншлюс ГДР: “Это был бы ущерб не только для престижа СССР, но и по существу”.

Он говорил: “Попытка включить ГДР в состав ФРГ – это по существу агрессия страны НАТО против страны ОВД.

Наши войска в ГДР тоже включаются в ФРГ?”

Когда в разговоре после его выступления я выразил опасение, что в случае обострения обстановки (Фалин говорил о том, что при необходимости численность советских войск в ГДР можно удвоить) все население республики уйдет в ФРГ, он весело сказал: “Вот и хорошо – нам не придется его кормить!”¹¹.

Речь Фалина вселила в нас некоторую надежду, что еще не все потеряно. Мы знали, что его позиция поддерживается на экспертном уровне и в МИД СССР.

За неделю до встречи “два плюс четыре” 22 июня в Берлине советская делегация направила США меморандум, который содержал пункты, соответствовавшие заявлениям Фалина – например, требование:

- об особом статусе территории ГДР, которая не должна входить в зону НАТО;
- о дальнейшем пребывании на этой территории советских войск с постепенным сокращением их численности;
- о параллельном сокращении всех иностранных войск на территории Германии.

На самой встрече 22 июня СССР внес на рассмотрение участников проект договора об объединенной Германии, который предусматривал переходный период, в течение которого сохранялись бы права четырех держав-победительниц в отношении Германии, а также вывод всех размещенных на германской территории иностранных войск не позже, чем через 5 лет после объединения Германии, причем из Берлина они должны были быть выведены уже через полгода.

Однако Шеварднадзе, который вел переговоры, недвусмысленно дал понять своим собеседникам, что все эти требования отнюдь не носят категорического характера, являясь лишь своего рода “приглашением к размышлению”, результаты которого могут быть совсем иными, чем это представлялось первоначально¹².

Особенно настораживало то, что в контактах на всех уровнях Москва обходила самую неотложную проблему – каким образом платить заработную плату служащим ЗГВ после 1 июля. Позже окрепло впечатление, что демонстративные жесты в защиту советских интересов преследовали главным образом цель предотвратить вполне заслуженную критику внешней политики Горбачева на предстоявшем съезде КПСС. Как только съезд прошел (с удовлетворительными для Горбачева итогами), кончились и жесты.

15–16 июля в Москве и на Северном Кавказе (Архыз) состоялись переговоры Горбачева и Коля, во время которых капитуляция СССР стала фактом и была оформлена договоренностями на высшем уровне.

На пресс-конференции по возвращении в Бонн Коль оповестил мир об одержанной им

полной победе. Данные ему Горбачевым гарантии сводились к следующему:

1. Объединенная Германия состоит из ФРГ, ГДР и Западного Берлина;
2. В момент объединения теряют силу права союзников в отношении Германии и Берлина в целом;
3. Суверенная Германия свободно решает вопрос о своей принадлежности к военным союзам (попросту говоря, остается в НАТО);
4. Особым договором между СССР и Германией будут урегулированы условия вывода советских войск из бывшей ГДР не позже 1994 г.;
5. На это время на территорию бывшей ГДР не будут распространяться структуры НАТО;
6. Там пока могут размещаться части бундесвера, не интегрированные в НАТО;
7. Войска западных союзников останутся в Берлине на все время пребывания советских войск в бывшей ГДР;
8. После вывода советских войск в бывшей ГДР могут размещаться интегрированные в НАТО войска бундесвера, но не иностранные войска и не атомное оружие;
9. Общегерманские вооруженные силы сокращаются до 370000 чел.;
10. Объединенная Германия отказывается от обладания и производства атомного, бактериологического и химического оружия и остается участником договора о нераспространении этих видов оружия⁷.

Колеб не было предано гласности лишь одно обстоятельство – ФРГ срочно предоставляла СССР заем в немецких марках для нужд ЗГВ (15 млрд. марок, из них 3 млрд. в качестве беспроцентного кредита), а также обещала взять на себя часть расходов по транспортировке людей и грузов при выводе ЗГВ с территории Германии.

Впрочем, и без этого унижение для державы-победительницы Второй мировой войны было безмерным.

Архызские договоренности поставили точку в стремительном отступлении СССР с позиций одной из ведущих европейских держав.

Эта ретирада неизбежно сопровождалась потерей престижа и утратой уважения на международном уровне. Непростительным являлось прежде всего то, что в невозможное положение была поставлена Западная группа войск, едва ли не самая боеспособная часть всей нашей армии, призванная служить щитом для любых неожиданностей, которые могли придти к нам с Запада.

Авторитет СССР в мире покоился, прежде всего, на его военной силе, на способности нанести невосполнимый ущерб любому противнику на любом направлении.

Удар по армии не мог не обернуться подрывом своего собственного веса в мире. Полвека кирпичик за кирпичиком создавалась инфраструктура ЗГВ, которую теперь предстояло менее чем за 4 года демонтировать, а по большей части просто уничтожить.

Вполне законный характер носит заданный в этой связи вопрос Юрия Полякова: “Можно ли уважать государство, которое, решив выводить свой народ из застоя, ввергло его в протрацию?”

Государство, которое дернуло со своих геополитических рубежей чуть не нагишом, как застуканный суровым супругом любовник? Хоть бы вещички собрали. А ведь в ту же Европу мы пришли буквально по костям миллионов собственных граждан, что бы там ни говорили”¹³.

Последствия этих действий Россия очень хорошо испытала на себе за истекшие 16 лет. Сейчас видно, каких сил и средств стоит хотя бы отчасти исправить положение, созданное политикой Горбачева и Ельцина, в результате которой сильные мира сего просто перестали принимать в расчет и нас, и наши интересы.

Справедливости ради надо признать, что не сразу проявились и были осознаны катастрофические результаты безвозмездной сдачи Москвой позиций, добытых кровью и потом народа, ценой лишений, легших на плечи целых поколений, и кропотливыми усилиями дипломатов.

Поначалу преобладала эйфория – ура, перелом достигнут без кровопролития, настала эра всеобщего единения, русский и немец (а также американец, англичанин и все остальные) – братья навек, все распри и дразги остались позади, впереди безоблачное царство общего счастья и процветания.

Только потом, шаг за шагом нам начали давать понять, что мы остаемся лишними на западном празднике жизни, что филиппики в адрес “советского империализма” имели в виду не столько СССР, сколько извечную Россию, что Запад даже после распада Советского Союза по-прежнему не хочет видеть сильного и влиятельного российского государства. А уж после досрочного вывода ЗГВ с территории Германии пошли не слова, а дела – расширение НАТО на Восток, натовская война на Балканах, объявление частей СНГ “сферами национальных интересов” США и т.д.

При всем при этом Германия оставалась как бы в стороне: мы-то готовы идти вам навстречу, говорили нам официальные немцы, но наше членство в НАТО, в Европейском союзе накладывает на нас обязательства, от которых мы не можем уклониться – так что договаривайтесь напрямую с этими организациями! Трудно сказать, чего больше в подобных отговорках – лицемерия или откровенной издевки.

Вес Германии в НАТО или Евросоюзе хорошо известен: их решения не могут приниматься без германского вето. Положение стало в известной мере меняться только после начала войны США в Ираке, которая продемонстрировала даже Западной Европе издержки миропорядка, при котором действия Вашингтона никем не контролируются.

Однако после отставки канцлера Герхарда Шредера в результате неудачных парламентских выборов в сентябре 2005 г. двусмысленность позиции ФРГ на международной арене возродилась. В германских политических кругах зазвучали даже призывы пересмотреть отказ ФРГ от обладания ядерным оружием. Мир с новой силой ощутил последствия допущенной в 1990 г. ошибки, когда четыре державы не сумели настоять на заключении по всем правилам мирного договора с объединенной Германией.

Восточные немцы

Перепрыгивание через логические этапы объединения двух государств, на протяжении 40 лет отдалявшихся друг от друга, отомстило за себя после вхождения ГДР в состав ФРГ.

Неподготовленность населения и народного хозяйства ГДР к беспощадным западным экономическим условиям могли бы привести к таким же катастрофическим последствиям, что и реформы 1992 г. в России, если бы не гигантские вливания из общегерманского бюджета.

За период с 1990 г. по 2003 г. федеральная финансовая помощь “новым землям” составила астрономическую сумму 1250 млрд. евро.

Но и при такой поддержке результаты оказались негативными. Исчезли целые вполне конкурентоспособные отрасли промышленности (часовая, автомобильная, химическая; исключение составила в какой-то степени оптика), началась чудовищная безработица (до 30–40% трудоспособного населения в отдельных регионах), утвердилось отношение к жителям бывшей ГДР как к гражданам второго сорта – они до сих пор получают меньшую зарплату за равный труд по сравнению с представителями “старой” ФРГ.

Тележурналист из ФРГ Вольфганг Герлес подчеркивал в октябре 2004 г., что “хотя Германия и является единым государством, ее общество состоит из двух частей... Почти у половины восточных немцев, как подтверждают опросы, часы идут по иному, чем у почти всех западных немцев... Представления об общей государственности настолько отличаются друг от друга, что не может быть и речи о едином народе”.

Причину такой ситуации Герлес усматривал как раз в излишней поспешности присоединения ГДР.

Он подчеркивал: “Немцы на Востоке и на Западе хотели объединения, но не любой

ценой, во всяком случае, не такой ценой, какая была уплачена ими на самом деле.

Почему немцам не дали поспорить о том, чем они действительно готовы пожертвовать ради единства? Разве не был бы этот задушенный в зародыше спор важной предпосылкой для того, чтобы минимизировать (негативные) последствия (единства) и принять их как должное?”

Герлес отвергает аргумент о кратковременности “окна возможностей”, согласно которому “только в единственный и неповторимый миг можно было выманить ГДР у скованного хаосом “перестройки” Советского Союза”.

Он констатирует: “И сегодня это окно было бы распахнуто настезь”.

Не согласен он и с доводом о том, что в случае промедления миллионы граждан ГДР заполнили бы ФРГ: “Истиной является то, что сегодня многие местности на Востоке Германии почти полностью обезлюдели, будучи опустошенными под воздействием плана “Восстановление Востока” (введенного в действие уже после объединения). Исход населения на Запад продолжается именно в силу последствий объединения”, – пишет Герлес¹⁴.

Действительно, по данным немецкой статистики, в период 1991-2003 гг. свыше 2 млн. чел. переселились в “старую ФРГ” с территории ГДР.

Из них более половины составляли люди возрастной категории с 18 до 30 лет и только 9% были 50 лет и старше. Эти цифры вполне соответствуют характеристикам периодов, когда Восточная и Западная Германия не разделялись непроницаемой границей¹⁵.

Следствием стала не только “ностальгия” значительной части населения бывшей ГДР, что выражается, прежде всего, в массовой поддержке Партии демократического социализма, завоевавшей прочное место в политической жизни “новых земель” и, следовательно, в партийном спектре ФРГ в целом. К сожалению, нарастает также влияние правых радикалов, которых обычно квалифицируют как неонацистов. Появление группы депутатов от крайне правых партий в саксонском ландтаге в результате выборов, состоявшихся в конце 2004 г., является ясно различимым симптомом этой болезни. Получение парламентской трибуны позволило расширить рамки для неонацистской пропаганды и придать ей еще более вызывающий характер.

В январе 2005 г. депутат ландтага Саксонии от НПД Клаус-Юрген Менцель заявил, что не Германия начала Вторую мировую войну (она-де была “навязана немцам американцами”) и что следует раздвинуть германские границы “на запад до Мааса и на восток до Мемеля” в соответствии с текстом “германской песни”, являющейся официальным гимном ФРГ¹⁶.

Формально упразднение ГДР не было нашей бедой. В ГДР были свои вожди, которые совершили массу глупостей и ошибок, было свое население, которое вполне демократическим путем избрало правительство, присоединившее ГДР к ФРГ, были свои партии, так и не сумевшие сделать ничего более разумного, чем довести страну до развала, а ее граждан до желания как можно скорее покончить с государственной самостоятельностью.

Но в ГДР у нас были друзья – не так много, как уверяли официальные лица республики, но и не так мало, как нас пытались убедить с другой стороны. Трагедией не только для ГДР, но и для нас стало то, что линию Горбачева в отношении ГДР очень многие друзья нашей страны там восприняли как удар в спину. До января 1990 г. эта линия ощущалась как удар в спину реформаторам, готовившим обновление своего гедезровского социализма, после января 1990 г. – как удар в спину всем, кто считал СССР своей опорой и историческим союзником.

Неудивительно, что отношение массы восточных немцев к России изменилось самым существенным образом не в нашу пользу. Парадоксально, но факт: в “старой” ФРГ симпатий к русским было больше, хотя после 1990 г. эти симпатии оказались смешанными с чувством снисхождения.

Но вот оказывается, что, вопреки мощнейшему черному пиару, разоблачениям и

усилиям антигедезровской пропаганды, воспоминания о ГДР до сих пор еще живы среди ее бывших граждан. Вспоминают они, естественно, прежде всего о том хорошем, что было в республике: о социальной защищенности, о бесплатном образовании европейского уровня, об образцовых яслях и детских садах, о товарищеских отношениях на производстве, о добрых фильмах и человеческом театре.

Параллельно оживают теплые воспоминания и о старых друзьях из России, которые намного симпатичнее, чем “новые русские”, уже порядком надоевшие в ресторанах и бутиках Берлина и других германских городов.

Значение Германии для европейской политики России не уменьшается, а становится еще более важным. Поэтому нам не может быть безразличным, как относятся рядовые немцы к рядовым русским. Возможно, данные о внутренней механике выработки официальной линии СССР в германских делах в решающие месяцы 1989–1990 гг. смогли бы помочь немцам более объективно оценить чувства солидарности, которые испытывали русские по отношению к безупречному союзнику и надежному партнеру, скрупулезно выполнявшему заключенные ранее контракты даже тогда, когда вокруг, казалось, все рушилось. Должны помочь они и нам – хотя бы для того, чтобы никогда больше не отдавать судьбу страны в руки политических дилетантов.

Примечания

¹ Окончание. Начало см. “Обозреватель–Observer”. 2006. № 3.

² Первая половина стихотворения Тютчева, не вошедшая в текст речи Горбачева, гласит:

Из переполненной Господним гневом чаши
Кровь льется через край, и Запад тонет в ней.
Кровь хлынет и на нас, друзья и братья наши! –
Славянский мир, сомкнись тесней...

Из нее явно следует, что Тютчев не только призывал любить ближнего, но и предвидел опасности для России, проистекающие из объединения Германии.

³ Не только новое руководство ГДР, но и “перестроечное” руководство СССР “забыли” о важнейшем положении Четырехстороннего соглашения относительно того, что Западный Берлин не принадлежит ФРГ и не управляется ею. В книге Горбачева “Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира” (М., 1987) говорилось, например, что “ФРГ и ГДР разделены международной границей, проходящей, в частности, через Берлин” (с. 209). Хонеккер негласно, но энергично запротестовал против этой формулировки, полностью отражавшей точку зрения ФРГ. В последующих изданиях книги формулировка была исправлена, однако понимания берлинской специфики у советских лидеров не прибавилось.

⁴ “Begrussungsgeld” выплачивались каждому приезжающему в ФРГ жителю ГДР, включая детей. Размер “приветственных денег” составлял с августа 1987 г. 100 немецких марок в год на человека.

⁵ Кренц избегает слишком ясно высказываться на этот счет. Например, в интервью в ноябре 2004 г. он говорил: “Для меня существует разница между нашим решением в отношении 10 ноября и незапланированным открытием границы на день раньше. Мы намеревались регулировать свободно совершаемые поездки. Вечером 9 ноября я мог принять лишь одно из двух решений – либо с применением насилия оттеснить людей [от КПП], либо не вмешиваться в ход событий. Из-за нескольких часов я не хотел рисковать столкновением с населением” (Neues Deutschland. 2004. 9. November).

⁶ “Сообщество ответственности” обоих германских государств было провозглашено Хонеккером и Коелем в начале 80-х годов и имело в виду сохранение мира в Европе после

размещения в ФРГ американских ядерных ракет средней дальности.

⁷ Lehmann H.G. Deutschland-Chronik 1945 bis 1995. Bonn. 1996. S. 377, 393, 397, 430.

⁸ Черняев А.С. Шесть лет с Горбачевым. По дневниковым записям. М., 1993. С. 346–347.

⁹ Известия. 1990. 11 февраля.

¹⁰ Teltschik H. 329 Tage. Innenansichten der Einigung. Berlin, 1991. S. 140–143, 145.

¹¹ Максимычев И.Ф. Народ нам не простит... Последние месяцы ГДР. Дневник советника-посланника посольства СССР в Берлине. М., 2002. С. 156–159.

¹² Kiesle R., Elbe F. Der diplomatische Weg zur deutschen Einheit. Baden-Baden, 1993. S. 159.

¹³ Поляков Ю. Сочинения в трех томах. Т. 3. М., 1997. С. 422.

¹⁴ Herles W. Wir sind kein Volk // Die Welt. 2004. 3. Oktober.

¹⁵ Frankfurter Allgemeine Zeitung. 2004. 10. Oktober.

¹⁶ Suddeutsche Zeitung. 2005. 28 Januar.

КАЛИНИНГРАДСКИЙ АНКЛАВ – “ВИТРИНА” РОССИИ ИЛИ ТАИНСТВЕННЫЙ ОСТРОВ В ОКЕАНЕ ЕС?

А.Богданов

Современные преобразования, инициированные органами государственной власти для достижения ориентиров инфраструктурного роста российской экономики в перспективе на 2010 г., являются, без сомнения, актуальными инициативами в вопросе включения страны в сообщество государств с современной экономикой.

На фоне заметного макроэкономического потепления и сохраняющейся благоприятной конъюнктуры рынка не наблюдается должного внимания со стороны власти к ключевой, по крайней мере, на западном направлении российских внешнеполитических интересов, проблеме – урегулированию (с участием РФ и Европейского союза) концепции поведения самого западного субъекта Федерации (Калининградской области).

Из-за расширения ЕС на Восток регион, по сути, находится сегодня перед тяжелым выбором: быть анклавной территорией России с собственным законодательно очерченным руководством к действию на длительный период или же внегласно принять опасный для него статус автономии в экономическом монолите Европы.

Говорить об абсолютном отсутствии интереса к проблемам региона было бы некорректно.

Значимость урегулирования калининградского вопроса перманентно довлела над высшим руководством страны и местной администрацией на протяжении последних, как минимум, 4-х лет после того, как Литва и Польша официально и при согласии Европарламента выразили желание вступить в Европейский союз.

В.В.Путин (еще в период своего первого президентского срока) назвал решение анклавного вопроса в качестве одного из главнейших общенациональных приоритетов России. В то же время после “разрешения” транзитной ситуации (ноябрь 2002 г.), высказывания стали заметно сдержаннее.

Так, в выступлении главы государства в феврале текущего года о западном векторе российских глобальных интересов речь не идет.

В Послании Федеральному Собранию (от 28 мая этого же года) Президент лаконично высказался: “Нужно, чтобы расширение Евросоюза сближало нас не только географически, но и экономически, и духовно. Убежден, в этом – залог успеха не только российского, но и всего европейского бизнеса. В этом – и новые рынки, и новые инвестиции. В целом – новые возможности для будущего Большой Европы”.

Да, Запад сегодня внимательно наблюдает за состоянием на российской финансовой ниве. По-настоящему же заинтересовать искушенных европейцев экономическим “потеплением” можно, лишь предложив в “залог” надежные законы и значительные финансовый гарантии своей бизнес-состоятельности. К сожалению, калининградское направление свидетельствует о недостаточном лоббировании этих критериев российской привлекательности. Отчасти свою роль в этом сыграли последствия кризиса 1998 г.

На протяжении последних 8–10 лет регион жил по собственным прописным уставам и законам так называемого компенсирующего оторванность действия.

Закон “Об особой экономической зоне в Калининградской области” (ОЭЗ) от 22

января 1996 г., уже принятый из-за угрожающей изолированности субъекта РФ, давший возможность местным производителям и иностранным экспортерам в той или иной степени использовать таможенные стимулы внешнеторговых связей с янтарным краем без различий в национальной принадлежности капитала. Это – единственный рамочный Закон, по которому не такая уж активная инвестиционная жизнь продолжается и ныне.

За 10 лет (1992–2002 гг.) экономика области аккумулировала всего порядка 85 млн. долл. инвестиций, что несопоставимо мало с подобными мировыми примерами таможенной “свободы”. Рамочный характер Закона отмечается по той причине, что юридического подтверждения местных налоговых преференций на уровне Кодекса он не содержал.

Как только не характеризовали положение дел здесь в последние годы (1999–2004 гг.) представители самых разных общественных кругов, причем не только региональных: “Область – банкрот”, “Угроза кризиса”... Подобные слухи провоцирует нынешняя “подвешенная” ситуация, теперь уже усугубленная де-факто реалиями анклава.

В социально-экономическом плане область действительно проблемна.

Размер государственного долга области за 2003–2004 гг. превышал 27–30% доходов областного бюджета без учета финансовой помощи.

Местная инфляция – одна из самых высоких по стране, внешнеторговый дефицит составляет едва ли не 90% валового регионального продукта, объемы теневого бизнеса превышают среднероссийские показатели.

Состав направляемых в региональную инфраструктуру инвестиций испытывает явный недостаток прямых и, особенно, портфельных вложений при избытке так называемых быстроликвидных (в форме товарного и краткосрочного кредитования), что объяснимо малой емкостью местного инвестиционного рынка и неразвитостью механизмов привлечения ресурсов на фондовом сегменте в целом по стране.

Конечно же, есть рост реальных доходов, объема промышленного производства во втором полугодии 2004 г.

“Федеральная целевая программа социально-экономического развития Калининградской области на период до 2010 года” значительно обделена в необходимом федеральном внимании.

Увеличение объемов финансирования на год Федеральный центр зачастую просто игнорирует.

Программа, в которой в качестве внебюджетных источников предусмотрено 89% всех ожидаемых ресурсов, заранее обречена на несоблюдение основополагающей целевой установки, лежащей в основе ее принятия – “достижение уровня жизни населения региона, сопоставимого с уровнем жизни сопредельных государств”.

Понятно также, что источников, какие были в распоряжении “примерных” соседей (Польши и Литвы) в рамках программных проектов PHARE, SAPARD и ISPA в период с 2000 по 2004 годы с ежегодными совокупными объемами финансовой поддержки для той же Литвы в 115–135 млн. евро, область не получит. Правда, с европейской стороны звучат предложения по инициированию фонда региональной поддержки, но это чревато кабальной зависимостью. Для сравнения – на Калининградскую область на втором этапе реализации ФЦП (2006–2010 гг.) запланировано из различных источников около 46 млрд. руб. Но из них гарантированно поступят едва ли 6 млрд. (5,79 млрд. по плану) бюджетных денег – на 5 лет! А значит – поставленная цель в корне утопична.

Для области внешнеэкономические трудности тесно переплетаются с давними внутренними дисбалансами во многих секторах, требующих в равной степени принятия немедленных мер со стороны власти.

В случае если реализацию нового закона об “особом” статусе области и разработку подзаконных актов затормозить на неопределенное время, то оценивать негативное влияние от этого придется объемами недополученных бюджетных денег, так как это связано с ухудшением экономического “климата” региона, в части, например, снижения его инвестиционной привлекательности. Впрочем, затягивание с принятием важнейших

инициатив неотъемлемый атрибут бюрократического аппарата постсоветской России.

Но в данном случае речь идет, возможно, и о сохранении региональной суверенности, предполагающей, как минимум, недопущение территориальной изоляции и экономической стагнации территории России, окруженной ЕС, так как имеется угроза экономической (ценовой, транспортной, потребительской) независимости.

“Заброшенность” калининградского вопроса, о которой сожалеют многие авторитетные госчиновники и местные властные структуры, объективно оценивающие положение дел в регионе, сулит российской западной окраине судьбу своеобразной “черной дыры”, куда евробизнес в лице ближайших соседей будет вбрасывать огромные объемы товаров и предметов первой необходимости по ценовым меркам, неприемлемым для среднестатистического российского (калининградского) труженика и пенсионера. Иначе говоря, потенциальный ценовой диктат с учетом таможенных “подъемных” автоматически грозит усилению потребительского протеста на отечественный агропром, а с ним – и на дотационные возможности регионального бюджета. Ответными протекционистскими мерами положение едва ли будет возможно исправить, так как в условиях оторванности от основной территории страны, власти рискуют натолкнуться на фактическое блокирование поставок Федерального центра в адрес местного рынка чрезмерно завышенными таможенными накрутками. Хотя до сих пор потребительские нужды региона в режимных рамках ОЭЗ покрывались и без товарной помощи с “материка”. Закон в данном случае работал на регионального производителя.

Но высокие транспортные тарифы – это лишь одна сторона медали. Жесткие экологические предписания к транспортным средствам с российской пропиской, ветеринарные требования и правила фитоконтроля, насаждаемые европейцами, сделают “груз” транзитного перемещения поистине неподъемным. Более того, визовые проволочки, чинимые для желающих выехать на историческую родину российских граждан, при всей урегулированности визовой проблемы, затрудняют положение, ставя в качестве нового препятствия повышенные тарифы на проезд границы. Это стало реальностью времени после того, как с расширением европейского пространства погранпосты Литвы превратились в таможенные буферы равноправного члена ЕС.

Объективным желанием российской стороны является упрощение процедуры получения разрешения на проезд и смягчение схемы контроля и досмотра, в особенности для путешествующих автотранспортом. Авиавариант решения вопроса, инициированный и реализованный летом 2004 г. с подачи Президента, сегодня из-за своей рыночной непривлекательности для перевозчика проблему не решило.

Безусловно, на анклавную проблему можно посмотреть другими глазами и начать лоббировать идею так называемой “налоговой воронки”. Последняя предполагает в условиях унификации законодательства новых стран-членов Евросоюза приемлемое для них (если не сказать желанное) превращение Калининграда в оффшорный буфер обмена инвестиционным опытом Европы с Россией в лице анклава. Идея выглядит весьма заманчиво с точки зрения получения географически и геостратегически выгодной налоговой гавани. Но ведь для этого потребуются сокращать фискальную нагрузку в ряде направлений, определяющих позитивный вектор экономического роста в области, для начала, как минимум, в транспортно-коммуникационной сфере, туризме, гражданском строительстве, что априори чревато бюджетными недоборами. Да и область в обозримом будущем не готова инфраструктурно к такому статусу не в пример финансово благополучным Швейцарии или Монако.

Кроме того, множественные “административные барьеры”, стоящие на пути регионального, российского в целом и зарубежного бизнес-сообществ (фрагментарность нормативной базы в сфере инвестиций на государственном уровне, таможенные препоны, задержки с оформлением при получении лицензий и прохождении регистрации вновь создаваемых субъектов хозяйствования, налоговая неопределенность в российском законодательстве по Калининградской области как особой зоне) делают президентские

предложения по созданию “новых возможностей” для Европы неисполнимыми.

Так, по независимым оценкам, проведенным в том числе при участии специалистов Всемирного Банка, стоимость административных процедур в регионе (инспекций, лицензирования, налогового администрирования) сопоставима или выше, чем в среднем по России.

Принятие нового закона об ОЭЗ в Калининградской области смягчает противоречия, отодвигает развязку анклавного “гордиева узла” на 2031 г. – год снятия режима свободной таможенной зоны, но отнюдь не ставит точку в вопросе о статусе российского “особого” субъекта в методологии европейского бизнес-сообщества и политических кругов Евросоюза как крупнейшего внешнеторгового партнера России.

Как бы то ни было, калининградская проблема в общеэкономическом плане “слепок” инвестиционных трудностей всей России. Можно выделить, как минимум, три блока проблем, решение которых на уровне Федерации продвинет “калининградский вопрос” на новый качественный уровень.

Во-первых, Россия объективно нуждается в повышении своего странового рейтинга. Но это в данном случае может быть снивелировано только при желании руководства страны к продолжению “борьбы” за стабильное толерантное для отечественного товаропроизводителя правовое поле в отношении западного инвестора.

Высокие темпы экономического роста, “либеральные” (высокие для экономики и “умеренные” по отношению потребителям) цены на мировых рынках энергоносителей, скорейшее пруденциальное создание основ гибкого и учитывающего западные стандарты финансового рынка имеют возможность повысить политическую привлекательность российской экономики.

Во-вторых, следующая категория проблем лежит в инфраструктурной плоскости. Здесь достаточно назвать катастрофически высокий процент старения отечественных производственных фондов, жесткую дифференциацию в уровне экономического развития отдельных регионов (с позиций инвестиционного климата, бюджетной и социальной составляющих), а также отсутствие эффективных и опробированных механизмов трансформации сбережений в инвестиции.

Наконец (в рамках третьей категории), – отсутствие строго детерминированной оценки региональных интересов в аспекте повышения стратегически обоснованной инвестиционной привлекательности отдельно взятых федеральных округов/субъектов Федерации.

Если речь идет о Калининградской области, то первое – это отсутствие федеральных гарантий по поддержанию налогового режима Зоны. Ведь проблемный (включая и другие векторы) регион не способен самостоятельно нести бремя таможенно-фискальных преференций будущим инвесторам. Кроме того, нельзя забывать, что Российская Федерация продолжает выстраивать свои многовекторные отношения с ЕС в рамках Соглашения о партнерстве десятилетней давности. Пора подумать о корректировке и новых сферах приложения интересов обоих партнеров. Пока же область, как и большинство российских, живет своей инвестиционно-индифферентной жизнью.

Как результат – 7-е место (из 10) за 2004 г. в Северо-западном федеральном округе по объему иностранных инвестиций и весьма низкая активность традиционных внешнеторговых партнеров России (Германии, Польши, США) в отличие, скажем, от портфельного “внимания” Кипра и Виргинских островов. Основные объемы зарубежных вливаний направляются в основном в оптовую и розничную торговлю, материальное снабжение и сбыт, в то время как реальные потребности региона в – развитии сферы высокотехнологичных услуг, обрабатывающего комплекса и производственных мощностей.

Какие шаги в сфере экономики следует предпринять руководству области для повышения конкурентоспособности региона? Перечислим наиболее важные, хотя все из названного требуется учитывать в комплексе, при этом планомерно проводя в жизнь

целевые ориентиры ФЦП развития до 2010 г.:

1. Повышение эффективности всех запланированных источников финансирования региональных целевых инициатив: банки и коммерческие структуры должны быть прямо заинтересованы в инвестировании в экономику своего субъекта Федерации;

2. Переориентация бюджетной политики – отход от излишне фискального принципа формирования доходов.

Чрезмерная и несправедливая фискальная политика ограничит возможности экономики конкурентно развиваться, а гражданам – реализовывать свои социальные потребности;

3. Более трезвая проработка направлений и мероприятий стратегически важных комплексов и сфер социально-экономической политики;

4. Учет интересов бизнес-сообщества, органов поддержания инфраструктуры (регистрация, нотариат, лицензионная палата, страховые компании) в выработке мер повышения привлекательности экономических условий;

5. Перевод сектора потребительских (банковских) услуг, в том числе потребительского кредитования, коммерческой ипотеки, на качественно более высокий уровень, предоставление банкам возможности воспользоваться льготами режима ОЭЗ.

Что же касается исторических перспектив самого Калининграда, то ни при каких условиях он не имеет права остаться тем “таинственным островом”, который со временем “встанет на службу” ближайшим соседям из Большой Европы, обладающим единой и сильной инфраструктурой.

Экономическая “витрина” Российской Федерации в Европе или, как минимум, презентабельный “витраж индустрии” Северо-запада страны в лице Калининградского анклава – вот требование XXI столетия. Создание эффективной финансовой инфраструктуры и обеспечение выпуска конкурентоспособной продукции – это то, чем “витрина” будет привлекать к себе инвестиции.

НАЦИОНАЛЬНАЯ РЕФЛЕКСИЯ КАК ФАКТОР ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

Ю.Бойко,

доктор медицинских наук,
кандидат юридических наук, профессор
(Дипломатическая Академия МИД России)

Центробежные процессы в России конца XX начала XXI в. остро поставили вопрос перед всем российским обществом и его политическими элитами о том, как и на какой основе, будет осуществляться национальная интеграция страны.

В посттоталитарных обществах становление демократических форм и институтов самоорганизации, как правило, приобретает противоречивый характер, превращаясь в совокупность реформ и контрреформ, появлением претендующих на власть новых социальных групп и сохранением позиций старых властных элит, легализацией и экономической экспансией теневых и полутеневых структур и т.д.

Кроме того, этническое разнообразие и сложившаяся административно-территориальная структура государства при демонтаже вертикали власти провоцировала появление националистических чувств сепаратистского толка.

Фактически в стране не осталось политических сил, которые не использовали бы идеологемы патриотического и националистического характера. Это не только организации, сформированные по этническому признаку, такие, как Всемирный курултай башкир, Русский национальный собор, Татарский общественный центр и т.д., но, и “левые” партии и общественно-политические организации, вплоть до КПРФ, а также многие общественно-политические движения, которые в своей деятельности ранее никогда не обращались к такого рода идеологии. Все эти политические силы, в той или иной форме, используют различные типы этнического национализма, а русские организации и националпатриотизма. Все это ставит под вопрос целостность государства и перспективы его устойчивого развития.

Тот тип массовой мобилизации и национальной интеграции вокруг социальных реформ, характерный для поствоенного западноевропейского национализма, который действительно смог объединить разные группы интересов в относительно единую национальную идентичность, на востоке Европы не имел места. Другими словами, взятая на вооружение концепция нации опять же опередила в своем развитии установление необходимых институтов гражданской интеграции, что придало ей определенный националистический, но не гражданский акцент. Так, провинциальным политическим элитам, особенно национальных автономий, всегда была присуща практика обращаться к этноцентрическому наследию, в том числе этническим ценностям и нормам. Следует также заметить, что молодые этнонациональные движения и новые государства, выделившиеся из состава многонационального, как правило, отрицают прежний исторический опыт территориального сожительства. Они заикливаются на своей родовой этнической истории, изолируют ее от истории региона, соседних стран и народов.

К этому следует добавить и то, что в обществах переходного типа росту гражданской активности препятствует тоталитарная государственническая традиция, которая, с одной стороны, подавляет ростки демократии, а с другой – обнадеживает население в том смысле, что она может и обязано решить все его проблемы. В результате всегда существует

вероятность, что любая ошибка в системе государственного решения может оказаться роковой с точки зрения безопасности государства и его целостности. В то же время эффективно действующие институты гражданского общества не только способны осуществлять контрольные функции, но и могут стать интегрирующей силой общества.

Следует также учитывать, что страны Восточной Европы, осуществляя реформы, изначально и в целом за образец взяли стандарты Западной Европы. Но вскоре пришло понимание, что простое воспроизведение чужого опыта не дает ожидаемых позитивных результатов. В частности, простое воспроизведение многопартийной политической системы не гарантирует устойчивое развитие, если отсутствуют или не действуют институты гражданского общества. Нельзя однозначно согласиться и с теми, кто настаивает на возможности какого-то особого пути для России.

В целом, переход к обществу демократического типа можно представить как длительный и трудный процесс не только распределения власти между разнообразными публичными сферами и поиска консенсуса групп интересов, существующих внутри общества, но и формирование новой системы идентификации.

Согласно концепции “рефлексивного проекта самости” английского социолога Э.Гидденса¹, на определенном этапе исторического развития обретение идентичности происходит через постоянную рефлексивность по отношению к своей истории и практики и работы над ними². Подобное утверждают и сторонники “этнометодологии”: социальный порядок определенной нации формируется в ходе рефлексии, другими словами, разговорами о своей национальной истории и современности². При этом современному российскому обществу – в смысле обретения, самоконструирования новой идентичности – характерно обращение к прежним наработкам славянофильской и евразийских школ.

Обе школы были противниками европейской модели общества. В то же время славянофилы идентифицировали Россию с единым “славянским” и “православным” миром, а евразийцы обращались внутрь пространства России (затем СССР) и воспринимали не только толерантно его культурное многообразие, но и представляли его как исторически сформировавшуюся целостность.

Евразийцы признавали свою духовную близость к славянофилам³.

Истоки евразийской концепции можно найти у Н.Я.Данилевского.

Евразийцы и славянофилы отмечали географические и этнографические особенности России – ее “срединное” положение между Европой и Азией⁴. Они говорили также о “существовании особой евразийско-русской культуры и особого его субъекта, как симфонической личности”³.

Замыслы и идеи евразийцев носили глобальный характер и “претендовали на осмысление многих проблем духа и бытия”⁵. В отношении Евразии/России они утверждали, что ее мир самодостаточен в культурном и хозяйственно-экономическом уровне⁵.

Евразийская концепция была близка славянофильской и по наличию в ней мессианского начала. Отталкиваясь от своих положений об особой культуре Евразии-России и ее “срединном” положении в мире, евразийцы отводили Евразии роль “организатора хаоса”, постепенного распространения организованного (истинного) начала на всю сферу вселенной⁵.

С их точки зрения, формирование “многонародной евразийской нации” диктуется как историческая необходимость, в противном случае, российское государство (СССР) прекратит свое существование. Евразийцы считали синонимами понятия “национальное” и “этническое”. С их точки зрения, “многонародная нация” не исключает, не “сливает” в себе другие народы, а лишь соединяет их в “государственный субстрат”, сохраняя их самобытность и ограничивая устремления “ложного” национализма.

Наиболее опасным и антигосударственным, по мнению “евразийцев”, является крайний русский национализм.

Один из крупнейших представителей этого идейного течения Н.С.Трубецкой в программной статье “Общевразийский национализм” очень четко определяет причину

подобной оценки: крайний русский национализм может привести к росту таких же устремлений у других народов СССР и распаду государства. Именно русскому народу евразийцы отводили главную роль в воспитании нового национального самосознания и создании “евразийской нации”⁶.

На рубеже XX и XXI столетий как в России, так и в азиатских и европейских странах вновь возник интерес к евразийству как к оригинальной “идейной конструкции”, политическому движению, вполне вписывающемуся в современную геополитику. Ряд российских исследователей рассматривают новое евразийство и как реальную идеологию, способную объединить страну и обеспечить взаимодействие народов, населяющих огромный регион⁷. Признавая необходимость формирования гражданской российской нации и сохранение поликультурности российского общества, сторонники неоевразийства настаивают на необходимости, во-первых, более активной роли в этих процессах самих народов, во-вторых, на партнерских, подлинно равноправных отношениях в сотворчестве новой России всех населяющих ее народов.

Евразийство явилось результатом дальнейшего осмысления самобытных черт России.

Исследователи считают, что евразийцам характерно “особое чувство континента, особая восприимчивость к духу территории”⁸. В этой концепции делается попытка поставить во главу угла уже не развитие института государства или одну этническую общность, а непосредственно геосоциальное пространство и его культуру.

В дальнейшем эти идеи стал активно развивать Л.Н.Гумилев.

А постсоветские неоевразийцы представлены фигурой Александра Дугина, одного из основателей евразийской партии и одноименного общественного движения⁹.

Как и в прошлом, неославянофильская и неоевразийская школы являются противниками западной модели общества.

Обращает на себя внимание различного рода попытки консолидации общества на основе “русской идеи” или идеи “русского государства”. Примечательно, что в современной переоценке прошлого и осознания перспектив развития России опять принимает активное участие Русская Православная Церковь. Причем себя она рассматривает как трансэтническое явление и “в этом качестве” видит свое участие в интеграционном процессе в России.

По мнению одного из виднейших церковных иерархов РПЦ, ответственного за ее внешние связи, митрополита Кирилла, Россия была и всегда будет геополитическим центром, сохраняющим баланс общей системы политических ценностей¹⁰. Он считает, что “третий мир многое потерял от того, что Россия перестала быть балансом, обеспечивающим стабильность мировой политической системы”¹⁰. Как видно, митрополит склоняется к тому, что России предназначена особая миссия в мировой политике.

Движения религиозно-православного толка видят будущее в восстановлении России в качестве центра (или во главе) православного мира и сопротивления Западу и глобализации. Зарубежные аналитики обращают внимание, что сторонники названных движений “открыто защищают идею создания пространства, в котором объединились бы православные нации”¹¹.

Одна из известных идеологов современного панславизма, историк и депутат Государственной Думы Н.А.Нарочницкая рассуждает именно в упомянутом выше геополитическом ключе исторического Восточного вопроса и доктрины “Москва – Третий Рим”. Она считает, что единению всех славян препятствует Запад, который стремится установить геополитический контроль над Восточным Средиземноморьем¹².

Официальные лица не выражаются столь категорично, но те из них, которых можно было бы идентифицировать, как принадлежащих к православной культуре, “по большей части смыкаются с глубинными тенденциями традиционной русской дипломатии”¹¹.

При всей своей толерантности президент РФ В.В.Путин демонстрирует (или дает возможность такой интерпретации СМИ) свою принадлежность к православной вере. Более того, разделяет позицию патриархии Русской Православной Церкви в отношении

деятельности католического Рима в России.

Необходимо заметить, что общегражданский патриотизм идеологов “русизма”, как правило, не устраивает, так как они выступают сторонниками этнического патриотизма.

Так, А. Широпаев в своей статье “От России – к Руси. Еще раз о русском сепаратизме” предлагает провести референдум среди русских по отделению “Руси от России”. Против “расхожего патриотизма” выступили лидеры Народно-державной партии России, обозначив свою позицию в открытом письме Президенту РФ, Министру юстиции и Генеральному прокурору (октябрь 2002 г.). Противопоставляя (общегражданскому) патриотизму национализм, они подчеркивают, что спасти Россию может только национализм русского и других коренных народов¹³.

Знаковой страной для сторонников панславистской идеи является Сербия.

По мнению Н.А. Нарочницкой, Россия и Балканы – это не просто “православный мир”, а, что примечательно, “поствизантийское пространство, отличное от западной цивилизации”, а ... “Сербия его форпост на Западе”¹².

Одновременно активно разрабатываются различные темы угроз с Запада и Востока: грядущей гегемонии Америки, пантюркского и панмусульманского союзов. При этом все это обосновывается той или иной концепцией. Например, – геополитикой¹⁴ и “конфликтом цивилизации” и т.д. Этому способствует и тот факт, что определение геополитической стратегии России происходит в борьбе самых разных политических сил. Поэтому политика России характеризуется “причудливыми сочетаниями и чередованиями противоречивых тенденций”¹⁵. Практически все эти концепции отталкиваются от образа “чужого” или “врага”, выраженного в простейшей схеме “Запад – Восток” или “Россия – Запад”, “мы – лучше, чем они”.

Известно, что и в советский период конструирование исторической общности “советский народ” происходило в оппозиции к Западу. Причем, чем больше увеличивался разрыв в качестве жизни советского общества и западных стран, тем ярче требовалось выписать ту угрозу, которая исходила от противоположного лагеря. Таким образом, решалась проблема поддержания консолидации общества. То есть, задействовался образ “чужого”. Но официальная внешнеполитическая доктрина новой России не рассматривает Запад в качестве противника, хотя и констатирует наличие различных подходов к международным проблемам и определенных противоречий. В то же время можно увидеть, что в российских политических кругах не все согласны с такой позицией Кремля.

В плане возможной стратегии России сторонники неоевразийской идеи делают ставку на союз с Востоком и мусульманским миром. Примечательно, что среди союзников они видели, в том числе Ирак времен Саддама Хусейна. Неоевразийцы считают, что особой миссией России является создание “единого геополитического блока”, целью которого должна стать борьба против Запада и глобализации. Более умеренная позиция представлена идеей “моста”. То есть, Россия видится “мостом” между Западом и Востоком. В качестве своих традиционных союзников неоевразийцы видят Индию и Китай.

Есть и другие концепции, претендующие на национальную идею, которая могла бы стать основой консолидации общества. Эти концепции предлагают различные политические силы как левого, так и правого фланга. Они в той или иной степени включают в себя элементы этнического национализма или евразийского универсализма, а также в той или иной степени ориентируются на православие и ислам или просто не могут игнорировать эти распространенные в России религии. Следует отметить, что все эти концепции, так или иначе, включают в себя факторы “образа чужого” и особой роли России в мировой политике.

Интересно, что представители либерального крыла общества в области внешней политики также считают, что России в XXI в. предназначена особая миссия.

Например, известный политик А. Чубайс, ссылаясь на весь исторический путь страны, утверждает, что идеологией должен стать “либеральный империализм, а миссией России в нынешнем тысячелетии должно стать “построение либеральной империи”¹⁶. Специально

оговариваясь, что это не подразумевает восстановление СССР или какие-либо территориальные претензии, А.Чубайс обозначает следующие основные направления внешней политики России: “Содействие развитию русской культуры и культуры других народов России и защита русских и русскоязычных граждан в соседних странах.

1. Экономика и бизнес. Российское государство может и должно содействовать экспансии отечественного бизнеса в соседние страны как в торговле, так и в приобретении и развитии активов.

2. Российское государство заинтересовано в поддержании, развитии, а при необходимости и в защите базовых демократических институтов, прав и свобод граждан в соседних странах”.

Определяя место России в мире, А.Чубайс утверждает, что “Россия – единственный и уникальный естественный лидер на всем пространстве СНГ”¹⁶.

В части особой миссии России “программа” А.Чубайса могла бы быть принята панславистами, евразийцами, национал-патриотами, а также КПРФ и “Единой Россией”. Хотя, в отличие от большинства, названный политик не обращается к образу внешнего врага или не выписывает этот образ, чтобы тем самым подкрепить свои тезисы касательно предлагаемой ими национальной стратегии России в XXI в.

Следует подчеркнуть, что те, кто усиленно обращается к образу врага, преследуют в большей степени внутривнутриполитические цели. Антизападная риторика ряда политических деятелей преследует вполне определенные задачи – получить поддержку электората на очередных выборах.

Официальная Москва дистанцируется от таких понятий, как “миссия” и “империя”.

В свое время, будучи министром иностранных дел России, И.С.Иванов утверждал, что современной российской дипломатии присущ прагматический подход во внешней политике, и “Россия отказалась от идеологии глобального мессианства” и “от “неимперских амбиций”¹⁷.

Но все же во внешнеполитических документах и выступлениях государственных должностных лиц, причастных к формированию внешней политики России, можно найти то, что дает возможность говорить, что, по крайней мере, и в их выступлениях все же прослеживаются нотки мессианства.

Официально объявив себя “государством-правопреемником СССР”, Россия не только сохранила статус последнего как великой державы и постоянного члена Совета Безопасности ООН, но и получила часть его внешнеполитического наследства. В этих условиях необходимо было осмыслить место государства в мировом пространстве и “во многом заново сформулировать и привести в систему свои взгляды на ключевые внешнеполитические задачи страны”¹⁷, что потребовало не только осознать новые реалии, новые тенденции мирового развития, но и прошлое России. В полной мере это относилось и к внешней политике. Другими словами, внешняя политика как фактор национальной рефлексии стала особенно значимой в процессе поиска стратегического курса развития государства и консолидации общества.

Статус великой державы, так или иначе, предполагает некую ее мировую миссию. Содержание миссии может быть определено историческими условиями формирования великой державы и ее роли в мировой или региональной политике. Или можно исходить из того, что государство является постоянным членом Совета Безопасности ООН и принимает участие в решении глобальных проблем. Если иметь в виду Россию, то первое является следствием преемственности ею статуса СССР. А второе, выражает потребность в поддержании мировой стабильности и международной безопасности.

Если судить по предвыборным программ различным партиям, выступлениям и отдельным высказываниям кандидатов, состоявшихся парламентариев и государственных лиц, то в отношении роли России в мировой политике практически нет разногласий.

“Все они, по мнению исследователей, в основном и главным поддерживают усилия внешнеполитического ведомства по сохранению за Россией роли одного из ведущих

субъектов международных отношений”¹⁸. Причем это и их личное убеждение, и стремление завоевать симпатии российского общества. В свою очередь, общественное сознание не отторгает миссионерскую функцию России и убеждено – это ее историческое предназначение.

В то же время понимание миссионерской политики несколько расплывчато или скорее более тождественно советскому прошлому, чем соответствует реалиям современности. Отсутствие достаточных ресурсов или неэффективное управление ими не позволяют реализовать многие прежние функции СССР. В этой связи можно предположить, что претензии на продолжение державной политики СССР в чем-то есть подсознательное стремление к самомобилизации нации. Такое вполне возможно в период кризиса национальной идентичности, пока идет поиск национальной идеи. Но проблема выбора стратегических ориентиров, выраженных через категорию “национальная идея”, остается, а эту проблему необходимо обсуждать не только в узких кругах государственных лиц, но и за пределами этатического поля и с участием оппонентов. То есть, в институтах гражданского общества.

Безусловно, что национальная идея рождается в процессе осознания национальных интересов и ее концептуализации в элитных группах. Сам же механизм осознания и консолидации множества групп интересов российского общества находится еще только в процессе своего становления. Также только начался процесс формирования институтов гражданского общества и культуры правового государства. Несовершенство механизмов согласования групп интересов создает условия для внутренних конфликтов и блокирует социальную инициативу, препятствует развитию страны.

Представляется, что необходимо определиться с содержанием великодержавной миссии России и сосредоточить национальные ресурсы на тех направлениях, которые могут реально отвечать ее возможностям. То есть, найти свою цивилизационную нишу.

Как и в конце XIX столетия в обществе развернулась дискуссия о приоритетах восточного и западного векторов внешней политики России. Причем эта дискуссия имела свой идеологический контекст, во многом определяемый ценностной ориентацией сторонников/критиков западного или восточного направления. Другими словами, международные отношения и внешняя политика стала неотъемлемой частью внутриполитических процессов. В свою очередь, характер последних и от того, на какой ценностной основе осуществится консолидация российского общества “во многом зависит будущий образ страны, ее поведение на международной арене”¹⁸.

Так, внешнеполитический курс Кремля и его дипломатия постоянно подвергается критике особенно представителями левых и националистических политических движений и партий. В частности, названные силы не упускают случая, чтобы упрекнуть российскую дипломатию за ее действия в период войны НАТО против Сербии.

Так, в “Советской России” в статье, посвященной очередной смене администратора ООН в Косово и анализу ситуации в этом Крае, утверждается, что “Москва ... с важным видом занимается пустословием и старается сидеть сразу на двух стульях. Российские позиции на Балканах пущены по ветру”¹⁹.

Представитель интеллектуальной элиты и известный политолог-международник В.А.Кременюк, отдавая должное “хорошим навыкам кризисной дипломатии”, считает, что “хорошая дипломатия в периоды кризисов не должна заслонять собой более масштабные вопросы внешней политики, затрагивающие ее целеполагание, доктринальность, способность распознавать истинные проблемы и своевременно реагировать на них, правильно определять свои и чужие возможности, и целый ряд других обстоятельств, в зависимости от которых страна может либо благотворно использовать имеющиеся в международной системе ресурсы (а они всегда имеются), либо бездарно их упустить”²⁰.

Вопрос лишь в том, каким образом и за счет каких ресурсов Россия могла бы реализовать то предназначение, которое ей сулят те или иные общественные круги. Но для подтверждения национальной самодостаточности не столь важно, каким будет ответ на

данный вопрос. Более важно придать политическому процессу символический смысл, чтобы на этой основе осуществить консолидацию групп интересов и привести к общему знаменателю различные ценностные ориентации. Другими словами, речь идет о национальной идее. Пока обществу не удалось сформулировать национальную идею Российской Федерации, а государство не берет на себя такую ответственность.

То, что само общество еще не выработало для себя единую систему социокультурных ориентиров развития, а государство не берет (или не может взять) на себя определенные обязательства в плане предложения обществу таких ориентиров, произвольно опять вызывает потребность к актуализации образа “чужого” как некой знаковой угрозы нации мобилизующей к национальной консолидации.

Признавая высокую мобилизующую эффективность фактора внешней угрозы, на определенных этапах общественного развития и в “переходные периоды”, необходимо заметить, что со временем образ “чужого” как врага, перестает отвечать задачам поддержания внутренней солидарности и социальной мобилизации, начиная выполнять обратную функцию, создавая условия для нагнетания международной напряженности, дезориентируя и дестабилизируя национальное развитие как таковое. Более того, приходит осознание опасности приближения мировой катастрофы, что побуждает к более объемному (глобальному) отражению реальности, многогранной и прогностической оценке результатов деятельности и тем самым, подавляя, корректируя стереотипы ранних стадий развития общественного сознания, то есть в настоящее время обществу необходимы ориентиры положительного и такого содержательного характера, которые способствовали бы продвинутому развитию на основе реализации человеческого потенциала как такового и интегрирующие индивидуумов и группы на основе их взаимодействия во имя общих интересов.

Примечания

¹ Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. М., 2003; Социология. М., 1999.

² Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б.С. Социологический словарь. М., 2004. С. 396, 543–544.

³ Евразийство. Опыт систематического изложения. Париж, 1926. С. 33.

⁴ Современная философия / Под ред. Кохановского В.П. Ростов-на-Дону, 1995. С. 14.

⁵ Исаев И.К. Утописты или провидцы? // Пути Евразии. М., 1992. С. 13–14, 19.

⁶ Трубецкой Н.С. Общевразийский национализм // Свободная мысль. 1992. № 7. С. 111–116.

⁷ Ерасов Б.С. Антиевразийство и новое евразийство в канун 21 века. Семантика и идейная направленность современного антиевразийства // Евразийство: проблемы: проблемы осмысления. Уфа: Издательство “Восточный университет”, 2002. С. 18–21; Кузеев Р.Г. Евразия: альтернативы теоретических подходов и перспективы изучения // Там же. С. 109–112.

⁸ Урханова Р.А. Евразийцы и Восток: прагматика любви? // Вестник Евразии. 1995. № 1. С. 19.

⁹ Дугин А. Основы геополитики. М.: Изд-во Арктогея, 2000; Консервативная Революция. М.: Изд-во Арктогея, 1994; Русская вещь. В 2-х томах. М.: Изд-во Арктогея, 1994.

¹⁰ Международная жизнь. 1994. № 1. С. 25.

¹¹ Лупан В. Русский вызов. М., 2000. С. 228, 232.

¹² Нарочницкая Н.А. Борьба за поствизантийское пространство // Наш современник. 1997. № 4. С. 232.

¹³ Мухаметшина Н.С. Трансформации национализма и “символьная элита”: российский опыт. Диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук. Самара, 2004. С. 53.

¹⁴ Битова Е.Г., Боров А.Х., Дзамихов К.Ф. Северный Кавказ в общественной динамике современной России // Россия и мусульманский мир. 1997. № 4. С. 29. Битова Е.Г., Боров А.Х., Дзамихов К.Ф. Северный Кавказ в общественной динамике современной России // Россия и мусульманский мир. 1997. № 4. С. 29.

¹⁵ Паин Э.А. Этнополитические процессы в модернизирующейся России: Концепция нелинейного развития этнополитической интеграции. Диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук. М., 2004. С. 80.

¹⁶ Чубайс А. Миссия России в XXI в. // Независимая газета. 2003. 1 октября.

¹⁷ Иванов И.С. Новизна и преемственность в российской внешней политике // Независимая газета. 2001. 15 июня.

¹⁸ Кулматов К.Н. Приоритеты внешней политики России и современные международные отношения. М., 2002. С. 68.

¹⁹ Котов Ю. Косовская заморочка // Советская Россия. 2004. 5 августа.

²⁰ Кременюк В.А. Дипломатия в контексте реформ // Независимая газета. 2003. 14 февраля.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ ИНТЕГРАЦИИ И СНГ

В.Алчинов,
кандидат экономических наук

Предпринятые в последнее десятилетие попытки активизировать экономическое сотрудничество в рамках СНГ на многосторонней основе не дали существенных результатов и не смогли остановить дезинтеграционных процессов и продолжающегося усиления дифференциации интересов у участников Содружества. В сфере экономики интеграционное объединение продолжает функционировать явно ниже своих возможностей.

Обладая 5% численности населения планеты, 10% мирового промышленного потенциала, 25% запасов базовых видов природных ресурсов, СНГ располагает в мировой торговле всего 2%.

Для выявления объективных причин отсутствия положительных результатов интеграции представляется необходимым проанализировать, прежде всего, степень соответствия СНГ базовым условиям и предпосылкам международной экономической интеграции с учетом мирового опыта. К числу таких основных условий относятся:

- приблизительно равный уровень экономического развития стран-участниц интеграционного процесса;
- положительная динамика экономического развития интегрирующихся государств;
- близкие системы хозяйствования, принципы организации управления экономикой и её реформирования;
- географическая близость стран-участниц и наработанные ими ранее хозяйственные связи;
- наличие иницилирующего центра;
- политическая воля руководства объединяющихся государств и их способность постепенно делегировать отдельные полномочия на наднациональный уровень.

Оценка соответствия этим критериям структуры и характера экономического взаимодействия в рамках СНГ позволит глубже вскрыть истоки низкой эффективности интеграционных процессов и определить на этой основе возможные пути минимизации негативных явлений.

1 Опыт международной интеграции свидетельствует, что приблизительно равный уровень экономического развития стран-участниц является условием крайне желательным, но не обязательным.

Примеров экономического сотрудничества сильных и слабых партнеров достаточно. Однако в этом случае требуется довольно длительный период времени для того, чтобы страны, имеющие более низкие экономические показатели, смогли бы на равных участвовать в интеграционных процессах. Более сильные в экономическом отношении партнеры вынуждены при этом часть средств направлять на подтягивание слабой экономики этих стран, а не на развитие интеграционных процессов.

Согласно гипотезам развития интеграционных процессов, наиболее сильная в группировке страна, если она ещё и сравнима по своему экономическому потенциалу с

остальными участниками, вместе взятыми, должна взять на себя пропорционально большую часть бремени по расходам.

Определенные сложности переживает Североамериканская ассоциация свободной торговли (НАФТА), на пространстве которой “весовые категории” США и Мексики резко отличаются. В отличие от европейской модели, для этого объединения характера неравномерность интеграционных процессов: Канада и Мексика ориентируются преимущественно на США и при этом слабо интегрированы между собой. Это обстоятельство вынуждает партнеров искать оптимальное сочетание экономического взаимодействия, как в рамках Ассоциации, так и на двусторонней основе.

Поэтому и Евросоюз, учитывая негативное воздействие различий в уровнях экономического развития стран, особенно на начальном этапе интеграционного процесса, обозначает довольно жесткие критерии для принятия новых членов.

Практика международной экономической интеграции свидетельствует, что объединения с участием сильных и слабых партнеров не поднимается выше уровня зоны свободной торговли (ЗСТ). Общность интересов в этом случае ограничивается либерализацией торговли и гармонизацией усилий по регулированию национальных экономик по вопросам, имеющим наибольшее значение для развития региональных производственных связей.

Проблема разноразовного экономического положения партнеров в СНГ является одной из наиболее весомых. Огромное превосходство России над другими странами Содружества (на её долю приходится более двух третей экономического потенциала СНГ) создает серьезные проблемы для равноправной многосторонней интеграции, согласования интересов при принятии интеграционных решений. Реальные интересы стран Содружества связаны в основном с получением из России сырья и товаров на льготных условиях.

К началу 2004 г. их долг РФ превысил 7 млрд. долл., из которых задолженность предприятий и организаций за поставленные им топливно-энергетические ресурсы составила свыше 3,5 млрд. долл. Вследствие стойкой неплатежеспособности большинства стран СНГ и постоянно возрастающего дефицита торгового и платежного балансов, наблюдается тенденция к накоплению долга.

При таком типе интеграции потребуется длительное время для выравнивания экономического положения стран-участниц, причем при условии большой финансовой помощи со стороны донора на этот период.

Создавшаяся ситуация ставит Россию перед проблемой выбора следующих альтернативных вариантов:

- попытка сохранения экономического интеграционного образования в рамках всего Содружества;
- концентрация усилий на объединении наиболее развитых экономических партнеров;
- развитие экономических отношений со странами Содружества преимущественно на двусторонней основе.

Первый вариант оправдан в основном политическими соображениями – прежде всего необходимостью противодействия проникновению стран Запада на постсоветское пространство, однако его реализация потребует от России огромных финансовых затрат не только на краткосрочную, но и на среднесрочную перспективу.

В сложном нынешнем экономическом положении страны такая ноша для неё является неподъемной.

Наиболее приемлемой представляется модель, рационально сочетающая второй и третий варианты. При этом вполне оправданной является концентрация внимания на экономических связях с тремя ключевыми партнерами по СНГ: Украиной, Белоруссией и Казахстаном, на долю которых приходится 88% всего товарооборота СНГ и 94% совокупного ВВП. Поэтапное создание с этими странами Единого экономического

пространства (ЕЭП) может послужить основой для последующего развития интеграционных процессов в рамках СНГ.

Перспективными представляются одновременно и профильные интеграционные образования с партнерами по Содружеству для совместной разработки и реализации взаимовыгодных крупномасштабных целевых программ, таких как инициированный Россией и Казахстаном Евроазиатский газовый альянс, совместный с Кыргызстаном и Таджикистаном проект развития гидроэнергетики, проект транспортного коридора “Север-Юг” и др.

2 Одним из критериев, определяющих эффективность интеграционных процессов, является динамика экономического развития участвующих в них стран.

Объединение осуществляется значительно быстрее, когда их экономика находится на подъеме. Опыт показывает, что государства, оказывающиеся в кризисной ситуации или близкой к ней, крайне тяжело интегрируются друг с другом, поскольку экономика в таких случаях занята самовывживанием, поиском сильных партнеров, способных вывести её из кризиса. В таком положении внутреннее законодательство, как правило, отдает предпочтение антикризисным мерам, протекционизму, ограничениям в торговле, вывозе капитала и т.д., в то время как для интеграции, наоборот, требуются рыночные механизмы, свобода движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы.

Экономическое положение многих стран СНГ до настоящего времени находится в состоянии, близком к критическому.

После распада СССР экономический потенциал государств Содружества сократился примерно наполовину в связи с разрывом производственных связей, изменениями механизмов хозяйственного управления, переделом собственности.

ВВП в странах СНГ до сих пор не достиг уровня 1990 г. Потеря традиционных рынков сбыта, жесткая конкуренция и ограничительная торговая практика мировых рынков, а также дефицит финансовых и материальных ресурсов привели к свертыванию в государствах Содружества наиболее перспективных и трудоемких отраслей промышленности. При этом падение производства коснулось, прежде всего, высокотехнологических отраслей: радиотехнической, электронной, авиационной промышленности, автомобилестроения и др.

В условиях кризиса в реальном секторе экономики и углубления финансовой дестабилизации во всех странах СНГ преобладала “стратегия выживания”.

Перспективные программные меры системных и структурных преобразований уступили место срочным антикризисным действиям в сфере производства и денежно-кредитных отношений, борьбе с инфляцией. Основные усилия правительств большинства стран Содружества концентрировались либо на приспособлении национальных экономик к болезненному процессу разрыва традиционных хозяйственных межреспубликанских связей и самостоятельному выходу на мировые товарные и финансовые рынки, либо на разработке и проведении политики финансовой стабилизации, внедрении необходимых регулирующих рыночных механизмов и институтов.

В России, Киргизии и Молдавии антикризисная политика определялась в основном либерально-монетаристскими методами. На Украине, в Белоруссии и Казахстане акцент больше делался на государственную поддержку хозяйства.

В Узбекистане и Туркмении эпицентр стабилизационных мер сместился в сторону выборочной поддержки базовых для национального хозяйства отраслей, поощрении малого предпринимательства с опорой на бюджетное финансирование, привлечение иностранных кредитов и частных инвестиций.

В Армении, Азербайджане и Грузии антикризисная политика ориентировалась в основном на внешнюю финансовую помощь. Причем, если для Армении и Грузии она стала одним из источников “выживания”, то в Азербайджане приоритет отдан концессионной политике – передаче стратегических природных ресурсов иностранным ТНК с расчетом на использование доходов от экспорта нефти для финансовой стабилизации, реанимации и модернизации производственного потенциала других отраслей национальной экономики.

Аналогично проводятся в настоящее время реформы и в ряде других стран Содружества.

Такие различия в антикризисной стратегии привели к тому, что в общем потоке схожих макроэкономических тенденций наметились разнотемные течения.

Выделилась группа государств, где обозначились тенденции к финансовой стабилизации и восстановлению производства.

В других государствах кризисные явления приостановлены и началось восстановление производства лишь в отдельных отраслях экономики, но в целом факторы экономического подъема ещё полностью не заработали. В третьих странах кризисные процессы, хотя и ослаблены, но ещё продолжаются и определяют характер основных трансформационных процессов.

Данное обстоятельство относится к числу серьезных сдерживающих факторов на пути широкомасштабной экономической интеграции в рамках СНГ в настоящее время, поскольку большинству стран-участников ещё предстоит достаточно длительный процесс достройки своих национальных комплексов до минимально необходимого уровня, соответствующего приблизительно одинаковым предпосылкам для взаимодействия в условиях рынка.

У многих стран СНГ по-прежнему проявляется ограничивающее влияние внутренних экономических проблем, связанных с общим сокращением промышленного производства и падением платежеспособного спроса населения, неплатежеспособности самих государств и хозяйствующих субъектов, высокой взаимной задолженностью по поставкам и т.п.

Высокая вероятность сохранения такого положения на ближайшие годы подтверждает необходимость и целесообразность, при решении интеграционных задач, сосредоточить внимание первоначально на формировании базовой группировки из наиболее развитых в экономическом отношении стран (в составе России, Украины, Белоруссии и Казахстана) с перспективой дальнейшего присоединения к ней других государств Содружества по мере их готовности к объединению.

3 Важным условием для интеграции является близость систем хозяйствования, принципов организации управления экономикой и её регулирования.

Одинаковый уровень технико-экономического развития объединяющихся стран ещё не служит гарантией того, что автоматически возникнут прочность, достаточная степень охвата и широта хозяйственных связей. Положительный опыт международной экономической интеграции свидетельствует, что результативность этих процессов может быть обеспечена только при задействовании всеми объединяющимися странами эффективных рыночных механизмов.

Данные Организации экономического сотрудничества и развития свидетельствуют о том, что в течение последних 10 лет государства, в которых существует открытый торговый режим для товаров и капиталов, развивались в среднем в 2 раза быстрее, чем страны, ограничивающие их движение.

Предпосылки для повышения уровня экономического сотрудничества в рамках международных интеграционных образований в условиях рынка создаются, прежде всего, на микроуровне – в результате взаимодействия хозяйствующих субъектов. Опыт же деятельности Содружества показывает, что вялость интеграции на его экономическом пространстве в большой степени определяется её слабо выраженным рыночным характером, чрезмерной ориентацией на развитие межгосударственных связей. В первые годы существования СНГ, когда происходил неуправляемый процесс разрыва прежних межреспубликанских отношений, а новые рыночные субъекты только начали формироваться, упор на государственное начало в регулировании сотрудничества был, очевидно, оправдан. В настоящее время подобный подход во многом себя исчерпал, и центр тяжести в экономических связях требует перемещения на уровень хозяйствующих субъектов.

Государство, продолжая концентрировать свои усилия на приоритетных направлениях экономического взаимодействия, призвано содействовать созданию необходимых

рыночных условий для успешного сотрудничества этих субъектов и формирования транснациональных корпоративных структур, интеграционных объединений, совместных предприятий и т.д. К сожалению, рыночные механизмы, на пространстве СНГ пока работают слабо. Нередко происходят противоположные процессы – создаются дополнительные таможенные посты, вводятся квоты, лицензирование взаимной торговли. Подобная ситуация вызвана такими экономическими причинами, как:

- разноскоростное движение к рынку;
- различия в системах организации и управления экономикой и финансами;
- характер проводимых реформ;
- различная степень обеспеченности сырьем, производственными ресурсами и квалифицированными кадрами.

Среди указанных сдерживающих факторов на пути интеграции особое значение имеет существенное расхождение в выборе странами СНГ модели функционирования народного хозяйства и направленных на реализацию этой задачи хозяйственных реформ. В ряде стран курс на либерализацию рассматривался как альтернатива государственному суверенитету и обеспечению национальной безопасности.

Так, в Белоруссии, Узбекистане, Туркмении и Таджикистане с самого начала государственного строительства после распада СССР сложилась жесткая централизованная система государственного управления внешнеэкономическими связями на всех уровнях.

В Азербайджане, Грузии и Казахстане усиливаются действующие и нарабатываются новые механизмы их регулирования.

В России, Украине и Молдавии тенденции либерализации и децентрализации внешнеэкономической деятельности поддерживаются МВФ.

Такие различия в моделях и сценариях приводят в конечном итоге к несовпадающим темпам реформ, масштабам либерализации экономики и механизмам государственного экономического регулирования. Вполне очевидно, что такие значительные расхождения в нынешней политике реформирования национальных хозяйств остаются серьезным препятствием на пути интеграции. Нетрудно предположить, что этот сдерживающий фактор будет проявляться и при дальнейших интеграционных процессах в СНГ, в частности при создании Союзного государства России и Белоруссии, а также в процесс формирования Единого экономического пространства (ЕЭП).

Помимо существующих различий в подходе к модели функционирования национальных хозяйств уже на этапе подготовки между членами “четверки” проявляются расхождения во взглядах на саму схему создания ЕЭП. Один из предлагаемых сценариев предусматривает одновременное снижение препятствий по движению товаров, услуг, капитала и рабочей силы, то есть создание аналога Евросоюза, с последующим введением единой валюты. Сторонники второй модели предлагают поэтапное движение к ЕЭП, начиная с быстрого перехода к полномасштабному взаимодействию в рамках зоны свободной торговли (ЗСТ).

К этим расхождениям следует добавить существенные различия торговой структуры четырех стран: Россия и Казахстан – экспортеры, Украина и Белоруссия – импортеры. Серьезной проблемой может послужить и вступление стран будущего ЕЭП в ВТО. Несмотря на договоренность о синхронизации этого процесса между Россией и Украиной, сохраняется опасность того, что самостоятельные действия в этом направлении Украины приведут к тому, что товары из третьих стран будут проникать через границу и территорию с наиболее либеральным режимом. Такое положение сведет к минимуму эффективность ЕЭП.

Прогнозируются сложности и с различиями в “правилах игры” для бизнеса в четырех странах, без стандартизации которых максимальный уровень функционирования единого экономического пространства будет ограничен ЗСТ на ближайшие годы.

4 К числу основных преимуществ, способствующих экономической интеграции, относится географическая близость стран-участниц и наличие наработанных ими ранее хозяйственных связей, позволяющих формировать и развивать единую инфраструктуру, которая обеспечивает, в свою очередь, снижение издержек производства, цен на продукцию за счет уменьшения транспортных расходов и т.п.

Государства СНГ на постсоветском пространстве унаследовали от СССР множество таких системных связей, которые объективно подталкивают их к воссозданию в новых условиях комплекса международных экономических отношений интеграционного типа.

Речь идет о единой инфраструктуре, системе транспорта, телекоммуникаций, нефте- и газопроводах, стандартах и т.д. Для большой номенклатуры товаров рынки соседей были и остаются единственным рынком потребления. Все это объективно создает не менее взаимозависимое экономическое пространство, чем то, что достигнуто Евросоюзом.

Россия, как и другие страны СНГ, заинтересована в сохранении и развитии созданной инфраструктуры и экономических отношений со странами СНГ. Российским интересам соответствует восстановление на новой основе промышленных связей, прежде всего:

- в машиностроении и оборонных отраслях;
- тесное взаимодействие в поставках сырьевых ресурсов и потребительских товаров;
- обеспечение бесперебойного функционирования транспортных магистралей, связывающих РФ с членами Содружества, и через их территории с третьими странами.

Сохраняется большая заинтересованность в традиционных рынках сырья и необходимых России уникальных ресурсов, находящихся в странах ближнего зарубежья.

Экономические интересы России, как и большинства других стран-участниц СНГ, в использовании постсоветского экономического пространства основаны также на установившихся за долгие годы технических и потребительских стандартах, сложившейся инфраструктуре. Народнохозяйственные комплексы остаются взаимозависимыми и взаимодополняемыми, связанными едиными технологическими цепочками практически во всех перерабатывающих отраслях, особенно в машиностроении.

При размещении крупных промышленных предприятий в СССР его республики в большинстве случаев не имели замкнутой технологической цепи, что предопределяет и нынешнюю ориентацию на установившиеся ранее хозяйственные связи.

Так, по оценкам специалистов, без кооперации с государствами СНГ Россия может выпускать в настоящее время 67% прежних объемов продукции, а другие страны без поставок из России способны производить менее половины:

- Казахстан – 48%,
- Украина – около 30%,
- Белоруссия – 16%,
- Азербайджан – 15%.

Потеря этих связей влечет за собой существенные перекосы в структуре российской экономики, увеличение доли экспорта с минимальной первичной обработкой, снижение доходов от торгово-экономического сотрудничества со странами СНГ. Дезинтеграционные процессы приводят также к ухудшению торговых позиций России при транспортировке грузов в другие государства через морские порты и инфраструктурные объекты, находящиеся на территориях стран Содружества.

Таким образом, Россия объективно заинтересована в сохранении экономического сотрудничества со странами СНГ, в использовании его далеко не исчерпанного потенциала. Не напрасно это направление продолжает оставаться приоритетным во внешней политике РФ, поскольку связано с обеспечением устойчивого развития ее хозяйства и повышением

уровня национальной безопасности.

5 Важным стимулом для интеграции, как на начальной стадии создания экономического объединения, так и при его развитии служит наличие иницилирующего центра. По опыту международной интеграции, формирование коллективного выбора зависит, прежде всего, от распределения экономической мощи и потенциала между странами-партнерами в рамках группировки. При этом важно, чтобы наиболее сильные страны не ущемляли других участников интеграционного процесса, а те, в свою очередь, четко представляли роль ведущих государств.

В рамках СНГ центром притяжения, как более сильный и экономически развитый партнер, продолжает оставаться Россия. Будучи, неформальным лидером, РФ играет решающую роль в таких сферах, как сотрудничество в топливно-сырьевых отраслях и энергетике, научной и производственной кооперации и специализации в обрабатывающих отраслях промышленности, инвестиционное сотрудничество, транспорт и связь, взаимодействие в сфере валютно-кредитных и финансовых отношений.

Однако специфика положения России состоит в том, что её доминирование вызывает определенную ревность и неприятие у многих членов Содружества. При формальном признании ключевой роли РФ на постсоветском пространстве и острой потребности в использовании её экономического потенциала рядом стран СНГ нередко проводится откровенно антироссийская политика: касается ли это маршрутов прокладки трубопроводов, создания совместных предприятий или признания русского языка. За период существования Содружества РФ инвестировала в экономику стран ближнего зарубежья более 1,5 млрд. долл. Однако факт её “инвестиционного присутствия” в большинстве стран СНГ нередко воспринимается как угроза суверенитету и усиление зависимости от РФ.

Нуждаясь в разносторонней помощи, правящие национальные элиты нередко настороженно воспринимают предлагаемые Россией крупные проекты, тщательно ограждают при этом свою самостоятельность, особенно когда речь идет о выходе на мировые рынки, получении зарубежной помощи и привлечении иностранных инвестиций. Обращают внимание случаи противодействия российским инвесторам даже в приобретении предприятий, находящихся в сырьевой, технологической и сбытовой зависимости от них, хотя поставка российского сырья по более низким ценам дочерним предприятиям в эти страны и приоритет России при закупках продукции этих компаний является важнейшим условием их экономического выживания.

Интеграционные начинания России воспринимаются некоторыми государствами Содружества как угрожающие национально-государственным интересам и как несущие в себе потенциал ущерба. В то же время способность других стран СНГ инициировать те или иные интеграционные процессы и реальные возможности поддерживать их в последующем – минимальны. Об этом свидетельствует опыт формирования трех существующих уровней интеграционных отношений:

- Союзного государства России и Белоруссии;
- Таможенного союза и созданного на его основе Евразийского экономического сообщества;
- Зоны свободной торговли, объединяющей все 12 стран Содружества.

В первом случае инициатором явилась Белоруссия, во втором – Казахстан, в третьем – Украина. Однако во всех этих группировках, сформированных в рамках возникшей во второй половине 90-х годов концепции “разноскоростной интеграции”, неформальное лидерство сразу же было передано России, которая в силу своего потенциала объективно является ядром экономической интеграции в Содружестве и призвана взять на себя роль лидера, несмотря на отмечаемое противодействие этому со стороны государственных деятелей некоторых стран, как в СНГ, так и на Западе.

6 Основным субъективным фактором, определяющим перспективность интеграционного объединения, является политическая воля руководства стран-участниц и их способность постепенно делегировать отдельные полномочия наднациональным структурам. Толчком для создания всех крупных интеграционных группировок, таких как ЕС и НАФТА, стали инициативы политических руководителей заинтересованных стран.

Очевидно, что для решения проблем, требующих совместных действий, необходимо создание механизмов сотрудничества для согласования национальных подходов и выработка взаимоприемлемых решений. Опыт Евросоюза показывает, что для оптимального режима принятия решений, кроме общих правил, норм и регламентов, требуется формирование действенных институтов для эффективного руководства интеграционными процессами. Если политическое руководство страны не готово к созданию таких наднациональных структур и не может определиться, какие полномочия предстоит делегировать в “общую корзину” уже на первом этапе создания группировки, а какие следует передавать в более поздний период, такую интеграцию можно считать бесперспективной.

По опыту создания интеграционных образований, включающих страны с различным уровнем экономического развития (что характерно и для СНГ), на начальном этапе партнеры, как правило, не стремятся к формированию наднациональных органов.

Правительства как наиболее развитых стран, так и экономически слабых участников, решая принципиально разные задачи, стремятся в максимальной степени сохранить суверенитет в вопросах экономической политики и не заинтересованы на этом этапе создавать наднациональные структуры, принимающие обязательные к исполнению решения.

Практика международной интеграции показывает, что такое взаимодействие и регулирование экономических отношений без постоянно действующих надстроечных структур осуществляется на первой ступени интеграции – в рамках ЗСТ, характерной для большинства нынешних интеграционных образований. Все решения принимаются здесь, как правило, высшими должностными лицами стран-участниц – по политическим проблемам и руководителями соответствующих министерств и ведомств (внешнеторговых, финансовых и т.п.) – по экономическим вопросам. Эти решения носят обязательный характер, обеспечивая скоординированность шагов. При этом с правовой точки зрения, достигнутые между ними международные договоренности обретают преференциальное по отношению к внутреннему законодательству положение.

Определенная необходимость в регулирующих наднациональных институтах возникает уже на втором этапе экономической интеграции – при создании таможенного союза в связи с переходом к единым таможенным пошлинам и совместному осуществлению согласованных мер по отношению к третьим странам, координацией развития отдельных отраслей на макроэкономическом уровне, приспособлением внутренних рынков к общим интересам. Роль наднациональных органов резко усиливается на следующих этапах интеграции – в едином (общем) рынке, и экономическом союзе, что обусловлено необходимостью решения таких крупных задач как:

- разработка общей политики развития отраслей и секторов экономики;
- создание условий для свободного движения капитала, рабочей силы, услуг и информации;
- гармонизация и унификация национальных законов;
- формирование специальных единых механизмов управления и контроля.

Гармонизации всего экономического регулирования и формирования надстроечных институтов требует и создаваемый в рамках СНГ новый, объективно востребованный формат – ЕЭП, предполагающий:

- обеспечение четырех свобод (передвижение товаров, услуг, капитала и рабочей силы);
- проведение единой внешнеторговой, налоговой, денежно-кредитной и валютно-финансовой политики и т.п.

Однако трудно предположить, что партнеры по “четверке” пойдут в ближайшее время на передачу каких-либо полномочий наднациональным органам и хотя бы на минимальные жертвы в потере своего суверенитета.

Такой прогноз, основывается, в частности, на позиции Украины, которая воздерживается от координации действий по вступлению в ВТО и ориентируется на вступление в Евросоюз в будущем. В этой связи представляется маловероятной реализация “параллельного” варианта, предполагающего одновременное создание благоприятных условий для всех четырех свобод. К такой продвинутой форме интеграции стороны явно не готовы. Наиболее реальной представляется “линейная”, поэтапная схема движения к единому экономическому пространству, начиная с реанимации, но в новом формате, зоны свободной торговли, далеко не исчерпавшей свой потенциал и не требующей решения невыполнимой на ближайшую перспективу задачи по формированию надстроечных структур.

Таким образом, при очевидной заинтересованности России и других стран СНГ в сохранении многостороннего экономического сотрудничества на постсоветском пространстве существует ряд серьезных объективных трудностей, препятствующих масштабной интеграции.

К наиболее значимым и трудно преодолимым в настоящее время барьерам относятся:

- разрыв в уровнях экономического развития стран-участниц;
- близкое к кризисному состояние экономики ряда государств, не имеющих положительной динамики хозяйственного развития;
- существенные различия в системах хозяйствования, принципах организации управления экономикой и её реформирования.

Для нивелирования этих расхождений потребуется довольно длительный период времени. Серьезным сдерживающим фактором субъективного характера служит неготовность, а в ряде случаев и неспособность политического руководства многих стран-партнеров делегировать отдельные полномочия на наднациональный уровень, что ставит под сомнение перспективность интеграционного процесса. В результате перед СНГ сегодня стоит двуединая задача преодоления угрозы его разобщения и одновременного использования преимуществ пока небольшой, но эффективно действующей группировки, которая реально сможет ускорить решение практических вопросов экономического сотрудничества и усилить притягательность продвинутых форм интеграции.

Выполнение этой сложной задачи требует принципиально новой стратегии развития взаимоотношений, опирающейся на прагматизм, трезвый учет всех отмеченных выше факторов, что позволяет определить реалистические ориентиры. При такой постановке вопроса наиболее логичным представляется переход от существующей малоэффективной “разноскоростной и разноуровневой интеграции” к объединению вокруг базовой группировки взаимодополняемых, наиболее развитых в экономическом отношении стран (пока без Украины, участие которой на данном этапе представляется маловероятным по политическим соображениям). В рамках такого объединения будут отрабатываться четкие механизмы реального экономического сближения. К первоначально образованной Россией, Белоруссией и Казахстаном полноценной и эффективной зоне свободной торговли (на пути к формированию единого экономического пространства) постепенно, на добровольной основе и по мере готовности могут присоединяться затем и другие страны, расширяя радиус

её действия.

Принимая во внимание инерционность этих процессов и существующие трудности, связанные с полномасштабной интеграцией в настоящее время, развитие экономического сотрудничества с другими странами СНГ будет происходить пока на многосторонней и двусторонней основах.

ВОЗДУШНЫЕ ОПЕРАЦИИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ – ПРООБРАЗ СОВРЕМЕННЫХ ВОЗДУШНО-НАСТУПАТЕЛЬНЫХ ОПЕРАЦИЙ

М.Павлушенко,

кандидат военных наук, полковник

А.Смирнов,

кандидат военных наук, полковник

И.Желтяков,

полковник

Первые масштабные события третьего тысячелетия показывают, что мир XXI в. будет более сложным и нестабильным, чем мир XX в. Мировому экспертному сообществу уже известны десятки различных моделей войн первой половины начавшегося столетия¹⁻⁴. Все они основаны на том, что ведущие государства мира вовсе не отказались от разрешения международных противоречий с помощью силы.

В “Стратегии национальной безопасности США”, например, прямо отмечается, что состояние американских вооруженных сил позволяет им “нанести поражение агрессорам в двух крупных региональных конфликтах, происходящих почти одновременно”, а также “проводить крупномасштабные и успешные операции вдали от своих границ”.

Многие политологи и военные специалисты считают, что сценарий Третьей мировой войны уже написан.

Однако, как писал М.Н.Тухачевский еще в 1926 г. в “Вопросах современной стратегии”, “ответить на вопрос – какой характер будет иметь вся будущая война – невозможно, ибо по мере своего развития война меняет формы, свой характер и предугадать их заранее нельзя⁵”.

Чтобы предугадать основные или, хотя бы, существенные черты войны будущего, необходимо изучить опыт войн прошлого. В этой связи образцом может служить статья В.Андреева, опубликованная в журнале “Обозреватель–Observer” в прошлом году⁶.

Рассмотрим, например, основную форму современных военных конфликтов – воздушно-наступательную операцию (ВНО).

Ее сущность представляет собой совокупность согласованных и взаимосвязанных по цели, задачам, месту и времени массированных действий авиационных объединений и соединений, в которых разнородные силы ВВС и ПВО действуют самостоятельно или во взаимодействии с сухопутными войсками и ВМФ одновременно и последовательно по единому замыслу и плану и под единым руководством для решения оперативно-стратегических задач на театре военных действий (ТВД).

В этой связи интересными представляются основные черты воздушной войны, которую вели США и Великобритания против фашистской Германии и милитаристской Японии в годы Второй мировой войны.

Бомбардировщики, наряду с истребителями, составляли основу военной авиации всех участвовавших во Второй мировой войне держав. Удельный вес бомбардировщиков в численности авиапарка зависел от господствующей военной доктрины и от ситуации на ТВД (табл. 1).

Таблица 1

Доля бомбардировщиков в общем выпуске самолетов⁷

%

Страна	По годам:						
	1939	1940	1941	1942	1943	1944	1945
Германия	13,4	27,8	27,2	28,4	18,7	5,6	–
СССР	26,4	35,2	23,9	13,9	11,6	10,4	11,8
США	–	–	–	26,8	34,2	40,4	34,6
Япония	–	–	28,7	27,5	25,1	14,9	17,5

В 1922 г. на конференции по ограничению вооружений в Вашингтоне были приняты “Правила войны”, которые действовали и на 1 сентября 1939 г.

В частности, ст. 22, ч. II гласила: “Воздушные бомбардировки с целью терроризирования гражданского населения, или разрушения и повреждения частной собственности не военного характера, или же причинения вреда лицам, не принимающим участия в военных действиях, воспрещаются”. Более того, 2 сентября 1939 г. английское, французское и германское правительства заявили о том, что бомбардировкам будут подвергаться “строго военные объекты в самом узком значении этого слова”⁸.

10 мая 1940 г. немецко-фашистские войска вошли в нейтральные государства Голландию, Бельгию и Люксембург. В этот же день после смерти Чемберлена премьер-министром Великобритании стал Уинстон Черчилль. В тот же день английские летчики по приказу Черчилля бомбили город Фрейбург.

В ночь на 16 мая 1940 г. налетом на объекты Рура началось воздушное наступление англичан на Германию.

Помощник министра авиации Великобритании Спейт признал: “Мы начали бомбардировки раньше, чем немцы стали бомбить объекты на Британских островах. Это исторический факт... Это великолепное решение⁸.

Таким образом, именно Черчилль начал массированную воздушную войну, направленную на опустошение и террор.

9 июля 1941 г. начался новый этап воздушного наступления Великобритании на Германию.

В июле и августе 1940 г. 24% всех заданий английской бомбардировочной авиации были направлены против немецких нефтеперерабатывающих заводов.

24 сентября 1940 г. группа в составе 119 бомбардировщиков произвела первый налет на Берлин.

30 октября новый начальник штаба английских ВВС маршал авиации Чарльз Портал издал директиву, в которой нефтеперерабатывающие заводы Германии, электростанции и авиационные заводы назначил первостепенными целями ВВС на зимний период. При этом такие объекты должны были выбираться для атак только в крупных промышленных центрах и городах. Так в английской авиации возник термин “бомбометание по площадям”: при бомбовых ударах уничтожались промышленные объекты и прилегающие к ним жилые кварталы.

В июле 1941 г., когда Великобритания пережила наиболее трудный период в битве за Атлантику, Бомбардировочное командование стало проводить уже воздушные наступательные операции. Для этого потребовалось изменить тактику бомбардировок, так как предыдущая тактика ночных бомбардировок в условиях применения противником светомаскировки не обеспечивала успеха действий.

Так, 49% бомб, сброшенных на объекты Юго-Западной Германии в период с мая 1940 г. по май 1941 г. упали вне цели.

Для повышения точности бомбометания в августе 1941 г. английские бомбардировщики стали оборудоваться радионавигационной системой “Джи”.

Особым вниманием британских летчиков пользовался Кёльн.

В период с 1 июня 1941 г. по 1 марта 1942 г. на него было произведено 33 воздушных

налета, в которых участвовало около

2 тыс. бомбардировщиков. По английским данным, было сброшено более 6600 т фугасных и около 150 тыс. т зажигательных бомб. В результате в городе оказались разрушенными 67 промышленных предприятий, более 40 транспортных объектов, десять военных объектов и тысячи жилых домов, было убито почти полторы сотни человек.

Этот ущерб стоил англичанам 55 бомбардировщиков⁹.

Специальной директивой штаба королевских ВВС с 14 февраля 1942 г. начинался новый этап воздушной войны против Германии. Основные усилия английской авиации сосредотачивались на “дезорганизацию системы коммуникаций и подрыв морального духа населения Германии в целом, и рабочего класса в особенности”¹⁰. Расчетное время этапа – 6 месяцев. Основными целями в этот период стали нефтеперегонные, авиационные и шарикоподшипниковые заводы, молибденовые рудники, верфи по строительству подводных лодок.

21 февраля новым командующим бомбардировочной авиацией Королевских ВВС стал маршал авиации Артур Харрис. Именно ему принадлежит крылатое обещание “выбомбить Германию из войны”. Весной 1942 г. в Англии появились фугасные бомбы калибром 1800 и 3600 кг. Между начальником штаба ВВС Великобритании и маршалом Харрисом разразилась дискуссия, каким бомбам отдать предпочтение: зажигательным или крупнокалиберным фугасным. В итоге было принято компромиссное решение: две трети бомбовой нагрузки составляют зажигательные бомбы, одну треть – фугасные.

При использовании фугасных бомб достигалось опустошение на площади 0,7 га застроенной городской площади на одну тонну сброшенных бомб, тонна зажигательных бомб производила опустошение на площади в два раза больше⁹. В несколько раз было увеличено и количество бомбардировщиков (с 220 до 1000) в одном налете.

Для проверки своих тактических мыслей маршал авиации Харрис решил осуществить налет 1000 бомбардировщиков в одну ночь. Он считал, что есть “универсальные” или “ключевые” объекты, полный вывод которых из строя уничтожит одну или несколько отраслей промышленности. Первым объектом такой массовой бомбардировки стал Кёльн.

От начальника штаба ВВС Великобритании маршала авиации Портала Бомбардировочному командованию последовала директива: “Я надеюсь, вам ясно следующее: целью наступления являются жилые районы, а не, к примеру, доки или фабрики”¹⁰. Командующий Бомбардировочным командованием Великобритании издал приказ: “Превратить в море огня средневековый центр Кёльна”⁸.

30 мая 1942 г. 1046 бомбардировщиков было отправлено специально разработанными маршрутами на Кёльн. Атака на город должна была продлиться 90 мин. Самолеты максимально были загружены зажигательными бомбами.

Когда английские бомбардировщики уже находились над Северным морем, 50 специально выделенных самолетов нанесли бомбово-штурмовой удар по аэродромам базирования германской истребительной авиации на территории Франции, Голландии, Бельгии и Западной Германии. Такое блокирование истребителей Люфтваффе позволило 898 английским бомбардировщикам беспрепятственно дойти до цели.

Первые бомбы упали на город в 00 час. 47 мин., последние – в 02 час. 25 мин.

Всего на город было сброшено 1455 т бомб. В Кёльне были полностью разрушены все строения на площади более 240 га.

Это было столько же, сколько было уничтожено в городах Германии за все предыдущие налеты.

Кроме того, серьезно пострадали 250 металлургических, химических, станкостроительных и машиностроительных заводов.

По немецким данным, было убито 486 чел. и ранено 5027 чел. Полностью было разрушено 18432 зданий, в городе возникло 12 тыс. пожаров. Около 60 тыс. чел. осталось без крова.

Англичане посчитали, что организация проведения массированного налета оправдала себя.

Маршал Харрис 1 июня отправил 965 самолетов для воздушного удара по Эссену. 26 июня 1006 английских самолетов нанесли удар по Бремену.

Для дезориентации работы немецких радиолокаторов, в Великобритании был налажен выпуск дипольных отражателей, получивших условное название “уиндоу”. Интересно, что “уиндоу” стали использоваться англичанами только тогда, когда ими были выработаны контрмеры по борьбе с этими помехами: немцы тоже копировали лучшие новинки своих противников.

В начале августа 1942 г. в Бомбардировочном командовании Великобритании была сформирована авиагруппа самолетов наведения.

Задача этих самолетов заключалась в обнаружении, освещении и обозначении цели для основных сил бомбардировочной авиации. Самолеты наведения следовали параллельным курсом с ударным эшелоном на расстоянии 3 км от основных бомбардировочных сил. Обнаружив город, подлежащий удару, самолеты, выделенные для обнаружения цели, сбрасывали на него серии светящихся бомб.

За этой группой появлялись самолеты-осветители и сбрасывали светящиеся бомбы непосредственно над целью.

После этого самолеты-маркировщики сбрасывали зажигательные бомбы, пожары от которых и служили прицельными точками для основных бомбардировочных сил.

Если цель была закрыта сплошной облачностью, то вместо зажигательных бомб точки прицеливания обозначались над облаками цветными светящимися парашютными бомбами. Если ветер сносил эти бомбы, то самолеты наведения вторично сбрасывали такие бомбы.

При этом цвет бомб менялся. На подходе к цели экипажи получали указания от руководителя операций, который находился на самолете в районе цели, какого цвета бомбы следует в данный момент принимать за точку прицеливания. Такой способ наведения был избран англичанами в силу того, что они не ставили себе задачу уничтожение избранных объектов в крупных населенных пунктах, а производили бомбометание по площади. После самолетов наведения над целью появлялись бомбардировщики с зажигательными бомбами. Завершали налет бомбардировщики с фугасными и зажигательными бомбами. С 19 августа по 31 декабря 1942 г. таким способом было совершено 26 налетов на немецкие города.

В январе 1943 г. в Касабланке состоялась англо-американская конференция, в которой участвовали президент США Франклин Рузвельт и премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль. Союзники приняли решение предпринять в 1943 г. совместное воздушное наступление на фашистскую Германию силами бомбардировочной авиации.

В соответствии с директивой объединенного комитета начальников штабов ВС США и Великобритании, ВВС была поставлена следующая задача: “Вашей основной задачей является прогрессивно нарастающее разрушение и дезорганизация военной, промышленной и экономической системы Германии и подрыв морального духа немецкого народа до такой степени, при которой способность его к вооруженному сопротивлению смертельно ослабнет”⁹.

В 1943 г. группа анализа воздушных операций в своих рекомендациях указала на 60 объектов, разрушение и длительная нейтрализация которых серьезно ослабит и парализует военные усилия Германии. Эти объекты, находившиеся в зоне досягаемости американской и английской авиации, по приоритету были сведены в шесть групп целей:

1. Верфи по строительству подводных лодок и места их базирования;
2. Предприятия авиационной промышленности;
3. Заводы по производству шарикоподшипников;
4. Заводы по переработке нефти и производству синтетического горючего;
5. Предприятия по производству синтетической резины;
6. Заводы военного транспорта.

С 6 марта по 29 июня 1943 г. началась “Воздушная битва за Рур”.

В ходе “Воздушной битвы за Рур” Бомбардировочное командование произвело 26 массированных налетов на города Рура, во время которых было сброшено около 35 тыс. бомб.

В результате было выведено из строя более половины производственных зданий концерна Круппа. В середине апреля 1943 г. германское командование вынуждено было сосредоточить для обороны Рурского промышленного района более 40% своей зенитной артиллерии и 466 ночных истребителей.

Однако эти усилия не оказали влияния на активность авиации Великобритании, хотя потери англичан за время рейдов на Рур и составили 872 самолета.

2 июня 1943 г., выступая в палате общин, Черчилль заявил: “Могу сообщить, что в этом году германские города, гавани и центры военной промышленности будут подвергаться такому огромному, непрерывному и жестокому испытанию, которое не переживала ни одна страна”.

Маршал Харрис вспоминал: “Практически я получил свободу бомбить любой немецкий город с населением 100 тыс. человек и более”⁹.

План совместного англо-американского воздушного наступления в период с июня 1943 г. по весну 1944 г. получил условное наименование “Пойнтблэнк”. План имел четыре этапа:

1. Разрушение судостроительных верфей (до июля 1943 г.);
2. Уничтожение истребительной авиации и авиационных заводов (август – сентябрь 1943 г.);
3. Уничтожение авиационной инфраструктуры (октябрь – декабрь 1943 г.);
4. Обеспечение подготовки вторжения союзников на Европейский континент (начало 1944 г.).

Союзники договорились о следующем взаимодействии: самолеты 8-й ВА ВВС США, базирующиеся на территории Англии (командующий генерал-лейтенант Айра Икер), будут действовать днем, применяя прицельное бомбометание, направленное на уничтожение немецкой истребительной авиации и промышленных предприятий, связанных с производством истребителей. Самолеты Бомбардировочного командования ВВС Великобритании будут действовать ночью, нанося удары по площадям промышленных центров и прилегающих к ним жилых кварталов.

Была разработана стандартная схема, по которой избранный объект подвергался бомбардировке днем и ночью. Для этого американские бомбардировщики появлялись над целью днем и в вечерние сумерки, интенсивно бомбили объект зажигательными бомбами. Возникавшие многочисленные пожары служили световыми ориентирами для английских бомбардировщиков, атаковавших эту же цель в ночное время. Ночные налеты англичан производились и на аэродромы немецкой истребительной авиации. Днем они не могли взлетать с поврежденных ВПП на перехват американских самолетов.

Немецкие РЛС могли обнаруживать и сопровождать только одну воздушную цель. Поэтому американцы уплотняли свои боевые порядки, что приводило к “избытку целей”. На подготовку обстрела немецким зенитчикам требовалось 2 мин. Зная это, союзники при прорыве ПВО строили эшелон тремя “коробками” на разных высотах. Уплотнение боевых порядков сократило временной интервал между самолетами на боевом курсе, что позволило увеличить концентрацию самолетов над целью и сократить время прохождения боевого порядка над целью в три раза. Это дало возможность бомбить цели максимально возможным количеством самолетов в минимальный промежуток времени и сократить потери бомбардировщиков. Маршруты полетов выбирались таким образом, чтобы у немцев создавалось впечатление, что самолеты летят к определенной цели. В последний момент бомбардировщики внезапно меняли курс и шли к действительному объекту бомбардировки.

В ночь на 25 июля 1943 г. был совершен массированный налет на Гамбург.

740 английских бомбардировщиков за 2,5 часа сбросили на плотно населенные районы города 2396 т фугасных и зажигательных бомб¹⁰.

Англичане применяли в большом количестве дипольные отражатели “уиндоу”, благодаря чему немцы сбили только 12 бомбардировщиков. Оказалось, что лучами немецких прожекторов управляли РЛС. Из-за помех лучи бесцельно блуждали по всем направлениям, а зенитчики не могли вести прицельный огонь.

В результате этого налета в городе были повреждены многие газовые и водопроводные магистрали, линии электропередач и телефонная связь были прерваны. Была выведена из строя и впоследствии не восстановлена схема оповещения о воздушных налетах.

Через несколько часов уже днем по городу ударили 68 американских тяжелых бомбардировщиков. В течение одного часа они атаковали порт. В результате многие постройки, доки и пристани были разрушены, а суда – повреждены.

На следующее утро 53 американских бомбардировщика сбросили бомбы на крупную городскую электростанцию.

Сутки спустя в ночь на 28 июля англичане снова произвели массированный налет на Гамбург. 739 самолетов сбросили на город 2417 т бомб.

30 июля англичане 726 самолетами повторили налет. Они сбросили на город 2382 т бомб.

3 августа на город было сброшено 1426 т бомб.

Операция бомбардировочного удара по второму по численности населения немецкого города Гамбурга носила название “Гоморра” Её целью было полное разрушение города.

Несколько дней в Гамбурге бушевал огненный шторм, столб дыма достигал высоты 4 км и проникал в кабины английских бомбардировщиков. В городе кипел асфальт и сахар, в трамваях плавилось стекло. Мирные жители, сгорая заживо, превращались в пепел либо задыхались от ядовитых газов в подвалах своих домов. Многие люди потеряли память и рассудок.

В общей сложности на город было совершено 4 ночных и 3 дневных массированных налета (3095 самолето-вылетов), сброшено 8621 т бомб, из них – 4309 зажигательных.

Англо-американские войска потеряли 87 бомбардировщиков.

По данным полиции Германии, в Гамбурге было разрушено и приведено в негодность 40385 жилых домов, 275 тыс. квартир (61% жилой площади города), 580 промышленных и военных предприятий, 2632 магазина, 76 общественных учреждений, 24 больницы, 277 школ, 58 церквей, 83 банка, 12 мостов и знаменитый зоологический сад Гагенбека.

В городе было убито 41800 и ранено 37439 чел., несколько тысяч человек пропало без вести, свыше 200 тыс. было ранено, обожжено и покалечено.

До налета Гамбург выпускал в месяц 89 подлодок; после налета – 2–3. Производство жидкого топлива сократилось на 20%¹⁰.

К концу 1943 г. Бомбардировочное командование каждую ночь для боевых вылетов уже могло выделять свыше 740 самолетов. Дополнительно на территорию Англии была передислоцирована бомбардировочная авиагруппа канадских ВВС. Интересно, что массированными налетами союзников Германия не была поставлена на колени. Немцы даже увеличили уровень военного производства.

Например, производство танков в 1943 г. в среднем составляло 330 в месяц, в 1944 г. – до 512. Штаб ВВС Великобритании признал, что налеты надо было совершать не на жилые кварталы, а на промышленные объекты.

Самый мощный налет на Берлин был проведен в ночь на 16 февраля 1944 г.

806 самолетов пятью эшелонами за 39 мин. сбросили 2642 т бомб на немецкую столицу.

Воздушная разведка установила, что 30% промышленных предприятий и 60% торговых предприятий Берлина прекратили работу в результате разрушений.

“Берлинское сражение” с воздуха продолжалось до марта 1944 г.

По этому поводу маршал Харрис заявил: “Я хочу испепелить этот кошмарный город из конца в конец”⁸.

По немецким данным, за 6 первых налетов на Берлин было уничтожено 46 и повреждено 259 предприятий; за 7 налетов в городе было уничтожено и серьезно повреждено 15635 жилых домов; за 12 налетов было убито 5166 и ранено 18431 берлинцев. Количество убитых и пострадавших в Берлине было сравнительно меньше, чем в других городах Германии. Это объясняется тем, что в немецкой столице заблаговременно были построены большие бомбоубежища.

Всего на Берлин было совершено 16 массированных налетов, во время которых было сброшено около 50 тыс. т бомб. В руины была превращена почти половина города. В те дни в Германии ходил анекдот: кого можно считать трусом? Ответ: жителя Берлина, который добровольцем ушел на Восточный фронт.

Подводя первые итоги воздушного наступления союзников на Германию, командующий Бомбардировочным командованием Великобритании маршал авиации Харрис констатировал: к концу октября 1943 г. на 38 главных городов Германии было сброшено 167230 т бомб, уничтожено около 8400 га застроенной площади (25% от общей площади городов, подвергшихся воздушным ударам).

За время массированных налетов 30% промышленных предприятий были уничтожены.

Погибло более 5 тыс. чел., 1,5 млн. оказались без крова⁹.

В апреле 1944 г. Англо-американский объединенный комитет по планированию операций нацелил действия американской и английской стратегической авиации на авиационную поддержку сил вторжения. Командующий стратегической авиацией США генерал Карл Спаатс приказал своим подчиненным сосредоточиться на уничтожении заводов синтетического горючего, а главный маршал Королевских ВВС Теддер нацелил свои бомбардировочные силы на дезорганизацию транспортной сети противника.

Англо-американская авиация привела к снижению немецкого производства синтетического топлива с 927000 т в марте до 715000 т в мае и до 472000 т в июне.

Снабжение люфтваффе авиационным спиртом упало с 180000 т в апреле до 50000 т в июне и до 10000 т в августе⁹.

Параллельно с уничтожением вышеуказанных объектов удары наносились и по городам Германии.

В одном из налетов американской авиации на Эссен в сентябре 1944 г. в городе была разбита школа, под руинами которой погибла половина детей в городе⁹.

Наиболее известной акцией стратегической авиации США и Великобритании стала печально известная операция “Удар грома”. По Дрездену наносилось два массированных удара ночью и один – днем.

В 18 час. 13 февраля с английских аэродромов взлетело 300 бомбардировщиков Великобритании. Полет их проходил в режиме радиомолчания. В 22 час. командир самолета наведения дал команду самолетам-осветителям на сброс светящихся авиабомб. Через 13 мин. началась бомбардировка, которая продолжалась 16 мин.

В 1 час 30 мин. 14 февраля по городу нанесли еще один удар 529 английских бомбардировщиков.

Всего на Дрезден англичане сбросили 2659 т фугасных и зажигательных бомб, из них только на центр города – 650 тыс. бомб.

Вечером 14 февраля удар по городу нанесли 316 американских бомбардировщиков¹⁰.

На следующий день по городу ударили еще 1100 самолетов союзников.

Высота столба раскаленного воздуха над Дрезденом достигала 6 км, а диаметр – 3 км. От температуры раскаленного воздуха воспламенялось и плавилось все.

Только через 2 дня после окончания бомбардировок температура пожарища снизилась настолько, чтобы начать тушить пожары.

Город был практически полностью разрушен, центр города – стерт с лица земли. Было

разрушено 27 тыс. жилых и 7 тыс. общественных зданий. В это время в городе находились десятки тысяч беженцев из Восточной Германии. Число погибших неизвестно до сих пор. После войны госдепартамент США сообщил о 250 тыс. погибших.

Анализ организации и ведения массированных бомбардировок наших союзников по немецко-фашистским объектам представляет тактический и оперативный интерес, поскольку основные идеи современных воздушно-наступательных операций взяты из воздушного наступления наших союзников на Германию. Прежде всего, количество бомбардировщиков, суммарный тоннаж бомб в одном ударе, точность бомбометания и необходимость сохранения своих сил и средств.

Перед вступлением Англии в войну в сентябре 1939 г. Бомбардировочное командование насчитывало 33 эскадрильи (480 самолетов), которые были выделены для боевых действий в тактическом эшелоне.

К началу 1945 г. боевой состав командования вырос до 95 эскадрилий⁷.

В сентябре 1939 г. суммарная бомбовая нагрузка всех английских самолетов за один вылет составляла 758 т бомб в район Рура и 456 т в район Берлина.

В январе 1945 г. этот тоннаж вырос до 10000 т.

В 1939 г. точность бомбометания у английских летчиков была очень низкой. Это привело к нанесению ударов по площадям.

Большие потери от истребителей противника заставили англичан летать ночью. В конце войны англичане были способны с высокой вероятностью поражать точечные цели (табл. 2).

Таблица 2

Тоннаж бомб, сброшенных на Германию англо-американской авиацией

Страна	По годам:						
	1939	1940	1941	1942	1943	1944	4 месяца 1945
8-я воздушная армия США	—	—	—	1588	44899	393701	190705
Бомбардировочное командование Великобритании	31,5	13241	31894	46290	159972	533926	182830

Стратегическая авиация союзников не смогла самостоятельно нанести поражение фашистской Германии. Однако операции и боевые действия союзников преследовали цель не только деморализовать население Германии, но завоевать господство в воздухе и подорвать немецкую военную экономику. Единственным средством для достижения этих целей стала массированная бомбардировка гражданского населения и промышленных центров, а не отдельных заводов.

Круглосуточное ведение бомбардировочных налетов на Германии лишало её передышки.

Воздушное наступление задержало создание и применение крылатых и баллистических ракет “Фау-1” и “Фау-2”.

Основные усилия в авиационной промышленности были сосредоточены не на производство бомбардировщиков, а истребителей. В 1939 г. их доля в общем количестве военных самолетов составила 31%, в 1944 г. – 78%.

Удары союзников по нефтеперерабатывающим заводам в конце войны привели почти к полной парализации всех видов транспорта Германии.

Немаловажным обстоятельством, наравне с уничтожением военно-экономического потенциала и террористическими ударами по населению Германии, было и то, что в системе ПВО Германии к концу 1943 г. было занято около 2 млн. чел., из них в зенитно-артиллерийских частях 900 тыс. мужчин, которые могли сражаться на Западном или Восточном фронте⁹.

Громадные силы и средства постоянно отвлекались на восстановительные работы.

Сопоставляя периоды Второй мировой войны на Западном ТВД с немецкими объектами бомбардировок, видно, что воздушное наступление англо-американских войск стало одной из составляющих победы антигитлеровской коалиции во Второй мировой войне (табл. 3).

Таблица 3

Объекты бомбардировок англо-американской авиации на Западном ТВД¹

	I период (1.9.1939 – 21.6.1941)	II период (22.6.1941 – 18.11.1942)	III период (19.11.1942 – 31.12.1943)	IV период (1.1.1944 – 9.5.1945)
Содержание периода	Начало войны и вторжение германских войск в страны Европы	Нападение Германии на СССР, расширение масштабов войны	Коренной перелом в ходе войны. Крушение наступательной стратегии фашистского блока	Создание второго фронта, освобождение стран Европы, безоговорочная капитуляция Германии
Цели стратегических бомбардировок	Тактическая и оперативная глубина развертывания германских войск	Дезорганизация системы коммуникаций и подрыв морального духа населения Германии; нефтеперерабатывающие, авиационные и шарикоподшипниковые заводы; верфи по строительству подводных лодок; металлургические, химические, станкостроительные и машиностроительные заводы	Завоевание господства в воздухе; верфи по строительству подводок и места их базирования; предприятия авиапромышленности, по производству шарикоподшипников, по переработке нефти и производству синтетического горючего, по производству синтетической резины; заводы военного транспорта.	Обеспечение подготовки вторжения союзников; истребительная авиация на аэродромах и противозушное средства; нефтедобывающие и нефтеперерабатывающие заводы, заводы по производству шарикоподшипников, танковые и автомобильные заводы, железнодорожные коммуникации.

Среди злодеяний фашизма чуть ли не самым кошмарным является террор на оккупированных территориях и функционирование более 1650 концлагерей и гетто и т.д. Но и анализ потерь от бомбардировок союзников показывает, что во всех возрастных группах потери среди женщин превышают потери среди мужчин приблизительно на 40%, количество погибших детей и потерь среди старших возрастов – соответственно 20% и 22% от всех потерь.

Общий объем сплошных разрушений германских городов от массированных бомбардировок составил 400 млн. куб. м.

Было полностью уничтожено 495 архитектурных памятников, 620 было повреждено так, что они уже не подлежали восстановлению.

Около 50 крупных городов получили разрушения 50–97% от общей площади построек.

Всего англо-американское командование для тотальной бомбардировки выбрало 80 городов-мишеней.

Английский генерал-майор Джон Фуллер писал: “В продолжение пятидесяти, ста, а, может быть, и больше лет разрушенные города Германии будут стоять как памятники варварства ее победителей”.

Американский генерал Ф.Андерсон концепцию тотальных налетов цинично объяснил следующим образом: “Воспоминания о разрушении Германии будут передаваться от отца к сыну, от сына к внуку. Это лучшая гарантия того, что Германия больше никогда не будет развязывать новых войн”.

Маршал А.Харрис вспоминал: “... Мы никогда не делали объектом налета какой-нибудь определенный завод. Разрушенное предприятие в городе мы всегда рассматривали как дополнительную удачу. Главной нашей целью всегда оставался центр города. Все старые немецкие города наиболее густо застроены к центру, а окраины их всегда более или

менее свободны от построек.

Поэтому центральная часть городов особенно чувствительна к зажигательным бомбам”⁸.

Серьезные потери понесла и англо-американская авиация. За время налетов союзников на Германию ВВС США и Великобритании потеряли 17 тыс. самолетов, 115 тыс. летчиков и членов экипажа. В Бомбардировочном командовании был самый большой процент потерь среди ВВС Великобритании.

Средний процент потерь (3,5% х 30 вылетов) уже составлял 105%.

Резюмируя вышесказанное, необходимо отметить: в годы Второй мировой войны появилась стратегическая авиация, объектом воздействия которой стал глубокий тыл противника, его экономический потенциал, система государственного управления, транспорт и население.

Примечания

¹ Воробьев И.Н., Круглов В.В., Суптеля А.И. Военная футурология. М.: ОВА ВС РФ, ВА РВСН им. Петра Великого. 2001.

² Слипченко В.И. Войны шестого поколения. Оружие и военное искусство. М.: ВЕЧЕ. 2002.

³ Попов И.М. Война будущего: взгляд из-за океана. Военные теории и концепции современных США. М.: Транзиткнига. АСТ. Астрель. 2004.

⁴ Требин М.П. Войны XXI века. М.: АСТ, Минск: ХАРВЕСТ. 2005.

⁵ Тухачевский М.Н. Избранные произведения. В 2 томах. М.: Воениздат. 1964. Т. 1. С. 252.

⁶ Андреев В. Политический феномен, бескровно изменивший мир // Обозреватель—Observer. 2005. № 1. С. 31–45.

⁷ Соболев Д.А. История самолетов. 1919–1945. М.: РОССПЭН. 1997.

⁸ Максимов М. Война без правил // Вокруг света. 2004. № 12. С. 172–184.

⁹ Авиация Великобритании во Второй мировой войне. Бомбардировщики. Ч. 3. Приложение к бюллетеню ЦАГИ “Авиационный сборник”. 1997. № 6. С. 36.

¹⁰ Орлов А. Тайная битва сверхдержав. М.: ВЕЧЕ. 2000.

¹¹ Военно-энциклопедический словарь. М.: Воениздат, 1986.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЛИЗИНГ

В.Часовой,

директор Института внешнеэкономических связей
МГИМО-Университета,
кандидат экономических наук

Современная российская экономика, испытывающая на себе все “прелести” переходного периода вынуждена применять как механизмы, известные из давней истории экономики многих высокоразвитых стран, так и методы, относящиеся к новейшей истории. Операции на фьючерсных и опционных рынках, секьюритизация активов компаний, осуществление лизинговых операций, а также использование многих других неперенных атрибутов современной рыночной экономики, оказывает адекватное влияние на все аспекты экономической жизни России и других постсоветских государств.

Среди этих аспектов одним из важнейших является экономическая безопасность.

Проблема экономической безопасности стран, проводящих радикальную трансформацию социально-экономической системы связана с проблемой внешних заимствований. В силу множества объективных и субъективных факторов, к которым, прежде всего, следует отнести отсутствие:

- соответствующей требованиям рыночной экономики законодательной базы;
- функциональных государственных и негосударственных институтов и структур рыночного типа;
- должного опыта и знаний у руководителей всех уровней,

практически ни одной стране в переходный постсоциалистический период не удалось трансформировать экономику исключительно с помощью собственных ресурсов.

Заинтересованные в окончательном разрушении административно-командной системы страны с развитой рыночной экономикой фактически вынуждены были взять на себя часть бремени по обеспечению перехода бывших политических, экономических и военных соперников в лоно рыночной экономики.

Однако, было бы наивно предполагать, что помощь, оказанная развитыми странами постсоветским и постсоциалистическим государствам в переходный период, будет бескорыстной.

Достаточно убедительным примером тому может служить ситуация, сложившаяся в России в первой половине 90-х годов. Амбициозные желания руководителей страны продемонстрировать быстрые успехи их правления, безоглядное следование рецептам специалистов Международного валютного фонда, полное отсутствие стратегии социально-экономического развития общества вместе с ориентацией на лидеров “дикого” российского капитализма едва не привели страну к полной потере экономической (а, возможно, и политической) независимости.

Много миллиардный долг на долгие годы лег тяжелым грузом на российскую экономику.

Мизерная эффективность произведенных в 90-е годы заимствований уже сейчас мало у кого вызывает сомнения. Среди отстаивающих правильность экономической политики, приведшей к колоссальному внешнему долгу, в основном те, кто принимал участие в ее разработке и осуществлении. Как правило, не забывая и о своем личном интересе.

Большая часть полученных по внешним займам миллиардов вернулась обратно в

западные банки, едва коснувшись российской земли.

Какая-то часть была израсходована на проведение неэффективных, а порой просто вредных для российской экономики преобразований. С “помощью” поступавших в Россию кредитов были почти полностью парализованы многие производства и целые отрасли. Сложно назвать хотя бы десяток-другой крупных российских предприятий, получивших возможность успешно продолжать свою деятельность и развиваться благодаря иностранным кредитам. И если бы не события августа 1998 г. сложно предположить – сумели бы подняться с колен российские товаропроизводители.

В 90-е годы руководителями страны как заклинание раз за разом повторялся тезис об отсутствии альтернативы внешним заимствованиям.

Опровергая известное всем экономистам положение об альтернативности экономической жизни, политические лидеры того времени полагали внешние заимствования единственной возможностью продолжения рыночных реформ в стране. Насколько искренни были они в своих заверениях, мы сможем более или менее достоверно узнать из их мемуаров.

И все-таки в тот непростой период была рациональная альтернатива кредиту, предоставлявшемуся России иностранными правительствами, Международным валютным фондом и банками.

Этой альтернативой мог стать международный лизинг.

Переход к рыночной экономике Россия начала, имея структуру общественного производства, не адекватную требованиям рынка и отягощенную изношенными основными фондами.

В некоторых отраслях промышленности предприятия имели полностью амортизированные станки, машины, оборудование. Надеяться в таких условиях на успешное и быстрое развитие рынка отечественных товаров не приходилось. Необходимы были новые станки и технологии. И получить их в короткие сроки можно было только на Западе.

Решение этой задачи вполне было по силам экспортному, транзитному и импортному лизингу. Как в годы Великой Отечественной войны поставки Советскому Союзу Соединенными Штатами Америки и Великобританией вооружений, транспортных средств и металлообрабатывающих станков по схеме лендлиза внесли определенный вклад в разгром фашистской Германии, так в годы перестройки российской экономики поставки станков, машин, оборудования западными производителями в Россию по схеме международного лизинга могли бы содействовать укреплению экономического потенциала новой России.

Экспортный лизинг предполагает возможность получения российскими производителями по договору лизинга на определенный срок за определенную договором плату производимых иностранными компаниями машин, станков, оборудования, транспортных средств, компьютеров и другой техники. Полную оплату поставки в случае импортного лизинга производит лизинговая компания, функционирующая в стране производителя, которая и становится собственником приобретенных объектов лизинга. Российская сторона становится лизингополучателем, обладающим на период действия договора лизинга правом исключительного пользования объектом лизинга.

Западные лизинговые компании, как правило, оплачивают производителю полностью стоимость объекта лизинга за счет собственных ресурсов, либо за счет кредитов, получаемых от банков.

При этом действует как схема финансового, так и операционного (производственного) лизинга.

В первом случае лизинговая компания, как правило, тесно связана с банком или иными финансовыми институтами (страховые компании, пенсионные фонды, инвестиционные компании и другими), безразлична к объекту лизинга и предпочитает заключение договора с лизингополучателем на весь срок амортизации.

Во втором случае лизинговая компания, как правило, является дочерней структурой

крупного производителя. Объект лизинга определяется возможностями производителя. Срок аренды чаще всего составляет от 40 до 90% от срока полной амортизации.

Получая современное оборудование по экспортному лизингу, российские товаропроизводители могли бы осуществлять свою деятельность по принципу: “плачэ зарабатывая”. Получая доход от реализации выпущенной на новом оборудовании продукции, лизингополучатель поэтапно вносит арендную плату лизингодателю.

Схема экспортного лизинга может действовать достаточно эффективно при проведении государством благосклонной к экспортному лизингу политики. Она может и должна заключаться в следующем:

- установление низких таможенных тарифов (или их полную отмену) на поставки машин, станков, оборудования, производственных комплексов, транспортных средств и иных объектов, повышающих эффективность отечественного производства;
- предоставление банкам или другим кредитно-финансовым институтам, кредитующим лизинговые компании, государственных гарантий в случаях поставки объектов лизинга в отрасли, развитию которых государство придает приоритетное значение;
- предоставление налоговых льгот российским компаниям-лизингополучателям;
- обеспечение надежной защиты прав собственника-иностранной лизинговой компании в соответствии с общепринятыми в цивилизованных странах нормами.

Схема транзитного лизинга отличается от схемы экспортного лизинга тем, что компания-лизингодатель находится в третьей стране. Транзитный лизинг позволяет повысить экономическую эффективность сделки, так как транзитная лизинговая компания, чаще всего, выбирает для своей регистрации страну с наиболее благоприятным для собственника режимом налогообложения.

Весьма существенным может оказаться и то обстоятельство, что лизинговая компания действует в стране, имеющей хорошие отношения с Россией. В то время как производитель объекта лизинга может действовать в стране, не проявляющей заинтересованности в развитии российской экономики.

При транзитном лизинге российские товаропроизводители, установив деловые контакты с небольшим количеством крупных лизинговых компаний в таких странах как Германия, Франция, Австрия, фактически могли бы получать по договорам лизинга самое современное оборудование крупнейших мировых производителей.

Лизинг в новой России уже имеет свою историю. Первые лизинговые компании начали свою деятельность еще в перестроечный период советской экономики.

Пионеры российского лизинга “Россия” (Нижегород), “Волга-Днепр” (Ульяновск), “РГ-Лизинг” (Москва), “Балтлиз” (С.-Петербург) и другие уже к середине 90-х годов имели достаточный опыт для осуществления крупномасштабных лизинговых операций с иностранными партнерами.

Именно эти компании могли успешно осуществлять сделки по схеме импортного лизинга, обеспечивая поставки отечественным товаропроизводителям новейшей техники с Запада на условиях аренды.

Следует учитывать, что многие лизинговые компании в России в первой половине 90-х годов создавались как совместные предприятия с участием иностранного капитала.

Соучредителями, как правило, выступали иностранные лизинговые компании или банки, что в значительной степени облегчало осуществление операций, в которых лизинговая компания и лизингополучатель действуют в одной стране, а объект лизинга производится компанией, действующей в другой стране.

Как в случае экспортного лизинга, транзитный и импортный лизинг могли развиваться только при проведении государством целенаправленной экономической политики

поддержки отечественного производителя, в целом, и лизинговой деятельности, в частности.

К сожалению приходится констатировать, что дальше деклараций руководство страны не пошло. Знаменитый Указ Президента Российской Федерации “О развитии финансового лизинга в инвестиционной деятельности”, с которого началась легализация деятельности лизинговых компаний в России, равно как и последовавшие за ним законодательные и нормативные акты лишь декларировали заинтересованность государства в развитии лизинга, на деле не оказывая ему сколь-либо ощутимой поддержки.

Вместе с тем, в стране за очень короткий промежуток времени сформировалось весьма могущественное лобби представителей крупнейших российских финансовых лизинговых компаний, которые добились фактического запрета на деятельность в России иностранных лизинговых компаний.

Отсутствие на российском рынке лизинговых услуг иностранных лизинговых компаний, имеющих возможность получать дешевые кредиты, имеет свои как положительные, так и отрицательные стороны.

К положительным можно отнести ослабление конкурентной борьбы среди лизинговых компаний, работающих в российской экономике. Особенно, если учесть удар, нанесенный им в августе 1998 г.

К отрицательным, в первую очередь, стоит отнести высокую стоимость услуг российских лизинговых компаний, получающих кредиты по высоким ставкам. Кроме того, российские лизинговые компании еще не готовы оказывать весь спектр услуг, предоставляемых зарубежными лизинговыми компаниями.

Подводя итог сказанному, можно сделать следующие выводы.

Международный лизинг мог стать в 90-е годы рациональной альтернативой кредитам от зарубежных стран, банков и фондов. Российские производители получили бы реальные машины, станки, оборудование, что позволило бы значительно быстрее и эффективнее осуществить структурные преобразования национальной экономики.

Применение основного принципа деятельности лизингополучателей – платить, зарабатывая – избавило бы страну, государственный бюджет от обременительного внешнего долга как важнейшего фактора снижения уровня национальной экономической безопасности.

Игнорирование возможностей международного лизинга в первой половине 90-х годов нанесло существенный урон делу становления национальной экономики России в целом.

Игнорирование ошибок недавних лет, отсутствие заинтересованной экономической политики в отношении лизинга, в целом, и международного лизинга, в частности, может сегодня и в будущем отрицательно сказаться на обеспечении необходимого уровня экономической безопасности.

Использование возможностей международного лизинга может приблизить тот день, когда Россия займет в мировом сообществе место, соответствующее ее огромному экономическому потенциалу. Хочется верить, что этот день не за горами.

ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФСБ

В.Головин,

кандидат педагогических наук, полковник

Как известно, в настоящее время ведется работа над проектами федеральных законов “О федеральной службе безопасности” и “О контрразведывательной деятельности”. К разработке проектов привлечены ученые и специалисты различных министерств и ведомств (Генеральная прокуратура, Верховный суд, МВД, Минобороны, Федеральная таможенная служба, ФСБ, Федеральная служба охраны, Федеральная служба исполнения наказаний, СВР России и др.).

Среди важнейших статей первого проекта особое место принадлежит ст. 5, именуемой “Принципы деятельности федеральной службы безопасности”. В проекте другого ФЗ содержится аналогичная ст. 4 “Принципы осуществления контрразведывательной деятельности”.

Современное правовое регулирование деятельности ФСБ

Изучение вариантов предполагаемых законов а также и ранее принятых законодательных актов, показывает, что устанавливаемые законодательно перечни принципов деятельности органов федеральной службы безопасности¹, а вместе с этим и принципов контрразведывательной деятельности как одного из направлений деятельности ФСБ России, не являются совершенными.

С одной стороны, они недостаточны, поскольку не отражают с необходимой полнотой спектр закономерных связей и отношений, соответствующих современным общественно-политическим условиям деятельности органов безопасности и имеющих место в сфере обеспечения безопасности Российской Федерации, ее граждан и общества в целом.

С другой – законодательно фиксируемые перечни принципов не являются удовлетворительными из-за их некоторой избыточности.

Например, избыточность может быть отнесена к принципу уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина, так как “соблюдение прав” обеспечивается реализацией принципа законности. Что касается “уважения” прав, то это – категория нравственная, она поглощается принципом гуманизма. Последний, вместе с принципом законности, охватывает и “уважение”, и “соблюдение” гражданских прав и свобод.

Целостный анализ законодательных правовых актов позволяет сделать вывод о том, что принцип деятельности органов безопасности, касающийся прав и свобод граждан, формулируется неоднозначно. Можно выделить, по крайней мере, пять его формулировок.

Среди них:

- уважение личности, ее прав и свобод;
- уважение прав, свобод и законных интересов личности;
- уважение прав и свобод человека и гражданина;
- уважение прав и свобод личности;
- уважение и соблюдение прав и свобод человека и гражданина.

Это указывает на отсутствие единства взглядов на понятия “уважение”, “соблюдение”, “человек”, “гражданин”, “личность”, что приводит к размыванию ориентиров при осуществлении деятельности органов безопасности вообще, и контрразведывательной деятельности – в частности. Между тем, из 10 принятых за последние годы законодательных актов в 7 из них сформулирован именно принцип гуманизма².

Заслуживает критических замечаний и принцип, регулирующий отношения в сфере управления деятельностью органов безопасности, а именно тот из них, который связан с идеей централизации руководства названными органами. Изучение законодательных источников, регулирующих деятельность органов безопасности и принятых за период с 1990 г. по настоящее время, позволяет установить, что централизация управления как ведущая идея, отражающая проявление объективно существующей закономерности, законодательно представлена, однако формулировка принципа централизации приводится в них в различных и несовпадающих вариантах:

- единство системы федеральных органов и централизация управления ими;
- единство системы органов федеральной службы безопасности и пограничных войск, а также централизация управления ими;
- централизация управления органами федеральной службы безопасности;
- централизация управления органами федеральной службы безопасности и пограничными войсками.

Также трудно признать удовлетворительными и собственно названия некоторых принципов.

Так, принцип конспирации сформулирован с излишними подробностями, включающими указания на способы его реализации в практике оперативной работы³ (“конспирация, сочетание гласных и негласных методов и средств деятельности”), что было бы более уместным в учебной и учебно-методической литературе.

Роль и значение принципов для деятельности ФСБ

Изложенные факты в целом свидетельствуют о недостаточной теоретической проработанности категории принципа как общенаучного понятия.

Действительно, принцип может выполнять функцию основополагающего первоначала, идеи, исходного пункта какой-либо концепции, теории, определенной совокупности знаний. При этом принцип становится главным, определяющим элементом, лежащим в фундаменте теории⁴.

Данное понимание принципа чаще относится к принципам естествознания (таковы, например, аксиомы геометрии Евклида, среди которых известный принцип непересекающихся параллельных прямых; принцип относительности Г.Галилея; принцип постоянства скорости света в теории относительности А.Эйнштейна и др.)⁵.

Исходя из этой точки зрения, можно согласиться с А.И.Ракитовым, утверждающим, что “исходные принципы сами не имеют обоснования, не доказываются и не выводятся в рамках данной теории”⁶.

Аналогичного мнения придерживаются и некоторые другие авторы, признающие за принципами роль логического начала системы научного знания, определяющего ее структуру и порядок развертывания⁷.

Приведенные высказывания хорошо корреспондируются с древним латинским выражением “*prīncipia probant, non probantur*” – принципы суть доказательства, они не доказываются.

Вместе с этим, принципы общественных наук также могут иметь своим происхождением какую-либо концепцию, доктрину, систему мировоззренческих взглядов и

убеждений.

Например, источник законности, гуманизма, демократизма легко просматривается в Конституции РФ (ст. 15) закрепившей названные общественные отношения и определившей пути развития страны в ближайшем обозримом будущем.

Развитие понятия принципа в теории и практике оперативной деятельности

Период зарождения и становления органов безопасности был связан с поиском и совершенствованием рациональных приемов и способов деятельности, выдвижением эмпирических рекомендаций и правил, проходивших затем свою проверку в практике контрразведывательной и разведывательной работы. Для данного этапа было характерным стремление подробно описать и строго регламентировать все стороны негласной работы, охватить как можно больше процедурно-технологических вопросов. Это находило свое отражение в объемных инструкциях, приказах, циркулярных письмах и пр., содержащих многочисленные параграфы, пункты и подпункты⁸.

Подобные правила добротной, профессиональной работы в дальнейшем приумножались. По мере накопления опыта оперативной работы практическим путем отыскивались и многие другие рациональные приемы и способы деятельности. Одновременно с этим в результате теоретического осмысления достижений практики выдвигались положения, которые носили более общий, мировоззренческо-методологический характер. Данные положения становились затем основой для формулирования принципов.

Например, принцип законности в деятельности органов безопасности легко усматривается в приказе Президиума ВЧК от 28 февраля 1920 г., где говорится о том, что сотрудники ВЧК “обязаны знать все декреты и ими в своей работе руководствоваться. Это необходимо для того, чтобы избежать ошибок и самим не превратиться в преступников против Советской власти, интересы коей мы призваны блюсти”⁹.

Постепенно термин “принцип” прочно занимает свое место в ряду важнейших понятий и категорий оперативной деятельности как науки.

Появляются работы, в которых формулируются принцип связи с трудящимися массами и опоры на массы, принципы организации работы органов госбезопасности, а несколько позднее и принцип бдительности.

Предпринимаются первые попытки дать определение принципам, уточнить их содержание и способы их реализации на практике, поставить вопрос об иерархии принципов.

Публикуются работы, в которых формулируются все новые и новые принципы, среди которых партийное руководство и социалистическая законность, бдительность и конспирация, интернационализм и демократический централизм, активность и наступательность, планирование и учет, и еще многие другие.

Таким образом, состав принципов постепенно расширился. Наряду с этим множились и взгляды на понятие принципа.

Одна из точек зрения была связана с многозначным и утилитарно-прагматическим пониманием принципов как правил, общих или исходных положений, основных начал, нравственных начал, руководящих идей.

Однако это уже давно считается преодоленным и не соответствующим современному уровню развития теории и методологии науки, поскольку не ориентирует исследователей на поиск и формулирование закономерностей.

Тем не менее, подобные взгляды сыграли свою позитивную роль в истории становления и развития основ оперативной деятельности, они были зафиксированы в профессиональных словарях и учебно-методической литературе, и определенное время доминировали.

В конечном итоге исследователи единодушно склонились к признанию наличия у принципов объективных оснований, в качестве которых выступают закономерности деятельности органов безопасности и закономерности деятельности государства в целом. Не принципы порождают объективную реальность, а объективная реальность порождает принципы¹⁰.

Принципы есть, прежде всего, субъективное отражение объективно действующих закономерностей тайной борьбы, которое затем выступает уже в форме руководящей идеи. В принципах аккумулируются не только знания о законах, но и опыт применения этих законов в конкретно сложившихся условиях.

Процесс формулирования принципов с исторической и гносеологической точек зрения является сложным и длительным. Его невозможно представить себе как простую индукцию, выводение из данных общественной практики¹¹. Он всегда связан с логико-диалектической работой научной мысли, с познанием объективных закономерностей, и детерминирован данный процесс длительной практической деятельностью.

“Принципы – не исходный пункт исследования, а его заключительный результат; эти принципы не применяются к природе и человеческой истории, а абстрагируются из них; не природа и человечество соотнобразуются с принципами, а, наоборот, принципы верны лишь постольку, поскольку они соответствуют природе и истории”¹².

Если принципы уже не соответствуют изменившейся реальности, то они попросту отвергаются. В тех же случаях, когда принципы были объективированы законодательно, подвергаются пересмотру сами законы и подзаконные акты.

Формулирование принципов. Общепринятой формой принципа является лапидарное суждение, дополняемое развернутым описанием путей и способов его реализации, правил, требований, практических рекомендаций и советов.

Часто принципы формулируются кратко, в виде одного слова (“законность”, “конспирация”), но это только лишь свернутые названия самих принципов. В других случаях принципы формулируются в виде словосочетания, состоящего из нескольких слов и содержащего определенную идею (“принцип уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина”).

Способ краткого описания принципов имеет свои достоинства и недостатки.

Известный русский военный теоретик профессор Академии Генерального штаба генерал-майор Н.П.Михневич писал, что принципы, “если формулировать их со всей строгостью логики, получают форму сложных предложений с многими условными придаточными предложениями, но которые для простоты опускаются, от чего самый принцип получает более изящную и легче запоминаемую, но в то же время менее точную форму”¹³.

Не каждое суждение, претендующее называться принципом, является таковым, ибо принцип должен: отражать потребности развития какой-либо сферы общественной жизни; базироваться на определенной закономерности; обладать признаками важности и значимости для осуществления деятельности¹⁴. Кроме того, принципы должны выполнять свою роль регулятивного средства, помогающего ориентироваться в массе практических ситуаций. Опора на принципы особенно необходима в нетипичных ситуациях, в которых ориентирование и принятие того или иного ответственного решения затруднено в силу отсутствия нормативной правовой регламентации.

Поэтому полезно помнить прозорливое замечание Петра I: “Не держись устава, яко слепой стенки, в уставах правила писаны, а случаев и времени нет”.

Отмеченный пробел восполняют закономерности и принципы деятельности органов безопасности. Данные категории, осмысленные с позиций современности, имеют не только теоретическое значение, но также и практическую ценность, так как определяют образ действий конкретного сотрудника органов ФСБ, служат объективной основой для правильной ориентировки в служебных ситуациях и, следовательно, для принятия рациональных решений. Знание закономерностей и принципов позволяет осуществлять

профессиональную деятельность более эффективно, опираясь на научные положения, научные подходы.

Однозначность в понимании и употреблении термина “принцип деятельности органов федеральной службы безопасности” еще не достигнута. Тем не менее, необходимо добиваться данной однозначности.

Это важно не только для самой науки, ее теоретической продуктивности, но также и для учебно-воспитательного процесса в целом, ибо научные понятия и термины, а особенно принципы, выступают не только средством ориентировки в массе практических ситуаций, но также и средством выработки профессионально направленных мировоззренческих взглядов и убеждений.

Значительное внимание исследованию принципов уделил В.И.Зажицкий.

С позиций уголовного и уголовно-процессуального законодательства он обстоятельно проанализировал их природу, а также и механизм реализации принципов оперативно-розыскной деятельности на практике. При этом были подчеркнуты их фундаментальность, соответствие закономерностям развития общества и государства, достижениям правовой мысли, а также мировоззренческим представлениям граждан, закрепленным в соответствующих правовых нормах.

В основном соглашаясь со сказанным, трудно, вместе с тем, поддержать мысль автора о необходимости наиболее полного раскрытия содержания принципов в тексте любого закона, ибо практика развивается значительно быстрее обеспечивающего ее законодательства, к тому же нормативные правовые акты в этом случае становятся чрезвычайно перегруженными в случае включения всего исчерпывающего перечня правил, требований, рекомендаций, запретов и пр., составляющих систему каждого из названных принципов.

В отличие от принципов деятельности органов безопасности, принципы уголовного права и уголовного процесса по своему статусу занимают уровень, не проистекающий из понятий и институтов, а предопределяющий более частные правила и положения. Они имеют законодательное закрепление и поэтому носят нормативно-правовой, властно-повелительный, императивный, а потому общеобязательный характер.

Данные принципы отражают закономерности социально-экономического и политического развития общества и государства, они образуют целостную систему, которая включает: общеправовые принципы (законность, обеспечение прав и свобод человека и гражданина); процессуальные принципы (публичность, презумпция невиновности, национальный язык судопроизводства, гласность судебного разбирательства, право на обжалование, состязательность и равноправие сторон, всесторонность, полнота и объективность и др.).

Обобщение сложившихся взглядов на понятие принципа деятельности органов ФСБ позволяет сформулировать некоторые выводы, касающиеся данной научной категории, а именно, принципы:

- проистекают из объективных закономерностей оперативной деятельности и, следовательно, объективны по содержанию, поскольку формулируются с целью эффективной реализации в оперативной практике выявленных повторяющихся, устойчивых и необходимых связей и отношений;
- заключают в себе основополагающие, руководящие ценностные идеи правового, нравственного, организационного, специального и другого характера, каждая из которых находит свою реализацию в определенной оперативной ситуации, при решении определенной оперативной задачи;
- являются теоретическим обобщением практического опыта оперативной работы, в силу чего обладают значительным мировоззренческо-методологическим потенциалом и, кроме того, важным прикладным значением;

- формулируются, принимаются и отвергаются сообразно потребностям оперативной практики и теоретической деятельности, тем самым учитывается их, принципов, общественно-исторический и относительный характер;
- соотносятся как однопорядковые, равнозначные, взаимосвязанные и непротиворечащие друг другу элементы общей теории оперативной деятельности, выступающей в виде системы логически взаимосвязанных специально-научных знаний, дающих целостное представление о ее объекте и предмете;
- выступают средством формирования профессионально-мировоззренческих взглядов и убеждений сотрудников органов безопасности.

Учитывая изложенное, будет обоснованным опираться на следующее понимание принципа деятельности органов безопасности: “Принцип деятельности органов федеральной службы безопасности – это системная совокупность основанных на закономерностях и подтвержденных практикой общих теоретических положений, предписаний, правил и рекомендаций по целесообразной организации и практическому осуществлению оперативной деятельности, отражающих наиболее общие идеи правового, нравственного, организационного, специального и другого характера”.

Принцип является когнитивным феноменом субъективного происхождения: именно субъект деятельности формулирует, принимает принцип и затем реализует его в деятельности. С течением времени опять же субъект деятельности может отказаться от необходимости следования данному принципу, поскольку лежащие в основе принципа объективные отношения с течением времени (относительно продолжительного) могут изменяться. Поэтому с гносеологической точки зрения принцип может быть как истинным, так и ложным, как соответствующим объективной реальности, так и не соответствующим. Первоисточником принципов является практика, в ходе которой вырабатываются рациональные правила и рекомендации деятельности.

Таким образом, принцип формулируется для того, чтобы обеспечить учет и реализацию в практической деятельности ФСБ объективных закономерностей.

Соотношение принципа и законности

Некоторые авторы отождествляют принцип с закономерностью, с чем трудно согласиться, поскольку природа данных категорий различна. Закономерность – категория объективная, в ее основе лежат причинные взаимоотношения, ускользающие, по Ф.Энгельсу, из-под сознательного контроля людей¹⁵. Причинные взаимоотношения с необходимостью проявляются в соответствующих условиях своими взаимозависимостью и постоянством. Закономерность есть инвариантная связь¹⁶. Хотя законы и принципы имеют объективную основу и тесно между собой связаны, их смешение и отождествление ошибочно, что иногда имеет место. Принцип суть логическое умозаключение, утверждение, основанное на научном законе (либо на практическом опыте), его предназначение заключается в управлении какими-либо процессами в сфере общественной деятельности.

Также ошибочным является и искусственное обособление, отделение закона от соответствующего ему принципа. Закон и принцип – это две взаимосвязанные, образующие диалектическое единство научные категории. Первая фиксирует устойчивые, повторяющиеся, необходимые отношения. Вторая указывает, как в организационно-методическом отношении следует действовать, какими путями и способами реализовать выявленный закон на практике.

Конспирация, например, – это одновременно и закон, и принцип деятельности ФСБ, в зависимости от того, в какой форме отражаются закономерные связи.

Не менее важным следует признать значение закономерностей и для развития научных основ специально-научной теории, могущей быть названной теорией оперативной деятельности органов ФСБ.

В общем случае побудительными причинами поиска закономерностей деятельности органов безопасности служат потребности ее дальнейшего совершенствования в постоянно изменяющихся условиях деятельности органов безопасности в целом. Предварительный анализ применительно к современному уровню развития специально-научной теории и оперативной практики позволяет проследить некоторые исторические особенности становления и развития закономерных связей и, таким образом, вплотную приблизиться к решению проблемы разработки целостной системы принципов.

Сущность проблемы изучения закономерностей деятельности ФСБ

Интерес к проблеме законов и закономерностей деятельности органов безопасности усилился в последние годы.

Усилению внимания к проблеме способствовали и реальные изменения политической и оперативной обстановки, перемена взглядов на нее как на многофакторную и полифункциональную систему внутренних и внешних угроз безопасности личности, общества и государства, а не просто как условий борьбы с иностранными спецслужбами и разведывательными органами.

Так, за последние годы в Академии ФСБ России подготовлен ряд публикаций, посвященных закономерностям и принципам деятельности органов безопасности.

В целом проблема исследования закономерностей без внимания не оставалась, хотя это внимание нельзя назвать слишком пристальным.

Прежде всего, необходимо отметить некоторую ограниченность общего подхода, свойственного всем ранним теоретическим исследованиям. Он заключался в осуществлении разработок в рамках доминировавшей в советский период концепции “разведывательной борьбы”, разворачивавшейся между двумя общественно-политическими системами – в общем случае, и между коалицией разведок противника и советской контрразведкой – в частном. В тот исторический период это было естественным и правомерным, ибо реально соответствовало политическим условиям межгосударственных взаимодействий. Но в современных конкретно-исторических условиях политическая ситуация в мире стала иной, и закономерности деятельности органов безопасности, отражая реальные объективные отношения ее предметной области, выходят уже далеко за пределы ограниченной диады “органы безопасности – противник”, которая по традиции все еще описывается устоявшимся на сегодняшний день понятийно-категориальным аппаратом.

Наряду с этим получаемые научные результаты, то есть закономерности, выводились порой из интуитивно-эмпирических или интуитивно-теоретических соображений и страдали в известном смысле субъективизмом.

Методологическими основаниями для достаточно строгого теоретического выявления, анализа и формулирования закономерностей должны служить их признаки, а именно объективность, существенность, необходимость отношений, проявляющиеся в их повторяемости. Однако признаки закономерностей зачастую не упоминались, а научная аргументация, способы доказательств (дедуктивные, индуктивные, логические и др.) порой подменялись их малооправданным постулированием.

Было несколько ослабленное внимание исследователей к изучению детерминированности закономерностей конкретными историческими условиями, в которых осуществляется деятельность органов безопасности. В то же время действия самих закономерностей не прослеживались с достаточной настойчивостью на историческом материале в том смысле, что для их проявления требуются совершенно определенные социальные и политические условия.

Следует отметить и такое не являющееся позитивным явление, как формулирование некоторых закономерностей с использованием приемов непосредственного их переноса из других сфер общественно-политической жизни.

Например, “военное” происхождение с очевидностью просматривается в таких закономерностях, как “определяющая роль соотношения сил на ход разведывательной борьбы”, “зависимость успеха в борьбе с подрывной деятельностью разведок от правильного выбора направления главного удара и основного звена”.

Закон “сохранения эффективности контрразведывательной деятельности благодаря постоянно текущему совершенствованию” фактически повторяет генеральную идею общественного прогресса и также является ее прямым переносом в сферу обеспечения безопасности.

Эта же идея лежит в основе закономерности “процесса постоянного обновления способов оперативной деятельности в зависимости от изменения задач, характера подрывной деятельности противника, средств и внешних условий деятельности”. Речь идет о совершенствовании негласной деятельности, а это свойственно любой общественно значимой деятельности (педагогической, военной, инженерно-технической и пр.).

Соотношение закона и закономерности

Важным является соотношение закона и закономерности общественного развития. Анализ общенаучной литературы указывает на отсутствие единства взглядов относительно данных категорий.

Так, закономерность трактуется: как совокупность законов; как результат действия законов; как широкий спектр объективных связей; как форма проявления закона; как более широкий закон; как наиболее существенный закон¹⁷.

Имеется и точка зрения, согласно которой закон отражает жесткие, строго фиксированные связи, а закономерность имеет вероятностный характер (И.В.Суханов)¹⁸. Еще одно понимание закономерности базируется на ее понимании как внутренней необходимой связи между явлениями или процессами, в то время как закон фиксирует внешние связи (Н.Андреев)¹⁹. Некоторые авторы считают закономерность признаком, указывающим на действие законов в определенной области исследования, и являющимся результатом этого действия (Ю.К.Бжилянский)²⁰. Отдельные исследователи отрицают тождественность закона и закономерности (С.К.Попов, Н.Андреев)²¹. Другие ученые, напротив, исходят из признания тождественности закона и закономерности, считая их однопорядковыми, поскольку они отражают один и тот же тип объективных закономерных связей и отношений какой-либо сферы общественной жизни (М.А.Василик, М.В.Романенко, В.П.Тарасов и др.)²².

Можно согласиться с последней точкой зрения, поскольку сторонники тех или иных взглядов выдвигают в качестве аргументов не самые существенные свойства двух понятий, а чисто внешние признаки их сходства или различия, являющиеся в большинстве случаев инвариантными в гносеологическом отношении. Поэтому в дальнейшем термины “закономерность” и “закон” целесообразно использовать как равнозначные, тождественные.

Закономерности общественного развития отражают взаимоотношения между людьми, складывающиеся в сфере общественных отношений. Они носят статистический характер, проявляются как тенденции, ибо обусловлены общественными интересами и потребностями, порой противоречивыми и противоположными.

На это обстоятельство указал Ф.Энгельс: “История делается таким образом, что конечный результат всегда получается от столкновения множества отдельных волей, причем каждая из этих волей становится тем, что она есть, опять-таки благодаря массе особых жизненных обстоятельств. Таким образом, имеется бесконечное количество перекрещивающихся сил, бесконечная группа параллелограммов сил, и из этого перекрещивания выходит одна равнодействующая – историческое событие. Этот результат можно опять-таки рассматривать как продукт одной силы, действующей как одно целое, бессознательно и безвольно. Ведь то, чего хочет один, встречает противодействие со

стороны всякого другого, и в конечном результате появляется нечто такое, чего никто не хотел”²³.

Закономерности общественных наук имеют широкую типологию. Среди них выделяются: по степени общности – всеобщие, общие и частные (специфические); по характеру отражаемых связей – динамические (однозначные, в основном в точных науках) и статистические (вероятностные, преимущественно в общественных научных дисциплинах); по уровню познания – эмпирические и теоретические; по способу формулирования – качественные и количественные; по характеру отражаемых отношений – каузальные и структурные; с точки зрения системных представлений – законы развития и законы функционирования²⁴.

Специфика закономерностей деятельности ФСБ

Закономерности деятельности органов безопасности отражают взаимоотношения между людьми, складывающиеся в сфере осуществления специальной деятельности на основе использования, в основном, специальных (негласных) средств и специальных (негласных) методов. Они носят статистический характер и, будучи обусловлены противоречивыми и противоположными общественными интересами и потребностями, проявляются в виде тенденции.

Это означает, что если какая-либо объективная связь существует, то проявляется она достаточно часто, в подавляющем большинстве случаев. Понимание “тенденциозного” характера рассматриваемых закономерностей приводит к признанию возможности развития объективных и субъективных факторов, необходимости появления того или иного феномена оперативного процесса или, по крайней мере, его появления с высокой степенью вероятности, при том, однако, условии, что оперативная обстановка примет свое соответствующее с точки зрения наступления ожидаемых событий состояние.

В целом деятельность органов безопасности закономерно обусловлена растущими потребностями и возможностями развития общества и государства, но сущность закономерности остается неизменной – она заключается в объективной и устойчивой связи данной деятельности с общественными целями, потребностями, отношениями и условиями их реализации. Отсюда следует, что в деятельности органов безопасности переплетаются и взаимодействуют закономерности различного происхождения – нормативного, гносеологического, логического, политического, социологического, психологического, педагогического, управленческого и другого характера, а для их утверждения в науке требуются соответствующие социально-политические и исторические предпосылки.

Специфика закономерностей деятельности органов безопасности определяется тем, что они отражают устойчивые зависимости не только между классическими элементами оперативной обстановки – деятельностью органов безопасности и деятельностью противника, но и в неременной связи с общественно-политическими условиями взаимодействия двух сторон.

Чтобы познать указанную специфику, целесообразно более пристально рассмотреть интересующие нас понятия.

Опираясь на результаты общенаучных исследований, а также на данные, полученные в итоге исследований специально-научного характера будет обоснованным предложить следующее определение: “Закономерность деятельности органов федеральной службы безопасности – это объективная, существенная, устойчивая, с необходимостью повторяющаяся связь (отношение), складывающаяся в процессе осуществления органами безопасности деятельности по выявлению, предупреждению и пресечению разведывательной, разведывательно-подрывной и иной деятельности специальных служб и организаций иностранных государств, имеющей целью нанесение ущерба безопасности Российской Федерации и препятствование ее нормальному функционированию и прогрессивному развитию”.

Вследствие внутренних и внешних причин и предпосылок, влияющих на изменения политической и оперативной обстановки, в которой действуют органы ФСБ, изменяются сложившиеся ранее устойчивые связи и отношения между контрразведывательными явлениями и процессами. Это приводит к возникновению новых связей и зависимостей причинно-следственного, структурного и функционального характера, что, в свою очередь, отражается на деятельности органов федеральной службы безопасности, в том числе и контрразведывательной деятельности как одного из ее направлений, тенденциях развития, закономерностях и принципах.

Примечания

¹ В дальнейшем, в соответствии с контекстом, может использоваться как равнозначный термин “органов безопасности”.

² Закон СССР “Об органах государственной безопасности в СССР” от 16 мая 1991 г.; Закон РФ “О федеральных органах государственной безопасности” от 8 июля 1992 г. № 3246/1-І; ФЗ “Об органах федеральной службы безопасности” от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ; Положение о Федеральной службе безопасности РФ (Указ Президента РФ от 23 июня 1995 г. № 633); Положение о Федеральной службе безопасности РФ (Указ Президента РФ от 6 июля 1998 г. № 806); ФЗ “О федеральной службе безопасности” (в ред. от 30 июня 2003 г. № 40-ФЗ); Положение о Федеральной службе безопасности РФ (Указ Президента РФ от 11 августа 2003 г. № 960 с изменениями от 11 июля 2004 г.).

³ Здесь и далее термин “оперативный” употребляется в значении “негласный”.

⁴ Андреев И.Д. Теория как форма организации научного знания. М.: Наука, 1979. С. 9–11; Друянов Л.А. Категория “закон” // Философские науки. 1965. № 4. С. 129–130; Зак С.Е. Принципы и основные законы материалистической диалектики. М.: Высшая школа, 1974. С. 21.

⁵ В.Г.Афанасьев называет данные принципы формальными. (Афанасьев В.Г. Общество: системность, познание, управление. М.: Политиздат, 1981. С. 77–78).

⁶ Ракитов А.И. Принципы научного мышления. М.: Политиздат, 1975. С. 30.

⁷ Князев В.Н., Князева Е.Н. Принцип: его природа и место в структуре знания // Философские аспекты выработки научного мировоззрения. Межвузовский сборник. Чебоксары: Изд. Чувашского университета, 1986. С. 65–66.

⁸ Инструкция по организации и ведению внутренней агентуры / Составлена при Московском Охранном Отделении // Тайны политического сыска / Сост. З.И.Перегудова. С.-Петербург: Изд. С.-Петербургского государственного университета, 1992.

⁹ Приказ Президиума ВЧК от 28 февраля 1920 г. // Ф.Э.Дзержинский. Избранные произведения. В 2-х томах. Изд. 3-е, доп. Т. 1. С. 202.

¹⁰ Пушкин В.Г. Критическая функция марксистско-ленинской философии // Философские науки. 1982. № 6. С. 47.

¹¹ Овчинников Н.Ф. Методологические принципы в истории научной мысли. М.: Эдиториал УРСС, 1977. С. 148.

¹² Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 34.

¹³ Михневич Н.П. Военная наука и степень точности ее выводов. Спб: Общество ревнителей военных знаний, 1889. С. 16.

¹⁴ Алаев Э.Б. Социально-экономическая география: Понятийно-терминологический словарь. М.: Мысль, 1983. С. 248–249; Подкорытов Г.А. О природе научного метода. Л.: Изд. ЛГУ, 1988. С. 102.

¹⁵ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 174.

¹⁶ Никитин Е.П. Объяснение – функция науки. М.: Наука, 1970. С. 20.

¹⁷ Виноградов В.Г., Гончарук С.И. Законы общества и научное предвидение. М.: Политиздат, 1972. С. 62; Гмурман В.Е. К вопросу о понятиях “закон”, “принцип”, “правило” в педагогике // Советская педагогика. 1971. № 4. С. 73–74; Гончарук С.И. Законы развития и функционирования общества: Гносеологический и методологический анализ. М.: Высшая школа, 1977; Друянов Л.А. Категория “закон” // Философские науки. 1965. № 4. С. 128–129; Пашков А.И. Экономические проблемы социализма. М.: Наука, 1970; Приписнов В.И. Механизм действия социальных законов и субъективный фактор. Душанбе: Ирфон, 1972; Сирин А.Д. Специфика законов общества и их роль в регулировании общественных процессов. Томск: Изд. Томского университета, 1979. С. 43; Тугаринов В.П. Законы объективного мира, их познание и использование. Л.: ЛГУ, 1955. С. 35; Уледов А.К. Социологические законы. М.: Мысль, 1975. С. 59.

¹⁸ Суханов И.В. Закон и закономерность // Проблема социальной закономерности: Межвузовский сборник. Горький: Изд. Горьковского государственного университета, 1978. С. 56.

¹⁹ Андреев Н. К вопросу о понимании закономерности в истории: Социологический этюд. Л.-М.: Книга, 1925. С. 4.

²⁰ Бжилянский Ю.К. К вопросу об экономической закономерности // Вопросы экономики. 1973. № 10. С. 63.

²¹ Попов С.К. Общественные законы. С. 10; Андреев Н. Указ. раб. С. 4.

²² Василик М.А. Механизм действия и использования политических закономерностей в развитом социалистическом обществе. Л.: Изд. ЛГУ, 1982; Теоретические основы процесса обучения в советской школе / Под ред. В.В.Краевского, И.Я.Лернера. М.: Педагогика, 1989. С. 40.

²³ Ф.Энгельс. Йозефу Блоху. 21 сентября 1890 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 37. С. 395–396.

²⁴ О классификации общественных законов см.: Алаев Э.Б. Указ. раб. С. 140–141; Андреев И.Д. Указ. раб. С. 15–16; Виноградов В.Г., Гончарук С.И. Указ. раб. С. 73–75; Карбонье Ж. Юридическая социология. М.: Прогресс, 1986. С. 292–293; Попов С.К. Указ. раб. С. 100–124; Сирин А.Д. Классификация общественных законов // Специфика общественных законов. Труды Иркутского политехнического института. Иркутск, 1974. С. 59–118.

АНАРХИЗМ ЛИБЕРАЛЬНЫХ РЕФОРМ В РОССИИ

А.Матюхин,
кандидат социологических наук

Название статьи, на первый взгляд, может показаться алогичным: либерализм и анархизм – две разные идеологии. Это действительно так, но если брать их чисто теоретический аспект. Либерализм и анархизм в России как целостные идеологические проекты общественных преобразований были рождены XIX в. И в то время, и сейчас либералы и анархисты остаются идейными оппонентами.

Основные параметры российского классического либерального проекта (М.Сперанский, Б.Чичерин, К.Кавелин, П.Милюков и др.) были таковы:

- концептуальная ориентация на западные идеи и образцы;
- приверженность эволюционным, прогрессистским схемам поступательного движения общества к своему “гражданскому” состоянию;
- позиционирование в качестве цели политического и социального развития формирование “свободной личности”, где гарантом этой свободы должно выступать особого рода – “правовое государство”.

Для этого необходима соответствующая политическая система, в которой имеет место четкое разделение властей, при обязательном верховенстве закона. Необходимым условием функционирования либеральной политической системы должно стать воплощение принципа парламентаризма – как возможности реализации интересов основных социальных групп населения в государственной политике, а пути и методы общественных преобразований должны быть исключительно реформистские.

Анархизм же в традиционной российской социально-политической и философской парадигме – это крайне левое течение (М.Бакунин, П.Кропоткин, Я.Новомирский, братья Гордины и др.). Основные параметры анархистского проекта в России таковы:

- биосоциальная природа человека и общества предполагает отмену всех принудительных институциональных ограничений естественных проявлений человеческой сущности – прежде всего отмену государства и формального права;
- человеческой личности необходимо предоставить абсолютную свободу, которая может самоограничиваться лишь “естественными” нормами морали.

Функционирование и развитие общества предполагается на основе самоорганизации, тотального самоуправления в пределах свободных ассоциаций, и федерализма (и даже глобального конфедерализма). Путь к этому лучшему будущему лежит исключительно через широкую социальную революцию и радикальную перестройку общественных структур и отношений.

Однако необходимо подчеркнуть, что не в теоретическом аспекте, а в практическом преломлении к социокультурной специфике России, либерализм и анархизм приобретают явную тенденцию к взаимодействию и взаимопроникновению. Так, если посмотреть на ситуацию в современной России не в контексте публично-политической риторики и программтики российских либералов (кальки со стандартного набора постулатов западного либерализма), а сквозь призму “живых” идеологических моделей, то перед нами предстает довольно любопытная картина: либеральная модель современных российских реформ

оказывается теснейшим образом переплетенной с анархистской моделью, создавая своеобразный симбиоз – “русский анархолиберализм”¹.

Но тенденции к “перерождению” российского либерализма в анархизм были подмечены еще в дореволюционной политической мысли.

Так, например, философ консервативного направления Л.А.Тихомиров указывал на то, что требование “либеральных свобод” в России изначально носили анархистскую окраску: “Наши русские идеи о свободе личности или о вольностях общественных с самого начала были чисто анархическими”².

Тихомиров замечал, что специфика всех либеральных теорий в России, вследствие своей анархичности, не имеет ничего общего со своими европейскими истоками: “Наши либеральные ходячие понятия о свободе, по своей преувеличенности, именно подходят к понятиям европейских анархистов, а не либералов”².

С этим был солидарен и Н.А.Бердяев. “Русский пафос свободы, – писал он, – был скорее связан с принципиальным анархизмом, чем с либерализмом”³. Говоря о крайностях абсолютизации либеральных свобод в России, Бердяев в другой своей работе замечал: “Либерализм, как самодовлеющее отвлеченное начало, отстаивающее свободу личности, легко переходит в анархизм”⁴.

Действительно, анархизм логически вытекает из этой тенденции абсолютизации личности, требует ее уже тотальной свободы. В этом случае, оторванный от исторических корней, от почвы, от традиций российский либерализм (в своем требовании “свобод”) становится набором абстрактных принципов. А, занимая по своей природе некоторую срединную позицию между идеологическими полюсами, либерализм, получая абстрактный характер, неизбежно приобретает временную переходность к более радикальному полюсу. К какому именно – это и есть лишь вопрос придания той или иной тенденции движения. Если данной тенденцией является требование “свобод”, то “беспочвенный” либерализм неодолимо стремиться к радикальному воплощению этого требования и “перетекает” в анархизм, доводящий это требование до своей крайности, до тотальности.

Любопытно, что сами идеологи русского анархизма это прекрасно осознавали. Либерализм ими сознательно рассматривался как возможность временной переходной фазы от традиционного, “деспотического” (самодержавного) государства в России к собственному идеалу – анархическому обществу.

Так, например, теоретик отечественного анархизма начала XX в. Лев Черный полагал, что либеральная демократия “стоит на полдороги к анархии”. Либеральная демократия как система политическая по отношению к анархизму как системы общественной, согласно выражению Л.Черного, “является недоноском”⁵.

Органичность “врастания” анархической модели в либеральную, при радикализации последней, была подмечена и другими политическими мыслителями России, относящимися к разным идейным лагерям: Б.Н.Чичериным, В.В.Розановым, С.Л.Франком, В.И.Лениным, Н.Н.Алексеевым.

В политической практике это, отчасти, проявилось уже в период Временного правительства – первого российского либерального эксперимента XX в., но наибольшее воплощение получило в наше время.

В период существования Временного правительства (где ключевые посты занимали кадеты – представители крупнейшей либеральной партии) имели место серьезные деструктивные, анархические процессы в российском обществе, справиться с которыми либеральное руководство оказалось не в состоянии. Все “идеальные схемы” рушились, планы реформ (конституционной, административно-территориальной, военной, местного самоуправления, парламентской – в виде Учредительного Собрания и др.) не удались. Часто реформы лишь декларировались, а при попытках реализации – “не шли”, или даже оборачивались дальнейшей дестабилизацией обстановки. Все это происходило на фоне разрушения территориального единства страны (о своем выходе из состава России заявляли лидеры Украины, Финляндии, Польши, Сибири, мусульманских регионов; центральная

власть стремительно теряла влияние, а “местный сепаратизм заметно рос даже в великорусских областях), обострения национальных противоречий и этнических войн (особенно на Кавказе), крестьянских волнений и бунтов (охвативших абсолютное большинство всех уездов страны), деморализации армии⁶.

Все важнейшие, насущные вопросы практической политики откладывались до появления Учредительного собрания.

За несколько месяцев 1917 г. Временное правительство пережило ряд тяжелых кризисов и обновлений состава. Третьего июля была расстреляна мирная демонстрация, организованная Петроградским советом. В ситуации общероссийского кризиса кадетское руководство поддержало планы военной диктатуры Л.Г.Корнилова, что явилось фактическим признанием краха всей их предыдущей “либеральной теории”.

В современной России к либералам необходимо отнести политическую элиту 90-х, представленную, прежде всего структурами исполнительной власти – ельцинскую команду “молодых реформаторов” (Е.Гайдар, А.Чубайс, Б.Немцов, С.Кириенко, А.Кох и др.), а с 2000-х годов – значительную часть социально-экономического блока нынешнего правительства (Г.Греф, А.Кудрин, М.Зурабов и др.).

Либеральный спектр последних 15 лет был представлен такими политическими партиями, как “Демократический Союз” (В.Новодворская), “Яблоко” (Г.Явлинский), “Демократический выбор России” (Е.Гайдар), “Общее Дело” (И.Хакамада) и др. Две последних, а так же ряд других мелких партий либеральной ориентации в 1999 г. образовали “Союз правых сил” (С.Кириенко, Б.Немцов, Н.Белых). К либералам относится и значительная часть влиятельного медиа-сообщества (Е.Киселев, Н.Сванидзе, А.Бенедиктов, В.Познер и др.).

Само слово “либерализм” – является весьма знаковым для современного российского общества. Именно под знаменем либерализма с 1991 г. проводились политические и экономические реформы (впрочем, их идеологическое обоснование началось уже с 1985–1987 гг.), а через СМИ в общественное сознание “дорогих россиян” активно внедрялись идеи о прогрессивности, современности, значимости, и даже безальтернативности либеральных ценностей и либерально-рыночного пути развития.

Но, анализируя практику либеральных преобразований в современной России, мы должны во многом согласиться с мнениями вышеназванных политических мыслителей. Под видом “либеральных реформ” последних 15 лет при внимательном анализе можно наблюдать актуализацию именно анархистского, а вовсе не либерального классического проекта общественных преобразований.

В частности, было проигнорировано пророческое предупреждение либерального государственника Б.Н.Чичерина: “Одной проповедью свободы, одним разрушением старого, в надежде, что из этого что-нибудь выйдет, водворяется только анархия”⁷.

Современная либеральная элита с подлинным блеском реализовала первую, деструктивную часть универсальной для анархистов бакунинской максимы – “Разрушай”, правда, не найдя в себе сил (а, скорее, желания) на осуществление второй ее части – “Созидай”.

Так, согласно логике анархистских преобразований, эффективное созидание нового общественного строя возможно лишь через разрушение всех традиционных и устоявшихся основ “старого” мира, которые оценивались как пережиток, помеха на пути прогресса к желанному идеалу. Поэтому преобразования должны принять вид кардинальной системной перестройки, характер так называемой “социальной ликвидации” и коренным образом изменить структуру социально-политических и экономических отношений в обществе. При этом анархистский проект был крайне радикальным, ориентированным на максимально скорое достижение своих политических целей. А это предполагало исключительно революционные методы преобразований, решительный слом и преодоление всех старых (“деспотических”), культурных, социальных, религиозных, идеологических и правовых традиций и устоев, разрушение всех прежних национально-государственных образований,

радикальный отказ от “устаревшего” политического и духовного наследства.

Пришедшая к власти в стране в 1991 г. “команда реформаторов” начала свою деятельность с разрушения исторического, веками формировавшегося государства в северной Евразии (на тот момент – в форме Советского Союза). Это разрушение шло под лозунгом “борьбы с проклятым тоталитарным прошлым” и не менее “проклятым имперским сознанием”. При этом либеральной элите рисовались соблазнительные перспективы скорого построения “светлого будущего” в России, но уже в образе “цивилизованного общества западного типа”. Более того, российские либералы кавалерийским наскоком решили реализовать невиданную в истории задачу – быстрый одновременный переход и к рыночной экономике, и к политической демократии⁸.

О какой-то продуманной, научно-обоснованной стратегии речи не шло. Главной категорией, почти заклинанием в деятельности “команды Ельцина” стало слово “реформы”.

Но в действительности, вовсе не реформами занимались современные российские либералы.

Под словом “реформы” уже изначально имелась в виду революция – кардинальные меры тотального преобразования российского общества, причем с претензией на своеобразное “сакральное”, недоступное массам знание того, что необходимо народу⁹. Радикальность шагов была во всем: если демократизация – то до танкового расстрела российского парламента в центре столицы, если экономическая либерализация – то вплоть до обнищания большинства населения, если приватизация – то до вырастания мощнейших мафиозно-олигархических структур.

В полном согласии с анархистским учением современные российские либералы занялись разоблачением патриотизма как “фетиша”, как “солидарности индивидов в стаде” (Бакунин¹⁰), буквально в соответствии с заветами “уничтожать предрассудки старших, гнать вон из школы науку, культуру отцов, создавать культуру сынов”, творить “новые строи” (братья Гордины¹¹). Все 90-е годы российский патриотизм (и советский, в частности) подводился под такие категории, как “красно-коричневая чума”, “последнее прибежище негодяев” и т.д. – при одновременном позиционировании западных культурно-политических ценностей как “безусловных” и “общечеловеческих”.

Начиная с 2000-х годов в информационном поле российскими либералами все чаще используется (вероятно, как “выигрышная”) тема “наступления русского фашизма” (А.Чубайс, М.Швыд- кой, Н.Сванидзе, В.Познер и др.).

Последствия такого идеологического воздействия на духовное состояние российского общества являются крайне деструктивными. Все это привело (особенно среди молодежи) к росту нигилистического отношения к собственной стране, к российской культуре, к разрыву связи поколений. Во многом ответной реакцией на радикальный антипатриотизм либералов – как зеркальное отражение – стало появление и развитие национал-патриотического радикализма в современной России (Национал-большевистская партия, Русское Национальное Единство, Авангард Красной Молодежи и др.).

Антиэтатистские установки анархистов, отрицание государственного элемента социальности в практике либеральной элиты напрямую отразились в уходе государства из жизненно важных сфер современного российского общества: социального обеспечения, экономического регулирования, науки, образования, культуры. При этом были отброшены (вероятно, как “тоталитарные”) и все важнейшие социальные, то есть глубинно-демократические, завоевания советского периода, оказавшие, в частности, решающее влияние на становление в XX в. современного социального государства в западных странах (столь почитаемых российскими либералами.). Парадокс заключается в том, что этот “уход” государства в современной России, отказ от социальных функций, равнозначный отказу от социальной ответственности перед собственным народом, шел под демократическими знаменами, демократическими лозунгами, которые активно (и надо признать – весьма эффективно с точки зрения манипулятивных технологий) использовала либеральная элита.

Как отмечает С.С.Дзарасов, “российское представление о демократии носит ярко

выраженный анархический отпечаток. Свобода мыслиться скорее как отказ от регулирующих функций государства, а не их демократизация”¹².

Манипулятивное воздействие на российское общество упростилось тем обстоятельством, что массовое сознание уже с конца 80-х годов было явно дезорганизовано и дезориентировано перестроечными веяниями и разоблачениями советской системы, и находилось, говоря словами Б.Н.Чичерина, в состоянии “чисто анархического брожения умов”.

Характеризуя умонастроения времен “перестройки”, С.Г.Кара-Мурза замечает: “Поведение огромных масс населения нашей страны стало на время обусловлено не разумным расчетом, не “объективными интересами”, а именно всплеском коллективного бессознательного”¹³.

Своеобразное преломление в идеологии современных либералов приобрела крайняя биологизация концептуальных подходов анархистов к общественной жизни. По-особому, но весьма плодотворно было использовано анархистское “учение об инстинктах”.

Так, согласно логике анархистов, биосоциальная природа человека и общества ставит перед каждым индивидом задачу, прежде всего, физического выживания в жестокой конкурентной среде. При этом анархисты находили выход в создании солидарных общественных структур по аналогии с миром насекомых и животных. Они полагали, что возможность выживания и плодотворного развития, как человеческой личности, так и общественного организма в целом пропорционально возрастает со степенью социальной кооперации. А это, в свою очередь, наиболее успешно реализуется в случае актуализации глубинного инстинкта взаимопомощи, который “упрятан”, заретуширован культурным и политическим покровом современного, несправедливого мира.

Сместив акценты от солидаризма к индивидуализму, но, сохранив анархическую “биологическую базу” проводимых реформ, российские либералы способствовали становлению жестокой социал-дарвинистской модели общественной жизни в современной России.

“Уже во время перестройки в СССР, – пишет С.Г.Кара-Мурза, – стала настойчиво внедряться “биологизированная” модель человека. Видимо, по мнению новых идеологов, она не только позволяла обосновать социальную катастрофу, но и предлагать чудовищные по своему смыслу проекты социальной инженерии”¹⁴.

Действительно, весь период российских реформ в общественное сознание внедрялись идеи о “прогрессивности”, “цивилизованности” межчеловеческой конкуренции, о праве сильных (конкурентоспособных особей) быть победителями и хозяевами жизни. И, наоборот, не адаптированность к либерально-рыночным реалиям (“цивилизованной жизни”) является главным признаками слабых (неконкурентоспособных особей), по законам социальной биологии фактически теряющих право на существование. Последствия подобного подхода стали по истине катастрофическими в современной России, где большая часть (2/3) “не приспособившегося” населения оказалась на грани физического выживания, где резко снизилась рождаемость и продолжительность жизни, а смертность возросла, что позволяет многим аналитикам сегодня говорить о сознательном геноциде российского народа.

Здесь необходимо подчеркнуть, что целенаправленное “биологизаторство” человеческой природы изначально противостоит культурно-ценностным установкам социальной жизни. В первом случае имеет место актуализация сферы животных инстинктов человеческого подсознания, а во втором – осознанная и “окультуренная” система “табу”.

В современной либеральной России мы видим именно акцентуацию биологической составляющей человеческой личности, пропаганду через СМИ анархистской свободы проявлений биологической, животной природы (М.Бакунин: “Свобода человека состоит единственно в том, чтобы повиноваться законам природы”¹⁵); популяризацию и “оцивилизовывание” самых низменных инстинктов.

Эта популяризация, ориентированная, прежде всего, на подрастающее поколение –

“граждан новой России” (понятие “новая” подчеркивается при этом особенно) пропагандистски подается в русле необходимой либеральной модернизации “отсталого”, обремененного “архаическими” моральными комплексами российского общества, которое необходимо “раскрепостить”, освободить от “тоталитаризма” традиционных нравственных норм, от “шелухи” моральных запретов (“Главное – это борьба за освобождение личности, за разрушение общества и его лицемерной морали”¹⁶).

Но в этом случае мы имеем дело с движением общества в обратном направлении от Культуры. Действительно, можно ли говорить о “прогессе”, “цивилизованности” и “модернизации” по отношению к явлениям, прямо противоположным тенденциям культурного развития, и скорее адекватных понятию “культурная деградация”?

Плоды либерал-анархистских ударов по системе традиционных нравственных норм хорошо видны в современной России – они проявляются в моральном разложении молодежной среды (и не только молодежной), в культивировании сексуальной свободы и популяризации нетрадиционных гомосексуальных отношений, росте венерических заболеваний и аборт, распространении наркомании, проституции, порнографии, возрастании жестокости, насилия и преступности.

Отметим также, что весьма плодотворно современные российские либералы реализовали идеи анархистов о социальной базе общественных преобразований. Анархисты считали, что самой надежной опорой революции являются наиболее криминальные и маргинализированные элементы общества – воры, разбойники, “лихие ребята” (М.Бакунин), “подлая чернь” (С.Романов) и т.д.

В соответствии с пожеланиями анархистов начала XX в., российские либералы конца XX в. для проведения реформ взяли в свои надежные союзники “всяких подонков и отщепенцев общества, ибо все они наши братья и товарищи”¹³, так как “в деле разрушения, само собой разумеется, перчаток надевать не приходится”¹⁷.

Можно констатировать, что криминалитет или около криминальный бизнес стал надежной базой либеральных реформ в современной России, результатами чего явились: преступная приватизация государственных предприятий, важнейших структурно-экономических коммуникаций и российских недр; кооптация в органы власти (особенно регионального уровня) представителей уголовного мира; невиданная до сих пор в российской истории “либеральная” свобода возможностей для криминалитета “решать проблемы” – либо подкупом чиновников и судов, либо силовым воздействием. В стране образовалось монолитная “коррупционная спаянность” уголовников, бюрократии и крупного бизнеса, а в середине 90-х годов возник и особый пласт “элиты” – криминально-олигархическое сообщество (“семья”), которое теснейшим образом переплелось с государственной властью.

Благодаря информационному воздействию либеральных СМИ и “свободных художников” – творцов современной российской “культуры” – происходила романтизация преступного мира, а образцами для подражания молодежи стали уголовные авторитеты и вороватая “бизнес-элита” – “новые русские”. Получила всеобщее распространение криминальная лексика – “братки”, “разборка”, “стрелка”, “наезд”, “чисто конкретно” и т.д.

Не случайно результаты подобных реформ – либерально эксперимента 90-х годов в России – многими политологами классифицируются в таких терминах, как “криминальная революция”, “мафиозно-олигархическое государство”, “уголовная элита”, “беспредел” и т.п.

“Возникло уголовно-мафиозное государство, – пишет А.А.Зиновьев, – совершенно не способное ни на какие созидательные свершения, но способное на беспрецедентное разрушение и разграбление того, что было создано ценой труда и жертв сотен миллионов людей в ряде поколений... В стране фактически исчезла всякая законность, расцвела преступность... Рухнула вся прежняя система духовных и моральных ценностей... Сложилось состояние, которое раньше называли смутой, а теперь стали называть беспределом”¹⁸.

В соответствии с анархистскими федералистскими проектами “разрушения исторических границ и исторического права”, шло “выстраивание федеративных отношений” сначала в “перестроечном” СССР (горбачевская “ССГ”), а затем и на территории России. Знаменитые слова Б.Н.Ельцина: “Берите столько суверенитета, сколько сможете переварить” – это абсолютно анархистский лозунг. Общественный прогресс в анархизме напрямую связывался с целенаправленным разрушением централизованного механизма государственного управления и с процессами “перетекания полномочий” к федерации “вольных территорий”. В переходный период предполагалось функционирование координационного Совета Федерации, значение которого должно было постепенно уменьшаться за счет реализации территориями свободных горизонтальных связей с внешним миром. Историческому праву противопоставлялось естественное, неотчуждаемое право народов на свою независимость и “свободу выбора”.

Но в “либеральной” России 90-х годов как раз и наблюдались подобные анархические “федеративные” процессы децентрализации и суверенизации российских территориально-административных образований (в особенности, национальных республик в составе РФ). Seriously проявились сепаратистские тенденции, а региональные элиты позиционировались примат местного законодательства над общероссийским. При отсутствии государственного экономического регулирования и планирования шел распад единых хозяйственных связей. На фоне общего обострения межнациональных противоречий появилась и “мятежная территория” – Чечня.

М.Бакунин: “Из того, что какая либо страна была объединена с какой-либо другой страной в течение нескольких столетий хотя бы и добровольно, не следует, что она должна и впредь терпеть это объединение, если она того не желает”¹⁹.

Все это поставило “на повестку дня” вопрос о сохранении России как единого и суверенного государства. Уже в 2000-х годах шаги по “укреплению вертикали власти” приостановили этот разрушительный процесс, но проблема возможного “распада России” остается все же актуальной.

Анархистский универсализм – отрицание национально-государственных ценностей и приверженность интернациональным, всеобщим ценностям так же нашли преломление в идеологии и деятельности современной либеральной элиты. Анархисты рассматривали свой идеал как глобальный и “общечеловеческий”, для них был характерен общепланетарный масштаб социального конструирования. В пункте своих “конечных целей”, анархистское учение – это своеобразная эсхатология объединительной универсализации для всего человечества в рамках собственного идеологического проекта.

К моменту разрушения Советского Союза планетарный универсализм анархистов “воспроизвелся” в виде новой глобальной утопии – либерального “конца истории” (Ф.Фукояма). Приверженность этой утопии российской политической элиты проявилась в стремлениях к унификации всей общественной жизни страны по “мировым стандартам”: политико-правовым, экономическим и культурным. Эти “стандарты” достаточно поверхностно воспроизводили западные либерально-рыночные реалии и скорее напоминали банальное эпигонство и подражательность.

Признание “абсолюта”, универсальности, неоспоримости, общечеловечности либеральных ценностей российской политической и экономической элитой совпало с удивительным равнодушием к судьбе собственного “нецивилизованного” народа, со страстным желанием ощущать себя не “гражданами этой страны”, а “гражданами мира”, причем с претензией на интеграцию в “правлящий класс” Нового Мирового Порядка, в структуру глобальной олигархии.

На фоне откровенного гедонизма и роскоши отечественной элиты Россия все дальше перемещается на периферию мирового развития, выполняя лишь бесперспективную для своего будущего роль поставщика природных ресурсов.

Нашел отражение в идеологии современного российского либерализма и своеобразный экономикоцентризм анархистов.

Из всех идеологических направлений, анархизм был наиболее “экономически детерминированным”. “Отмена” государственно-политических факторов для полноценного становления нового общества предполагала абсолютизацию факторов экономических. Они выступали первичными, базовыми элементами анархических преобразований – на основе коренного изменения структуры собственности и производства, без всякого вмешательства “сверху”, предполагалось самостоятельное функционирование саморегулирующихся социально-экономических единиц как основы анархического общежития.

В отличие от классического русского либерализма XIX – начала XX вв., для которого не был характерен “экономикоцентризм”, современные российские либералы скорее являются продолжателями анархистской традиции.

В либеральных реформах современной России был предельно заострен именно экономический – рыночный фактор.

На основе революционного изменения собственности в стране (приватизации) и с помощью сугубо экономических, рыночных механизмов предполагалось быстрое “подтягивание” других, “отсталых” сфер российской общественной и культурной жизни до необходимых западных образцов. Парадокс заключается в том, что подобный “экономикоцентризм” либеральных реформ напрямую обусловил кризисные и разрушительные процессы в самой экономической сфере российского общества, привел к серьезному экономическому отставанию страны в современном мире. Вместо декларируемой либеральной элитой приверженностью “постиндустриальным ценностям”, в реальности восторжествовали противоположные – доиндустриальные тенденции: произошло разрушение высокотехнологических производств, наукоемких отраслей народного хозяйства (сконцентрированных, в основном в ВПК), началось свертывание космических и ядерных программ, прекратилось финансирование фундаментальных научных исследований и т.д.

И в экономике, и в политике, и в культуре практика современной либеральной элиты явилась ярким примером радикального, анархистского подхода к общественным преобразованиям. После шока либеральных реформ в начале XXI в. российское государство оказалось в ситуации “стабильной неопределенности” и устойчивого отставания от своих мировых конкурентов (стран Запада, Юго-восточной Азии и т.д.), а российское общество – в состоянии напряженных ожиданий будущего.

Как и сто лет назад, современная Россия стоит перед сакраментальным вопросом: в каком направлении развиваться, как осуществить успешную модернизацию?

Однако, в отличие от ситуации столетней давности, сегодня предельно заострен вопрос об историческом выживании страны. А это требует от всего российского общества, и в первую очередь – от российской власти предельной концентрации и мобилизации, напряжения всего комплекса ресурсов – организационных, экономических, интеллектуальных – для выработки и осуществления стратегического модернизационного прорыва.

В этой связи, несколько настораживают заявления представителей современной политической элиты о том, что “Россия окончательно сделала свой выбор”.

Что под этим подразумевается?

Каков этот выбор?

Может быть под этим “выбором” имеется в виду продолжение посткоммунистического радикал-либерального (то есть анархистского) курса реформ, оказавшегося столь разрушительным для страны?

А если нет, то каковы основные параметры этого “выбора”?

Ответ на этот вопрос, как правило, носит весьма общий характер, скорее похожий на пожелание или политико-риторическую отговорку: “Россия должна стать демократическим государством с развитой рыночной экономикой”.

Но эти общие понятия ничего не объясняют. Те или иные элементы демократии и рынка мы можем наблюдать и в Англии, и в Нигерии, и в Сингапуре и т.д.

Но каков системный, концептуально очерченный, научно обоснованный и идеологически подкрепленный путь именно России в будущее?

Есть ли у нашей элиты, у страны в целом четкий и ясный проект модернизации – который в условиях современной жестокой международной конкуренции и означает, как минимум, национальное выживание?

Показательно, в связи с этим, что наши прямые и традиционные конкуренты – страны Запада (а со времен Н.Я.Данилевского ничего принципиально не изменилось) устами представителей своих элит, или политически ангажированных западных общественных организаций почти непрерывно, на протяжении всего периода наших “либеральных реформ” выражали и выражают “озабоченность” положением дел в России.

Чем же “озабочены” наши западные партнеры?

Может быть, эта “озабоченность” касается действительно серьезных, кричащих проблем современного российского общества: возросшей смертности населения, падения уровня жизни, распространения наркомании, упада нравственных ценностей и т.д.? Отнюдь.

Постоянная “озабоченность” высказывается по поводу развития именно “демократии” и “рынка” в России (и это не смотря на непрерывные заверения многих представителей российских властных структур в их “строительстве”). Заметим, что акцент западной критики переносится с уровня реальности, на уровень, по сути, абстракций. А политическая реализация идейных абстракций в России всегда оборачивалась анархистскими тенденциями, чему ярким примером и служит либеральная практика радикальных реформ в нашей истории и современности.

Примечания

¹ “Российский анархолиберализм” – понятие введенное С.С. Дзарасовым. (Дзарасов С.С. Российский путь: Либерализм или социал-демократизм. М., 1994. С. 111).

² Тихомиров Л.А. Начала и концы. Либералы и террористы. М., 1890. С. 61, 29.

³ Бердяев Н.А. Русская идея // О России и русской философской культуре. М., 1990. С. 171.

⁴ Бердяев Н.А. Философия неравенства. М., 1990. С. 156.

⁵ Черный Л. Новое направление в анархизме: ассоционный анархизм. М., 1907. С. 278.

⁶ Так, в качестве серьезного фактора деморализации российских вооруженных сил (и одновременно “неадекватности” либеральной власти) можно привести пример одобренной Временным правительством “Декларации прав солдата”, которая провозглашала либеральные свободы в армии! А.И. Деникин, например, считал, что именно эта декларация “окончательно подорвала все устои армии” (Деникин А.И. Очерки русской смуты // Вопросы истории. 1990. № 8. С. 78.). Современный российский историк В.В. Кожин приводит такое заявление Деникина в июле 1917 г.: “Когда повторяют на каждом шагу, что причиной развала армии послужили большевики, я протестую. Это неверно. Армию развалили другие... Развалило армию военное законодательство последних месяцев”. (Кожин В.В. Судьба России: вчера, сегодня, завтра. М., 1997. С. 6).

⁷ Чичерин Б.Н. Что такое охранительные начала // Несколько современных вопросов. М., 1862. С. 249.

⁸ В Западной Европе формирование рыночной сферы было первичным, оно шло веками, и лишь в последствии европейские страны приступили к формированию институтов политической демократии.

⁹ Достаточно вспомнить “наукоемкие” рассуждения Е. Гайдара начала 90-х годов. Впрочем, традиция подобной либеральной публичной “сакрализации” (но при отсутствии

рациональной стратегии) сохраняется и до сих пор: Г.Греф, А.Чубайс, М.Зурабов и др..

¹⁰ Материалы для биографии М.А. Бакунина. В 3-х томах. Т. 3. М.-Л., 1928. С. 114;
Бакунин. М.А. Избранные сочинения. В 5-ти томах. Т. 4. Пг, М., 1920. С. 94.

¹¹ Гордины, бр. Манифест Анархистов (панархистов). М., 1918. С. 56.; Они же.
Социомагия и социотехника, или общезнахарство и общестроительство. Б.м., 1918. С. 3.

¹² Дзарасов С.С. Российский путь: Либерализм или социал-демократизм. М., 1994. С. 114.

¹³ Кара-Мурза С.Г. Экспорт революции. Ющенко, Саакашвили... М., 2005. С. 34.

¹⁴ Кара-Мурза С.Г. Истмат и проблема Восток – Запад. М., 2001. С. 102.

¹⁵ Бакунин. М.А. Избранные сочинения. В 5-ти томах. Т. 2. Пг., М., 1920. С. 149.

¹⁶ Новомирский Я. Что такое анархизм? Нью-Йорк, 1919. С. 122.

¹⁷ Зиновьев А.А. Посткоммунистическая Россия. М., 1996. С. 258.

¹⁸ Листок группы “Безначалие”. 1905. № 1; Хлеб и воля. 1905. № 4.

¹⁹ Бакунин М.А. Программа общества международной революции // Михаилу Бакунину. 1876–1926. Неизданные материалы и статьи. М., 1926. С. 74.

КО ДНЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

ЭХО ВОЙНЫ

В.Иванов,полковник в отставке,
участник Великой Отечественной войны

Воспоминания о войне, об отдельных ее мгновеньях, пережитых особенно остро, не оставляют ветеранов до конца жизни. В бессонные ночи у меня они вылились в стихи, которые вдруг сложились как бы сами собой.

В сентябре 1941 г. наша 34-я армия Северо-Западного фронта была во второй раз окружена в обширном лесисто-болотистом крае между Старой Руссой и Демянском. При первом окружении на р. Ловати армия потеряла всю свою артиллерию, почти все тяжелое оружие пехоты и понесла огромные потери в людях. При втором, под Демянском, в кольце оказались, по существу, остатки ее войск.

В этот день я, начальник разведки одного из двух артиллерийских полков 245-й стрелковой дивизии, в связи с отсутствием проводной и радиосвязи с дивизией был направлен в ее штаб с донесением о прорыве немецких автоматчиков в ее тыл. Когда прискакал верхом в штаб, где-то рядом уже слышалась автоматная стрельба. После моего доклада начальник штаба приказал возвращаться в полк и передать командиру полка приказание об отводе всех частей дивизии в лес восточнее ее расположения.

Сосредоточенные в лесу части стали отходить через лес по единственной доступной для нас грунтовой дороге на восток, ведущей к селу Черный Ручей. Село находилось на пересечении этой дороги с большаком, проходившим от Демянска на север, к станции Лычково. Оба населенных пункта были уже заняты немцами. Шли ночью.

Я со своими конными разведчиками находился в голове колонны. На рассвете, при выходе из леса к Черному Ручью, колонну накрыли залпы минометного огня. С возвышенности, находившейся впереди, и откуда-то с флангов ударили перекрестным огнем пулеметы. Путь на восток оказался отрезанным. Последовала команда: "В атаку, вперед! Ура!"

И мы пошли... Не видя врага, не зная, какие силы стоят перед нами.

Дальнейшие события излагаю в стихах, сложившихся при воспоминаниях об этих незабываемых событиях.

Прорыв

Демянский большак, Черный ручей...
Нет, не забыть мне тех дней и ночей.
Команда в атаку. Бросок на курган.
С фронта и с флангов огня ураган.
Сетка живая из огненных трасс,
Холодом смерти накрывшая нас.
Живые фонтаны от рвущихся мин.
Иду им навстречу один на один.
Бьющий с кургана в упор пулемет
Шансов остаться в живых не дает.

Но надо прорваться, отдан приказ.
Падал и вновь поднимался не раз.
И вот на кургане. Замолк пулемет.
Но рядом со мною никто не идет.
Когда – не заметил, затихло “Ура!”
Настала гнетущая вдруг тишина.

Залег у подножья дивизион.
Нет, не прорвался, опять окружен.
Тут залп минометный высотку накрыл.
Упал, схоронился меж чьих-то могил.
Кладбище в вершине венчало курган.
Не здесь, не на нем ли последний мой стан?
Но нет, не судьба, лишь осколок в спине.
Не кончился срок, предназначенный мне.

И пуля лишь вскользь задела висок,
Когда за курган предпринял бросок,
Последний в заглушенной атаке шальной.
Назло всем смертям остался живой.
Укрылся в лесу, дружину собрал,
А ночью победу у немцев украл.
Лазейку во вражьей блокаде нашел,
От гибели, плена отряд свой увел.

При этой шальной атаке неожиданно нашлась моя пропавшая накануне лошадь Аза, не раз спасавшая меня в трудные минуты боя. Ее предательски угнал кто-то из командиров, когда я находился в штабе дивизии. По рассказу коновода, ожидавшего меня у крыльца, угонщик, угрожая пистолетом, отобрал у него уздечку Азы и, спасаясь бегством, усакал на ней в лес.

Для меня потеря любимой лошади была горькой утратой. Хорошо еще, что при этом я не оказался безлошадным и не пришлось отбирать лошадь у коновода. Ему удалось поймать одну из оседланных бесхозных лошадей, которых мы заметили пасущимися на лужайке при подъезде к штабу. На этой незнакомой чужой лошади я и ехал при ночном марше через лес к Черному Ручью. А из головы не выходило случившееся с Азой. Вспоминал ее.

Приведу один лишь эпизод, произошедший при выходе из первого окружения.

Я выводил тогда из окружения отряд из 30–40 чел. Его ядром были 9 моих конных разведчиков. Остальных, пеших, собрал ночью из окруженцев. Перед рассветом вывел отряд из леса и повел по дороге в расчете быстрее пройти открытую местность и добраться до следующего лесного массива, пока не проснулись немцы, пока не начался их “рабочий день”.

На подходе к ближайшей деревне увидел на дороге открытую легковую машину. Возле нее стоял высокий солдат в длинной кавалерийской шинели. Немцы таких не носили. Но машина немецкая. Возникло сомнение: наш или чужой? Когда отряд приблизился к машине, солдат вытянулся и отдал честь. Явно с немецкой четкостью. Подъехал к нему и скомандовал пешим: “Взять его!”. Несколько солдат выбежали из строя и направили в его грудь штыки. В тот же момент из машины раздался пистолетный выстрел. Пуля просвистела у моего уха.

Выпрыгнул из седла и, перебежав дорогу, залег за кюветом, чтобы расстрелять машину и невидимого стрелка из автомата. С удивлением увидел, что с моей стороны оказался и высокий немец. Он стоял, опираясь спиной о машину, и целился в меня из пистолета. Я упредил его выстрел, скосил короткой автоматной очередью. Расстрелял

наугад машину.

Тут же услышал рев мотоциклов, несущихся со стороны деревни. Впереди их летели огненные пулеметные трассы. Перекатился через дорогу обратно к своему отряду, чтобы организовать огневой отпор мотоциклистам. Каково же было мое удивление, когда увидел, что отряда на дороге нет. Мое “войско” бежало от неожиданного пистолетного выстрела, даже не заколов немца у машины. Такова цена паники на войне.

Единственной моей надеждой на спасение оставалось бегство. Побежал через поле к лесу. Видел, что поле в кочках и валунах. Не полигон для мотоциклов. Это еще оставляло надежду. А над моей головой через минуту – две уже летели пулеметные трассы. И вдруг за спиной услышал топот догонявшей меня лошади. Вскоре она поравнялась со мной и побежала рядом справа, как бы предлагая себя. Не раздумывая, ухватился рукой за переднюю луку седла и отработанным с училища махом на ходу вскочил в седло. В тот же миг лошадь рванулась вперед, едва не выбросив меня из седла. Успел нагнуться и обхватить ее шею. Вне досягаемости пулеметных трассы, лошадь перешла на размеренный галоп, и я сумел найти ногами стремяна и поймать уздечку. Только тогда я осознал, что подо мной моя Аза.

Она не ушла с другими лошадьми. Пока я вел бой у машины, очевидно, была где-то поблизости, ожидая, когда будет нужно придти на помощь. Это ли не пример преданности!

Аза

...Золото купит четыре жены;
Конь же лихой не имеет цены,
Он и от ветра в степи не отстанет,
Он не изменит, он не обманет.

М.Ю. Лермонтов “Бэла”

Была война... В безумстве смерть
Обильный урожай снимала.
Крушил огонь земную твердь.
И надо мною смерть витала.
Но не смогла скосить меня.
Ей оказалось не под силу
Настигнуть моего коня.
Моя красавица гнедая,
Ни страха, ни преград не зная,
Не раз от смерти уносила.

Из-под огня, из окруженья.
Когда казалось, нет спасенья,
К спасенью выход находила.
Упрямо закусив удила,
Как вихрь стелилась над землей.
Ей был не нужен окрик мой.
Всегда со мною в час лихой,
Она была моей судьбой.
Бывало, что опережала
Своим инстинктом мысль мою.
Сама решение принимала,
Чтобы спасти меня в бою.

Я потерял ее в атаке –
Шальной атаке “на ура”,
В лицо не ведая врага.

Сквозь сетку пулеметных трасс,
Разрывов мин, под визг свинца
Мы прорывались из кольца.
От взрывов дыбилась земля.
Уже бойцов не мало пало.
Вдруг под огнем меня нагнала,
Как призрак, взявшись ниоткуда,
Подруга верная моя.
Не знаю, как нашла, узнала
В цепи густой среди солдат.
И побежала со мной рядом
Навстречу пулям и снарядам.
Не ждал я этой встречи с Азой.
Считал пропавшей для меня,
Когда вчера с прорывом немцев,
Не знаю кто, спасаясь бегством,
Предательски угнал коня.
И вдруг она! В который раз, и вот опять,
Инстинкту преданности подчиняясь,
Она пришла меня спасать.
Но чтоб не сгинула в огне,
Черед спасать пришел ко мне.
Остановился на мгновенье,
И развернув, послал назад.
И ныне вижу ее взгляд.
В нем уловил недоуменье.
Но строго, для ее спасенья,
Свой снова повторил приказ.
Пройдя лишь несколько шагов,
Она вдруг оглянулась, встала,
И взглядом будто вопрошала:
А правильно ли поняла приказ?
И почему на этот раз
Я после ласкового слова
Вдруг прогонял ее сурово?
И сердце от тоски заныло
А долг вперед в атаку звал.
Еще раз твердо приказал.
Послушно к лесу затрусила.
Взглянул ей вслед в последний раз.
Простился в мыслях навсегда.
Знал, не увижу никогда.
И снова в цепь, и на курган.
В глазах же будто сквозь туман
Мерцал ее тревожный взгляд,
И бег трусцою в никуда.
Она навек со мной осталась
В тревожной памяти военной.
И облик стал ее нетленным,

Моей подруги боевой.
Она всегда везде со мной.

После залечивания ран, полученных в боях под Демянском, получил назначение на Калининский фронт.

Было стремительное наступление в составе 3-ей Ударной армии от Калинина до Холма на р. Ловати. Снова пришел на памятную мне реку, через которую дважды переправлялся в 1941 г. Туда и обратно.

А теперь, зимой сорок второго, застрял перед ней с января до самой осени. Затяжные безуспешные бои на Ловати оставили лишь горькие воспоминания.

Зато ярким, незабываемым был молниеносный бросок от Вислы до Одера в январе-феврале 1945 г.

Командуя артиллерийским дивизионом, участвовал в этой операции, беспримерной в истории войн по темпам наступления, в составе 8-ой гвардейской армии 1-го Белорусского фронта, предводимого Маршалом Победы Г.К.Жуковым.

1945 г. стал знаковым в моей жизни.

При штурме города-крепости Познани потерял правую руку. День Победы встретил в госпитале в Казани. Для меня этот радостный праздник был, наверное, в большей мере, чем для многих других, “праздником со слезами на глазах”. Война кончилась. Моя единственная, приобретенная с юности специальность – офицер-артиллерист. А кем я буду в мирное время, как дальше жить? Эти горькие раздумья не оставляли ни днем, ни ночью.

Из госпиталя

Вот снова буйствует весна,
Свой трубный гимн поет.
В цвету сирень и даль ясна,
Чего-то сердце ждет.
Услышишь ли его призыв,
Тоску и боль поймешь?
Вдруг расстояние позабыв,
Быть может, запоешь
Ты вместе с ним?
И только мы
Услышим тот напев,
Прикосновением весны
Свои сердца согрев.
И я, израненный в бою,
Найдя твою любовь,
Навек забуду боль свою
И в жизнь поверю вновь.
Быть может сквозь огонь и дым
Поверженной войны
Сердца свои соединим
В победный день весны.

Проблема моей дальнейшей жизни была решена в первые же дни после возвращения из госпиталя в Москву.

При выходе из метро на станции “Площадь Дзержинского” встретил генерала, своего начальника факультета, хорошо знавшего меня по учебе в Артиллерийской академии. Он тут же предложил проехать с ним в Академию, чтобы решить проблему моего

трудоустройства.

Так я стал адъюнктом, а вскоре и преподавателем Военной академии им. Ф.Э.Дзержинского. После отставки часто прогуливался в прекрасном парке Покровское-Стрешнево.

В один из чудесных летних вечеров увидел необыкновенной красоты закат.

Небо на западе горело огненным багрянцем, отражавшимся в окнах высотных домов. Оно напомнило мне освещенные заревом пожарищ небо над линией фронта во время войны. С горечью вспомнил своих павших боевых друзей, которым не довелось увидеть красоты вечерней зари на мирном небе.

Баллада о павших друзьях

Ярко вспыхнули окна багрянцем заката,
И вечерний покой шум дневной загасил.
Величавые сосны, как будто солдаты,
Строй ровняют у горестных братских могил.
А вдали полыхает горящее небо.
По нему мы в войну узнавали – там фронт.
Нам туда, как далек бы и труден путь ни был,
Мы спешили туда, где от взрывов дымил горизонт.

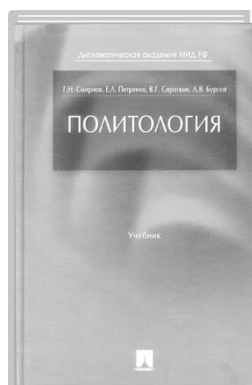
Почему ж о войне в этот сказочный вечер?
Что неожиданно навеяло грусть и печаль?
Просто вспомнил бывшие военные встречи.
Просто стало ушедшую молодость жаль.
Вспомнил тех, кто уже никогда не увидят
Свет зари из затерянных где-то могил,
Тех, с кем вместе врага ненавидя,
Фронтовые суровые будни делил.

Отступая, наступал, шел под зноем палящим,
Ночевал на снегу в вихревую метель,
Выбрав ложем своим на ночлег подходящим,
Меж кореньев ложбинку, а крышею ель.
Отступая, врагу оставляли могилы
Тех солдат, кому выпала доля уснуть.
Наступали, и как бы ни горько нам было,
Отмечали могилами пройденный путь.

Сколько пало в боях вас, героев безвестных,
Не познавших ни слов похвалы, ни наград,
Прямо с неба по праву бы вам бессловесным,
Принимать в День Победы военный парад.
Каждый раз, открывая с волненьем шкатулку,
Что оставил на память мой друг фронтовой,
Вспоминаю стрельбы отголосок не гулкий
И друзей в нашей тесной землянке сырой.

Нынче часто я с вами, как будто живыми,
В мыслях светлых по тихому парку брожу.
Озабочен делами, как встарь, фронтовыми,
В ваши лица ушедшие скорбно гляжу.
Промелькнули они в долгой жизни мгновеньем.
Но оставили след – ему равного нет.

А мгновенья войны стали тем откровеньем,
Для которого стоит явиться на свет!

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КАК ИСКУССТВО

А.Шутов,

доктор исторических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ

В настоящее время на полках книжных магазинов имеется большое количество учебников и учебных пособий по курсу политологии в вузах страны. Каждый из них, в целом отражая основные достижения политической науки, в то же время уделяет особое внимание тем или иным категориям политологии.

В 2004 г. вышел учебник коллектива авторов (А.Ю.Мельвиль и др.) “Политология”, в котором дан детальный анализ разным западным, в том числе американским, школам и направлениям политической науки. Помимо основного текста в него вошли интерпретации, фактологические сведения, цитаты из классической и новейшей литературы, обширный банк научных биографий видных представителей социально-политической мысли, определения ключевых понятий. Все это, несомненно, составляет полное введение в предмет и начальный этап научного подхода к той или иной теме исследования политической науки. Это и характеризует его преимущества над всеми предыдущими учебниками.

Представляемый в данной рецензии учебник по политологии как бы продолжает подобный подход, обогащая его стремлением авторов объединить политическую теорию и факты политической практики. Иными словами, делается попытка показать, что политический анализ – это своего рода искусство, предполагающее конструкцию не только рациональных, поддающихся политическому измерению мотивов интересов людей, но также их иррациональных, подсознательных, неосознанных побуждений, которые невозможно изучать с помощью только естественно-научных формул.

Важнейшая методологическая особенность данного учебника – соотнесение почти всех рассматриваемых категорий политической науки с сегодняшней российской действительностью. Подобного рода подход выделяет его из ряда других учебных пособий, акцентирует внимание на проблемы развития политического процесса в российском государстве, обогащает изложение общетеоретических взглядов фактологической практикой РФ.

Учебник состоит из трех частей. Первые две части отражают основные направления политической мысли. Третья – посвящена прикладной политологии с точки зрения очеркового анализа особенностей российской действительности как исторических, так и современных в сравнении с “нормами” Запада.

В первой части “История политических учений”, в отличие от других учебников, авторы данной книги расширяют ракурс анализа политических учений Запада с позиций традиционного общества, политической мысли Нового времени и политических идеологий эпохи индустриализма.

Подход к политическим учениям как к концептуально оформленным знаниям о

политике позволяет сделать вывод, что состояние политической мысли в социуме является показателем меры его свободы. Исследование исторических периодов и эпох политических учений представляет своего рода символы определенного времени, выражает “дух времени”, способы осмысления и познания мира, культурную и концептуальную матрицу знания о политике.

В рамках исторического исследования идей о власти, гражданском обществе, формах осуществления политической свободы и принуждения правомерно ставятся вопросы о возможностях и границах политики как инструмента реформирования общества, о поиске новых политических форм, отвечающих реалиям XXI в.

Наибольший интерес в первой части представляет обширное рассмотрение главных направлений русской политической мысли в XIX–XX вв. Оно дается на основании анализа основных традиций консерватизма, либерализма, радикализма, марксизма, а также политических учений русского зарубежья XX в.

Следует подчеркнуть, что анализ политических учений русского зарубежья представляет собой новаторскую черту авторов данного учебника в раскрытии всей полноты русской политической мысли. Это позволяет сделать вывод, что ее развитие не стояло в стороне от западной политологии, а находилось на параллельных курсах.

Вторая часть данного учебника раскрывает основополагающие категории политической науки. Можно только приветствовать стремление авторов подойти к этому не с точки зрения вводного анализа, введения в категориальный аппарат, а предлагая развитие этого анализа на актуальных примерах российского политического процесса. Сфера политики представляется при этом как всё, что связано с властными отношениями между людьми, социальными группами, с проведением той или иной линии поведения в обществе, с политической деятельностью.

Понимание сущности политической жизни возможно при осознании интересов, которые заставляют человека переступить грань, разделяющую политическое и неполитическое бытие. Они носят не индивидуальный, а надперсональный характер, имеющий определенное значение для той или иной части населения.

К новаторству второй части учебника можно отнести четвертую главу, посвященную рассмотрению категории политической элиты. К ней относится обладающая властью малая социальная группа любого общества. Политическая власть, независимо от ее носителей в графическом изображении, выглядит в виде пирамиды, основание которой составляют те или иные группы интересов – господствующие и правящие силы, классы, над которыми расположена самая активная, организованная верхушка – правящая политическая элита.

В главе характеризуются современные концепции элит, система реализации воли элит, партократическая концепция элиты, принципы осуществления власти политической элитой. Особый интерес представляет предлагаемое раскрытие специфических особенностей формирования современной российской политической элиты.

Своеобразный подход прослеживается и в раскрытии темы пятой главы второй части учебника “Демократия как механизм политического управления”.

Дается генезис этого понятия, обосновывается определенная степень утопичности объявляемой на Западе ее характеристик. Под ее внешней оболочкой “прячутся химеры антидемократизма, авторитаризма, олигархического или группового давления, отстранения широких слоев населения от управления во всей сферах общественной жизни”. Ярким свидетельством последствий наличия подобных “химер” являются выступления французской молодежи в марте 2006 г. против псевдodemократических законов.

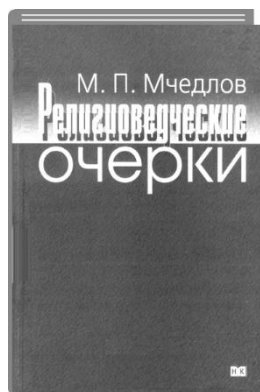
В главе справедливо подчеркивается, что основным гарантом демократического механизма управления в современных условиях способно выступать только государство вместе с гражданским обществом. Определенный интерес представляет и своеобразная трактовка начальной стадии демократизации в современной России.

Четвертая глава написана безвременно ушедшим из жизни известным историком-

публицистом профессором В.Г.Сироткиным. Здесь он как бы подводит итог всем своим книгам, в которых он пытался найти объяснение трудному историческому пути развития Российского государства. Эта часть, несомненно, также представит интерес студенческой аудитории, изучающей политологию с точки зрения неформального подхода к анализу политического процесса в РФ.

Следует отметить, что данный учебник – это попытка подхода к анализу категорий политической науки с более научных позиций, принимая во внимание достаточное количество опубликованного учебного материала по введению в предмет и раскрытию основополагающих понятий. При этом конечно, отдельные важные категории, в частности политическое поведение, политический режим, политический процесс и др., остались за рамками учебника. Однако авторы написали добротный учебник, позволяющий не только углубить политологические знания, полученные на вводном курсе, но и познакомиться с политическими проблемами, стоящими перед российским обществом.

Смирнов Г.Н., Петренко Е.Л., Сироткин В.Г., Бурсов А.В.
Политология. Учебник. М.: Изд. Проспект, 2006. 336 с..

РОЛЬ РЕЛИГИИ В ИЗМЕНЯЮЩЕЙСЯ РОССИИ

А.Берков

На книжном рынке появилась новая книга известного философа и религиоведа М.П.Мчедлова, в которой в полной мере проявился творческий стиль ученого, который неизменно привлекает внимание к его работам и выступлениям. Это – профессионально взвешенный подход к остро обсуждаемым в обществе вопросам, отсутствие всякого подобия конъюнктурности при их анализе, акцентирование на новых аспектах наболевших тем.

Книга при всей разноплановости ее разделов пронизана одной стержневой идеей – о роли религии в современной России. Рассматривая религию в качестве массового мировоззрения, как особое эмоциональное и нравственное состояние, наконец, как структуру, входящую в национальную культуру и оберегающую ее, автор, соответственно, прослеживает ее влияние в самых разных сферах жизнедеятельности общества. Среди них – взаимоотношение религии и ее институтов с цивилизацией, культурой, государством, этносами, нравственностью, политикой, экономикой, с различными социальными группами населения.

Подобный многосторонний, системный подход к проблемам религии подкрепляется их философско-политологическим анализом. Так, содержательно анализируется роль религии и ее институтов при становлении, функционировании и сохранении российской цивилизации.

В главе, посвященной взаимоотношениям религиозного и этнического факторов, подчеркивается амбивалентный характер религиозно-этнического симбиоза, в котором значительная роль принадлежит традиции.

В главе “Национальные интересы и духовно-цивилизационные критерии” акцентируется внимание на том, что религиозный институт в принципе призван быть свободным от партийных пристрастий (если его деятели не идут на поводу у политиков) и может обеспечивать общенациональные интересы.

Во всех же главах книги автор неизменно показывает, какие реальные трудности, нюансы, отступления от “искомых” позиций наблюдаются в сегодняшней России.

Работая над книгой, автор справедливо исходил из того, что серьезные исследования современной религиозной ситуации в России возможны при опоре на результаты различных форм прикладных исследований, проведенных “с соблюдением всех требований социологической науки”.

Только такой подход позволяет иметь дело с реальными фактами и тенденциями, а не пробавляться взятыми из вторых рук, зачастую произвольными сведениями. На материалах подобных исследований, постоянного мониторинга состояния религиозности в России, который осуществляет руководимый автором исследовательский Центр “Религия в современном обществе” Института социологии РАН, построены соответствующие разделы книги.

Именно конкретные исследования состояния и характера религиозности в стране

позволяют делать объективные выводы.

Отметим, например, главы, посвященные социальному портрету верующего наших дней. Избегая общих, ставших банальными фраз, автор стремится выявить характерные черты верующего на пороге третьего тысячелетия, проследить, какие сегменты религиозного комплекса и в какой мере реагируют на новые условия.

Малоизученный в отечественном общественном знании вопрос о степени и характере воздействия религиозного самоопределения на формирование нравственных, социальных, политических, культурных, международных и иных предпочтений поставлен в книге на конкретные основания. Автор полагает, что любые рассуждения на этот счет, тем более попытки построения определенных парадигм, должны, в первую очередь, опираться не только на знание особенностей ментальности различных социальных страт (интересны в этой связи разделы, посвященные верованиям различных страт: богатых, бедных, среднего класса, молодежи, жителей мегаполисов, провинциальных городов и т.д.), но и последователей различных религий, существующих в современной России. Поэтому в книге значительное место уделяется основным тенденциям во взглядах представителей различных вероисповеданий и мировоззрений: православных, мусульман, католиков, протестантов, иудеев, буддистов, неверующих.

Знание отличий и особенностей различных групп верующих, объективные представления о глубине и характере их реальной религиозности позволяет судить и о степени готовности их на деле реализовывать гуманный и толерантный потенциал своих верований. Очевидно, результаты подобного дифференцированного анализа важны и для их духовных пастырей, и для более целеустремленной социальной политики властных структур, и для обстоятельного научного анализа.

Справедливость и актуальность авторских рассуждений подтверждают события последнего времени. Остановимся в этой связи лишь на одном аспекте всесторонне рассмотренной в книге проблемы этноконфессиональных отношений, а именно: о роли социальных и культурных факторов в формировании этнорелигиозной толерантности, о диалектике их взаимодействия.

Давно подмечено, что проблема этноконфессиональной толерантности приобретает особую остроту во время социальных и национальных конфликтов и противоречий. В свою очередь, важнейшей причиной подобных конфликтогенных ситуаций в наши дни являются трудности социальной адаптации и интеграции в иной этноконфессиональной среде.

Наглядный пример этому – беспорядки, погромы, имевшие место осенью 2005 г. в пригородах Парижа, других французских городов, где сказались многие факторы, начиная с массовой неконтролируемой арабо-африканской иммиграции и связанными с ней социально-экономическими обстоятельствами.

Обитая в наименее благоустроенных предместьях городов, страдая от безработицы, не получая должного образования, молодые иммигранты, объединенные чувством социальной обделенности, обращались к тем “нецивилизованным формам” протеста, которые были обусловлены их возбужденными психологическими и общественно-политическими настроениями. То, что для молодых погромщиков, не находящихся в условиях социального гетто возможностей для социальной адаптации, главное было вовсе не религиозная мотивация и не подстрекательная деятельность исламистов, подтверждает и такой факт: никто из них не внял фетве, принятой Союзом мусульманских организаций Франции, осуждающей насилие и призывающей к спокойствию.

Поэтому важнейшим фактором преодоления подобных противоречий и конфликтов, как обосновывается в рецензируемой книге, является решение социально-экономических проблем, политические преобразования, признание легально находящихся в стране иммигрантов полноправными гражданами. Иначе говоря, осуществление реальной социальной адаптации и интеграции, обеспечивающей всех граждан страны равными правами: социального, политического и юридического характера.

Вместе с тем, во Франции выявился и другой глубокий и трудно преодолимый кризис между духовно-культурными предпочтениями, образами жизни коренных граждан и переселенцами из исламских стран (в книге подобные аспекты религиозно-политических противостояний также рассмотрены). Сегодня, благодаря противоречивым процессам глобализации и связанными с ними большими потоками миграции, миллионы и миллионы людей, покидая родные места, встречаются с иными культурами, приверженцами иных религий.

Иногда задается вопрос: имеет ли религия иммигрантов, в данном случае ислам, отношение к тем противоправным действиям, которые наблюдались в западноевропейских странах?

Конечно, имеет, но не в качестве первопричины, а как некоего идеологического обрамления.

Толпы малообразованной молодежи не могли же руководствоваться диалектикой Гегеля или положениями экзистенциальной философии Ж.-П.Сартра. Они обращались к той доступной им форме идеологии, которая традиционно определяет их этику поведения, стереотипы общения, ценностные ориентации. Поэтому религиозные лозунги могли мобилизовывать и интегрировать протестные настроения мусульман, придавая им в ряде случаев характер соперничества ценностей, о чем свидетельствуют имевшие место нападения на церкви. Однако используемые религиозные лозунги, легко манипулирующие толпой, вовсе не выражают сущности самой религии. Это – мутная пена, образовавшаяся на живом потоке миролюбивого по своей сущности ислама.

Сходная ситуация складывается и на Юге России, где имеются проблемы Чечни, всего Северного Кавказа и где среди причин сепаратистских и криминальных выступлений социально-экономический фактор занимает отнюдь не последнее место. Поэтому решение наиболее острых социальных и экономических вопросов и здесь приобретает решающее значение.

Каковы же могут быть наиболее приемлемые для демократического сознания, просто совестливых людей сценарии безболезненной встречи разных систем ценностей, культур, религий?

Эти вопросы обстоятельно и дифференцированно исследуются в книге.

В ней мы находим ответ на такой вопрос: если в случае вопиющего социально-экономического неравенства иммигрантов несправедливость может быть преодолена на путях социальной адаптации и интеграции, то интеграция разных религий, культур, ценностей представляется бесперспективным явлением.

Тут необходимы иные средства и пути, обеспечивающие их максимально комфортное и уважительное сосуществование. Уважительное отношение к чужим богам, разрешение верить по-своему даже побежденным народам были свойственны проницательным захватчикам с давних времен. Чингиз-хан боялся чужих богов и, остерегаясь их, предоставил Русской Православной Церкви значительные привилегии.

Со временем практика толерантного сосуществования различных религий и этносов при сохранении самобытности этноконфессиональных культур значительно углубились.

Ныне цивилизованный мир видит основное требование толерантной культуры в следующем: свободное исповедание каждым гражданином, общественной группой свободно избранных нравственных, социально-политических, мировоззренческих предпочтений предполагает их лояльное, терпимое, не враждебное, уважительное отношение к аналогичному выбору других.

Толерантность базируется на признании, уважении универсальных прав и свобод человека, она является признаком уверенности человека в надежности своих позиций, отсутствия боязни сравнения и конкуренции с другими воззрениями, боязни утратить свойственные ему различия. Именно за такой подход ратует и автор рецензируемой книги, справедливо считая, что в многонациональной России без установления этноконфессионального мира, утверждения атмосферы благожелательности и изживания

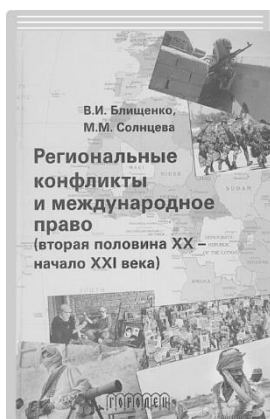
неприязни к иным народам и верованиям обречены на провал любые реформы и планы достижения материального благополучия, политической стабильности, духовного спокойствия.

В монографии М.П.Мчедлова содержательно рассмотрены много других сюжетов, крайне важных для понимания современных сложных проблем идеологии, политики, межнациональных и межрелигиозных отношений.

Главы книги, будучи познавательными, в то же время легко читаются. Рекомендуем с ней познакомиться не только политологам и социологам, но и всем интересующимся современными процессами в духовной и общественно-политической жизни России.

Поделившись моими впечатлениями о некоторых особенностях рецензируемой книги, хотелось сказать и о моем личном, эмоциональном отношении к ее автору, которого я знаю почти полвека, в том числе по совместной работе в редакции журнала “Коммунист”, где он также увлеченно и содержательно занимался этой проблематикой. Приятно, что, в отличие от некоторых авторов, стремительно меняющих свои взгляды и даже кокетничающих подобной “гибкостью”, М.П.Мчедлов – весьма последователен в своих воззрениях, что вызывает особое доверие к его выводам.

Мчедлов М.П.
Религиоведческие очерки. Религия в духовной
и общественно-политической жизни современной России.
М.: Научная книга, 2005. 447 с.

НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ МЕЖДУНАРОДНЫХ РЕГИОНАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ

Н.Жданов,

доктор политических наук, профессор

Региональные конфликты – традиционная тема исследований российских и зарубежных историков международных отношений, юристов-международников, политологов. И это не случайно, если учесть остроту региональных межгосударственных противоречий, угрозы, которые несут региональные конфликты – особенно в их вооруженной форме – для международного мира и безопасности, а также последствия таких конфликтов для экономических, политических и военных интересов ведущих мировых держав, включая Россию.

Тем не менее, новая работа В.И.Блищенко и М.М.Солнцевой, посвященная этой теме, представляет несомненный научный и практический интерес, что связано с рядом обстоятельств.

Прежде всего, речь идет о масштабах исследования. В чисто временном плане оно охватывает 60-летний период мировой истории – от окончания Второй мировой войны до наших дней. В плане географическом – все континенты, на которых разворачивались в это время международные региональные конфликты различных форм и интенсивности. Можно сказать, что за последние годы это первая попытка такого рода исследования в российской научной литературе.

Этот масштаб позволяет авторам “подняться” над исследованием отдельных региональных конфликтов, какими бы острыми и масштабными они ни были, и проанализировать проблему в широком историческом контексте.

Региональные конфликты рассматриваются в работе, с одной стороны, как особая форма глобального конфликта двух мировых систем, что было особенно актуально для периода 1945–1991 гг., когда глобальный конфликт во многом определял содержание и характер конфликтов региональных, а с другой – как самостоятельная форма международного конфликта, имеющая свои особенности и закономерности развития, отличающие ее как от конфликта глобального, так и от конфликта локального (внутреннего).

Такой подход дает возможность показать эволюцию общего характера региональных международных конфликтов под влиянием глубоких изменений в международных отношениях, связанных с прекращением глобального противостояния двух мировых систем в результате распада СССР и мировой социалистической системы, доминированием – пусть и исторически временным – одной сверхдержавы в международных отношениях и одновременно – с ускоренным развитием процессов глобализации мировой экономики и политики, возникновением новых глобальных угроз, включая радикальный исламизм и международный терроризм.

Несомненным достоинством работы является междисциплинарный подход к

исследованию, сочетающий как традиционную методологию истории международных отношений и международного права, так и подходы новых научных дисциплин, еще находящихся в процессе своего становления: политологии, конфликтологии и регионоведения. Этот подход позволил авторам дать весьма полную, “выпуклую” картину конкретных региональных конфликтов, включая их предысторию, последствия и различные компоненты: экономический, политический, военный и идеологический.

Важно отметить и стремление авторов избежать идеологизации анализа региональных конфликтов, столь характерной для работ советских историков-международников, что, однако, не помешало объективно показать обоснованность политических подходов России к их урегулированию.

Работа В.И.Блищенко и М.М.Солнцевой, несмотря на широту охвата темы, достаточно компактна и логична, написана хорошим языком. Очевидно, здесь сказался многолетний опыт преподавательской работы авторов – основные положения монографии прошли “обкатку” в ходе чтения специализированных курсов лекций для студентов-международников ведущих московских вузов.

Как говорил известный литературный персонаж XIX в., “нельзя объять необъятное”. Тема региональных международных конфликтов действительно относится к числу “необъятных”, поскольку на место старых конфликтов приходят новые.

Авторы правы, когда указывают на ограниченность возможностей отразить в монографии всю полноту картины. Тем не менее, хотелось бы отметить, что работа значительно выиграла бы, если бы авторы включили в нее анализ межрегиональных конфликтов на постсоветской территории. Ведь многие из этих конфликтов (Приднестровье, Абхазия, Южная Осетия, Карабах, конфликт России с отдельными странами Балтии) полностью подпадают под ключевое определение “международного регионального конфликта”, используемое авторами. Хочется надеяться, что авторы учтут это замечание в ходе дальнейшей работы над темой.

Работа В.И.Блищенко и М.М.Солнцевой, посвященная исследованию международных региональных конфликтов, представляет безусловный интерес как для специалистов-международников самого разного профиля, так и, в особенности, для студентов, изучающих курсы современных международных отношений, международного права, регионоведения и т.д. Она может быть использована в качестве полноценного учебника по соответствующим дисциплинам. Да и “широким массам читателей”, интересующихся современными международными отношениями, знакомство с этой работой будет весьма полезным.

В.И. Блищенко, М.М. Солнцева.
Региональные конфликты и международное право
(вторая половина XX – начало XXI века).
М.: ОАО «Издательский дом “Городец”», 2005. 496 с.